

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 3 (23)

SOCIETY, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2025

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флора Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России по учебной работе.

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник науч-

но-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабидуллина Зилия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник выс-

шей школы Российской Федерации начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника

Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: Ю. Р. Исмагилова, техническая верстка: Ю. Р. Исмагилова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 26.09.2025. Дата выхода в свет: 30.09.2025

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,11 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 78. Цена свободная.

**SOCIETY, LAW, STATEHOOD:
No. 3 (23) 2025   RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic affairs.

Divayeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin for scientific work.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Professor of the Department of Law of Eastern Academy of Economics, Humanities and Law.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Informatics Problems of Informatics and Management Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashov Aleksandr Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-

Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Informatics and Economics of Birk Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Information and Technical Support of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of

Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of

the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: Yu. R. Ismagilova, technical layout by Yu. R. Ismagilova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 26.09.2025. Release date: 30.09.2025.

Electronic text data 702 MB (1,11 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 78. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кобец П. Н. Особенности реформирования законодательной системы Советского Союза в период 1941–1945 гг. 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Хабибова Л. Д. Особенности индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере 21

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абарин А. Д. Криминалистическое обеспечение выявления и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием стеганографии 28

Асадуллина А. А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве 36

Ахметгалеев В. Р. Тактические особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных систем 43

Епифанов А. Е. Половые преступления против несовершеннолетних в информационной среде 52

Харисова З. И. Оптимизация процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием алгоритмов искусственного интеллекта 60

Черняков С. А. Хищение похищенного. Дискуссионные вопросы уголовно-правовой характеристики 70

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Гизатова Н. В., Сухоплюев П. А. Финансовые пирамиды: механизмы, последствия и предотвращение экономических преступлений 76

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Янбухтин Р. М. Общественное мнение в системе обратной связи органов внутренних дел на региональном уровне (теоретико-методологический аспект) 83

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Горбачев С. Б. О становлении евразийской цивилизационной идентичности России 92

Памятка 98

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Kobets P. N. Features of the reform of the legislative system of the Soviet Union in 1941–1945.... 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Khabibova L. D. Features of individual preventive work of a district police officer in relation to persons committing offences in the family and domestic sphere..... 21

CRIMINAL LAW SCIENCES

Abarinov A. A. Forensic support for the detection and investigation of extremist and terrorist crimes committed using steganography 28

Asadullina A. A. The principle of equality of all before the law and the court: problems and guarantees in criminal proceedings..... 36

Akhmetgaleev V. R. Tactical features of the use of preventive measures in the form of detention in the investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies 43

Epifanov A. E. Sexual crimes against minors in the information environment 52

Kharisova Z. I. Optimization of the search, analysis and interpretation processes of digital evidence based on artificial intelligence algorithms 60

Chernyakov S. A. Theft of stolen goods. Controversial issues of criminal law characteristics 70

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Gizatova N. V., Sukhoplyuev P. A. Financial pyramids: mechanisms, consequences and prevention of economic crimes 76

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Yanbukhtin R. M. Public opinion in the feedback system of internal affairs bodies at the regional level (theoretical and methodological aspect) 83

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Gorbachev S. B. On the formation of the Eurasian civilizational identity of Russia 92

Instruction 98

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34.03(47)"1941/1945"

Петр Николаевич Кобец
*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД 1941–1945 ГГ.

Аннотация. В данной работе автор сосредоточился на необходимости проведения объективного исследования, а также последующего анализа реформирования законодательного регулирования общественных отношений в период немецко-фашистской военной агрессии против Советского Союза. Предпринял попытку изложить собственное видение данных процессов и предложить непредвзятую и беспристрастную оценку особенностей, свойств и характеристик государственной законодательной политики обозначенного исторического периода. Особо подчеркивается, что благодаря вновь принятым законодательным актам и доработке действующих положений довоенного законодательства во многом удалось реализовать комплекс необходимых законодательных решений по реформированию отечественной правовой системы. Делается вывод о том, что ужесточение законодательных механизмов в военный период было полностью обоснованной мерой, поскольку требовало от общества мобилизации всех его ресурсов для победы над врагом. В дальнейшем отечественную законодательную политику необходимо формировать на основе положительного опыта исторического прошлого государства и стремиться не допускать нежелательных правовых просчетов и ошибок.

Ключевые слова: Советский Союз, военное положение, специальный правовой режим, законодательная политика, совершенствование правового регулирования, криминализация, процессы мобилизации, законодательный исторический опыт

Для цитирования: Кобец П. Н. Особенности реформирования законодательной системы Советского Союза в период 1941–1945 гг. // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 10–20

Original article

Petr N. Kobets
*All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
pkobets37@rambler.ru*

FEATURES OF THE REFORM OF THE LEGISLATIVE SYSTEM OF THE SOVIET UNION IN 1941–1945

Abstract. In this work, the author focused on the need to conduct an unbiased and objective study, and subsequent analysis of the reform of legislative regulation of public relations during the Nazi military aggression against the Soviet Union. The author attempted to present his own vision of these processes and offer an unbiased and impartial assessment of a set of features, properties and characteristics of the state legislative policy of the designated historical period. In the process of presenting the material, the author especially emphasizes and at the same time draws attention to the fact that, in the analyzed historical period, thanks to newly adopted legislative acts and revision of the current provisions of the pre-war legislation, it was largely possible to implement a set of popular and necessary legislative decisions to reform the domestic legal system. It is concluded that tightening legislative mechanisms during the war was a fully justified measure, since it

---

© Кобец П. Н., 2025

required society to mobilize all its resources to defeat the enemy. In the future, domestic legislative policy must be formed on the basis of the positive experience of the historical past of the state and strive to avoid undesirable legal miscalculations and mistakes.

Keywords: Soviet Union, martial law, special legal regime, legislative policy, improvement of legal regulation, criminalization, mobilization processes, legislative historical experience

For citation: Kobets P. N. Features of the reform of the legislative system of the Soviet Union in 1941–1945 // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 10–20. (In Russ.)

Введение

Колоссальный исторический опыт противодействия Советским Союзом военной агрессии фашистской Германии представил всему мировому сообществу возможности наших предков, которые они смогли проявить во время возникновения чрезвычайной ситуации. При этом важно отметить, что, встав на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, страна смогла продемонстрировать не только свои военные успехи и уникальные технологические решения, но также наличие у общества фундаментальных высших ценностей, нравственных начал, особых патриотических традиций, национальной гордости и духа, которые в военной обстановке сыграли ключевую роль в разгроме врага. В рассматриваемый исторический период были приняты многочисленные нормативные правовые акты, благодаря которым удалось усовершенствовать национальные источники права, судебную практику, укрепить законность и правопорядок.

Совершенствование законодательной системы в период 1941–1945 гг. было критически важным и являлось определяющим в защите граждан и гарантировании безопасности национальных интересов. Вносимые законодательные изменения не только развивали и реформировали правовую систему, но и адаптировали ее к результативному противодействию вновь возникающим угрозам. Полученные в процессе исследования законодательного реформирования военного периода знания могут стать значимыми для современных правоведов, так как на основе их анализа возможно еще лучше разобраться в процессах адаптации законодательных норм к ситуациям, возникающим в чрезвычайной обстановке,

в том числе военного периода. Кроме того, подобные научные исследования способствуют более глубокому восприятию и осмысливанию природы эволюционирования законодательной системы.

Методы

В качестве объекта проведенного исследования выступил анализ развития законодательных основ периода Великой Отечественной войны. Исследовательская работа проводилась на основе исторического, структурного, логического, сравнительного методов, а также методов системного анализа. С учетом архивных и иных исторических источников, а также исторического подхода автором проведен анализ ряда законодательных актов, позволяющих более глубоко раскрыть особенности правового регулирования общественных отношений в военное время. В результате проделанной работы им выделены характерные особенности формирования и совершенствования отечественного законодательства периода 1941–1945 гг.

Результаты

Основная задача руководства страны в военное время заключалась в организации активного сопротивления и борьбы с немецко-фашистскими оккупантами [1, с. 30]. В то же время приоритет в рассматриваемый период стали отдавать развитию социального и экономического секторов страны, эффективному функционированию Красной Армии, а также степени реформирования отечественного уголовного права, без которого было невозможно в необходимой степени регулировать государственные и общественные отношения во время Великой Отечественной войны. Кроме того, срочное реформирование отечественной правовой системы требовало усиления мер

правового воздействия на совершаемые преступные проявления по закону военного времени [2, с. 460].

В целях реализации всех этих задач необходимо было создать чрезвычайные органы власти и управления и проводить результативную законодательную политику. В связи с этим созданному 30 июня 1941 г. чрезвычайному высшему государственному органу страны – Государственному Комитету Обороны [3] (далее – ГКО), Центральному комитету Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (далее – ЦК ВКП (б)), коллективному высшему органу государственной власти – Президиуму Верховного Совета СССР (далее – Президиум ВС СССР), высшему коллегиальному органу исполнительной и распорядительной власти – Совету Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР), Пленуму Верховного Суда СССР – органу Верховного Суда СССР (далее – Пленум ВС СССР) пришлось активно участвовать в законотворческих процессах, внося требуемые военным временем изменения в работу всего государственного аппарата и правовую систему страны. Пришлось расширить число органов государственной власти, которые могли принимать непосредственное участие в работе по принятию законодательных актов. Поэтому все перечисленные выше государственные и партийные органы в военный период стали субъектами законотворческой работы, принимая самое непосредственное участие в процессах подготовки и последующего принятия норм законодательства. В то же время следует отметить, что особая роль в процессах совершенствования законодательного регулирования в военный период все же принадлежала таким органам, как ГКО и Президиум ВС СССР, при этом первым принимались законодательные акты, которые в наибольшей степени регулировали общественные отношения в условиях Великой Отечественной войны, а

вторым – общие общественные отношения, которые возникали как в мирное, так и в военное время [4, с. 27].

Первой законодательной инициативой военного периода стал Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»¹. Данный нормативный акт обеспечил установление правового режима для обеспечения особого порядка, который регламентировал общественные отношения военного периода [5, с. 59]. Благодаря сформированному законодательному механизму после принятия обозначенного указа возникла возможность регулирования большинства на тот момент имеющихся в стране сфер общественных отношений в тех городах и весях, жизнедеятельность которых пришлось в экстренном режиме перестраивать на военный лад. С целью регламентации общественных отношений необходимо было ввести чрезвычайно жесткий правовой режим, который обеспечивал бы решение задач по преодолению всего комплекса возникших внешних угроз и победу над врагом.

Кроме того, в этом указе была изложена некая программа о мерах, которые должны были быть направлены на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В частности, в нем говорилось о недопущении благодушия и беспечности, об укреплении общественной, государственной, военной и трудовой дисциплины, о профилактике преступных проявлений и мобилизации всего общества на борьбу с врагом [6, с. 181]. Принятие данного законодательного акта позволило советскому правительству без промедления и с минимальными затратами реформировать и усовершенствовать механизм всей системы по государственному управлению, который демонстрировал сосредоточение всех властных полномочий во всех местностях и территориях, которые перешли на режим военного положения, в компетенции представителей военной ад-

¹ О военном положении : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 22 июня 1941 г. (с изм. от 07.07.1943). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

министрации, решения которой обладали обязательным характером для всех без исключения органов управления [7, с. 112]. Важно отметить, что согласно данному законодательному акту виновных в совершении преступных посягательств и неподчиняющихся любым распоряжениям властей следовало привлекать к мерам уголовной ответственности по законам военного времени [8, с. 115]. В нем также был утвержден порядок рассмотрения преступных посягательств в сфере обороны, госбезопасности и правопорядка. В соответствии с данным указом было отменено кассационное обжалование приговоров военных трибуналов.

Неотложные меры, связанные с экстренным выводом и переносом промышленных и трудовых ресурсов вглубь страны с советских прифронтовых территорий, которыми хотели завладеть немецко-фашистские захватчики, важность реформирования экономического сектора, перенастройки и модернизации производственных мощностей, а также трансформация и реорганизация промышленного производства, соответствующая требованиям военного времени, дали начало работе специальных органов управления и принятию чрезвычайных норм законодательства. Именно по вышеперечисленным причинам уже буквально с первых дней военного противостояния стало происходить реформирование уголовно-правовых законодательных норм. Причем немаловажным обстоятельством данного процесса стало то, что отечественными законодателями нормы права стали реформироваться сразу же в двух направлениях [9, с. 142]: 1) законодательные нормы рассматриваемой отрасли права модифицировались и расширялись, при этом ужесточались меры уголовной ответственности в ранее действовавшем законодательстве, а также вводились совершенно новые уголовно-правовые составы; 2) оте-

чественные законодатели начали активно внедрять применение мер уголовно-правового воздействия, которые были не связаны с изоляцией виновных от общества. В рассматриваемый исторический период также активно практиковалось досрочное освобождение из заключения осужденных лиц и направление их на фронт.

Понимая реальную угрозу наступления военных действий, еще в самом начале 1940-х гг. руководство страны приступило к проведению некоторого правового и экономического государственного реформирования [10]. В частности, были приняты правовые акты, законодательно закрепившие увеличение продолжительности рабочего времени, соблюдение дисциплины труда, запрет перехода работников с одних предприятий на другие, меры ответственности в случае выпуска некачественной продукции. Между тем в интересах обороноспособности государства с целью задействования в полном объеме всего имевшегося в стране кадрового потенциала Указом Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» был установлен новый порядок администрирования, координации и контроля в сфере трудовых отношений, режим рабочего времени был увеличен вследствие введения обязательных сверхурочных работ и отмены отпусков¹.

В самом начале войны рядом законодательных актов вводились жесткие меры ответственности в сфере трудовых отношений. В частности, Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» вводил меры ответственности до четырех лет лишения свободы, а по Указу Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. (с изм. от 08.09.1943)

¹ О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 26 июня 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1968. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 37–38.

«Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по сути, те же действия, которые регулировались предыдущим законодательным актом, предусматривали наказание до восьми лет заключения¹. Примерно аналогичная ситуация, которая имела место быть среди работников промышленных предприятий, складывалась с колхозниками: до принятия Постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»² при нарушении данных правил они привлекались к мерам дисциплинарной ответственности, а после вступления в силу данного постановления невыполнение предписанных законодательством норм наказывалось лишением свободы. С началом войны подобная практика введения мер уголовной ответственности за деяния, которые расценивались в довоенный период как дисциплинарные проступки, прослеживается в различных народно-хозяйственных сферах.

Исторические факты достаточно ярко и четко иллюстрируют слабую подготовленность Советского Союза к военным действиям против фашистской Германии. Только в течение первого года военного противостояния Советский Союз понес существенные человеческие и материальные потери, которые приводили к появлению панических настроений на фронте и в тылу. И было неудивительно, что властям пришлось пресекать подобные настроения в армии и обществе посредством развития карательных мер уголовно-правового

характера. Например, в тех случаях, когда лица занимались распространением ложных слухов, которые возбуждали тревогу в обществе, по Указу Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. их преступная деятельность наказывалась лишением свободы на срок от двух до пяти лет.³

Начавший действовать 28 июля 1942 г. приказ наркома обороны СССР № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»⁴ установил считать предателями командиров и политработников, которым пришлось в силу ряда объективных причин отступить с боевых позиций, не имея на то приказа вышестоящего командования. В свете этого в отношении данных лиц должна была применяться санкция, которая по действующему на тот момент законодательству предусматривалась для лиц, изменивших Родине, и они должны были быть расстреляны.

В военные годы значительное осложнение и активизация вопросов обеспечения государственной безопасности послужили основой для акцентирования внимания на усилении мер ответственности за преступные проявления, совершаемые в отношении государства. Поэтому Указ Президиума ВС СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» в качестве состава данного преступления отметил неосторожное разглашение государственной тайны гражданскими лицами: разглашение сведений, составляющих государственную

¹ Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 26 дек. 1941 г. (с изм. от 08.09.1943). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней : постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13 апр. 1942 г. № 508 (с изм. от 24.07.1949). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 6 июля 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 53.

⁴ О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций («Ни шагу назад!») : приказ наркома обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

тайну, должностными лицами или утрата ими содержащих такие сведения документов; разглашение сведений, которые являются государственной тайной, частными лицами¹.

Когда немецким войскам удалось приблизиться к Москве на предельно опасное расстояние, то в сложившейся ситуации 19 октября 1941 г. ГКО было издано Постановление «О введении в Москве осадного положения», в соответствии с которым было запрещено передвижение транспорта и населения с 12 часов ночи до 5 часов утра². В результате введения данного законодательного акта лиц, его нарушивших, включая провокаторов и разного рода вражеских агентов, незамедлительно расстреливали на месте.

Некоторые из нормативных положений рассматриваемого периода были вызваны борьбой с преступными проявлениями, которые нарушали устои безопасности страны, как, например, уклонение от разного рода мобилизационных мероприятий. Так, по Указу Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»³ к исправительно-трудовым работам на срок до одного года приговаривали граждан, которые уклонялись от мобилизационных мероприятий. Наибольшая продолжительность сроков подобной работы была установлена по Указу Президиума ВС СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных до-

рогах», распространившему эти запреты на граждан, которые были заняты работой на всех видах транспорта⁴. Вместе с тем законодатели приняли меры по увеличению санкций за посягательства довоенного времени, потому как полагали, что они выступают в качестве угрозы не только правопорядку, но и государственной безопасности в целом. К примеру, 29 сентября 1942 г. издается Указ Президиума ВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»⁵, приравнявший к дезертирству самовольный уход с предприятий и учреждений рабочих, служащих и инженерно-технических работников, переведенных на положение мобилизованных [11, с. 236].

Кроме мер карательного воздействия, согласно приказу Наркомата танковой промышленности от 4 февраля 1942 г., предприятия данной отрасли могли забирать на хранение паспорта работников. В целях повышения и поддержания мер дисциплинарного характера на объектах речной и морской транспортной инфраструктуры в 1943 г. издаются специальные указы, в том числе «О введении военного положения на морском и речном транспорте»⁶, согласно которым весь персонал работников и служащих морского, речного и железнодорожного транспорта перевели в категорию мобилизованных лиц. Эти меры вводились для того, чтобы добиться на объектах транспортной инфраструктуры воинского порядка, бес-

¹ Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 15 нояб. 1943 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 49.

² О введении в Москве осадного положения : постановление ГКО СССР от 19 окт. 1941 г. № 813 // Архив Института военной истории. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1. Л. 55–56.

³ О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 13 февр. 1942 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 6.

⁴ О введении военного положения на всех железных дорогах : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 15 апр. 1943 г. // Известия. 1943. 16 апр.

⁵ О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 29 сент. 1942 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 38.

⁶ О введении военного положения на морском и речном транспорте : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 9 мая 1943 г. // Известия. 1943. 11 мая.

прекословного подчинения командирам и исполнительности, а также подчинения всей системы управления транспортом интересам военного времени. В результате принятия данных законодательных актов преступления, совершенные работниками транспорта по службе, стали рассматриваться военными трибуналами в соответствии с законами военного времени. Виновные лица направлялись в штрафные роты либо подвергались более суровому наказанию.

В данный период широко распространился институт аналогии (закон о приравнивании) [12, с. 129], который допускался в соответствии с рядом постановлений ГКО СССР, в частности от 1 декабря 1941 г. № 986 «Об ответственности за расхищение снегозащитных ограждений на железнодорожном транспорте»¹, от 2 июля 1942 г. № 1948 «Об ответственности железнодорожных служащих за сохранность перевозимых по железной дороге народнохозяйственных грузов в военное время»².

Среди особенностей реформирования отечественной правовой системы следует отметить не только ужесточение наказаний, но и лояльность в случае приема решений об отсрочке исполнения приговоров. Так, в соответствии с Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июля 1927 г. «О введении в действие Положения о воинских преступлениях» была предусмотрена высшая мера наказания в виде расстрела в тех случаях, когда в военное время лица совершали дезертирство³. В то же время Постановление Пленума Верховного Суда СССР 1942 г. разъясняло, что в случае наличия смягча-

ющих обстоятельств суды получили право направления подсудимых за дезертирство для прохождения службы в рядах Красной Армии, устанавливая в отношении них отсрочку исполнения приговора⁴.

Для государственной правовой политики рассматриваемого периода характерны ужесточение мер административного законодательства в сфере хозяйственных связей, введение новых уголовно-правовых составов преступных посягательств и усиление мер ответственности за ранее действовавшие уголовно-правовые составы, а также введение ускоренного порядка рассмотрения судебных дел [13]. Данный правовой подход был направлен на достижение скорейшей победы над врагом и был полностью обоснованной мерой, поскольку требовал от общества мобилизации всех его ресурсов.

Совершенно очевидно, что законодательной политике военного периода пришлось в некоторой степени быть отражением всего имеющегося комплекса первоочередных и животрепещущих проблем, связанных с противодействием преступным проявлениям. Следует отметить и то, что одной из законодательных особенностей было развитие разного рода социальных проектов. Так, в частности, развитие законодательных основ военного периода происходило не только для того, чтобы обеспечить Красную Армию и тыл всем необходимым для скорейшего разгрома немецко-фашистских захватчиков, но также уже в самом начале военных действий законодатели задумывались о дальнейшем развитии социальных мер

¹ Об ответственности за расхищение снегозащитных ограждений на железнодорожном транспорте, с приложением записки Кагановича Л. М. Сталину И. В. : постановление ГКО СССР от 1 дек. 1941 г. № 986 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Оп. 2. Д. 28. Л. 6–7.

² Об ответственности железнодорожных служащих за сохранность перевозимых по железным дорогам народнохозяйственных грузов в военное время : постановление ГКО СССР от 2 июля 1942 г. № 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 95–96; Оп. 2. Д. 72. Л. 166–170.

³ Положение о воинских преступлениях : постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1927 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1927 г. № 35-69. Отдел первый / Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров СССР и Совета Труда и Оборона. М. : Б. и., б. г. 674 с.

⁴ О возможности и порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о дезертирстве в военное время : постановление пленума Верхов. Суда СССР от 22 апр. 1942 г. № 8/м/1/у // Социалистическая законность. 1942. № 9. С. 32.

по государственной поддержке детей и подростков, оставшихся без родителей и близких. В результате в январе 1942 г. принимается Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [14, с. 19]. В данном законодательном акте было обращено особое внимание на принятие решительных мер, направленных на предотвращение и ликвидацию беспризорности детей, а персональная ответственность за эту работу возлагалась на председателей исполкомов Советов депутатов трудящихся различных эшелонов власти. В постановлении также были отмечены основополагающие механизмы (усыновление, патронат и опекунов), в соответствии с которыми было необходимо устраивать детей-сирот [15, с. 186].

В области законодательного регулирования семейных отношений меры совершенствования государственной политики были нацелены на необходимость укрепления супружеских и семейных отношений, стимулирование процессов по увеличению семей с большим количеством детей и заботу о сиротах. При этом Указ Президиума ВС СССР «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» вводил меры повышенного налогообложения (6 %) на несемейных и бездетных граждан (мужчин 20–50 лет, женщин 20–45 лет)¹. Государственные инициативы военного времени также не заставили себя ждать в сфере поддержания, защиты и охраны материнских прав. В частности, они получили свое закрепление в изданном 8 июля 1944 г. Указе Президиума ВС СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства и об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»². В соответствии

с данным законодательным актом был обнародован комплекс мероприятий, направленных на поддержку матерей, родивших и воспитывающих несколько детей. Кроме того, в нем также устанавливался регламент, согласно которому в связи с многодетностью они должны были награждаться специальными государственными наградами.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что данным указом произошло упразднение правовой нормы, в соответствии с которой лица женского пола обладали правами обращения в судебные органы для оформления исковых заявлений по установлению отцовства и о взыскании алиментных платежей с лиц мужского пола, не состоящих с ними в зарегистрированных супружеских отношениях. Положения данного законодательного акта давали разъяснения и о том, что расторжение брака требовалось производить исключительно в установленном законом порядке судебного разбирательства, одновременно с этим применяя все возможные меры, направленные на примирение лиц, решивших развестись. И наконец, увеличились сроки, которые предоставлялись лицам женского пола при получении отпусков по беременности и родам, до 77 дней; в два раза нормы пайка, предоставляемые беременным лицам женского пола; размеры пособий, которые получали многодетные семьи и матери-одиночки.

Заключение

С началом войны страна столкнулась с необходимостью немедленной перестройки всего народно-хозяйственного механизма для того, чтобы успешно справляться со всеми возникающими задачами. И чтобы не снижать темпы выпуска продукции, необходимой для тыла и фронта, требовалось принять немало законодательных решений. В первую очередь это касалось вопросов эвакуации военных предприятий

¹ Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 21 нояб. 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42.

² Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства и об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

и гражданских лиц с территорий, временно захваченных врагом, увеличения продолжительности рабочего времени среди трудящихся, привлечения к труду на предприятиях военной промышленности несовершеннолетних лиц, а в сельской местности к полевым работам детей и подростков.

Во время Великой Отечественной войны из-за факторов, которые оказывали негативное воздействие на общественную безопасность и правопорядок в стране, возникла необходимость серьезного ужесточения мер ответственности за совершение противоправной деятельности, а также совершенствования инструментов, подходов, стратегий и технологий противодействия преступным проявлениям. Для законодательства военного времени характерным было то, что всех без исключения виновных лиц за такие преступные посягательства, как шпионаж, измена родине, дезертирство и совершение еще ряда особо опасных уголовно-правовых составов, приговаривали только к смертной казни. В то же время перед законодателями возникла острая необходимость принятия дополнительных правовых актов, благодаря которым стало возможным упростить уголовно-процессуальную процедуру рассмотрения анализируемых уголовно-правовых составов. Например, согласно приказу № 227 от 1942 г., виновные в нарушении армейской дисциплины, в том числе самовольно покинувшие боевые позиции, расстреливались на месте.

Еще одной особенностью законодательства рассматриваемого периода является его чрезвычайно высокая динамичность. По большей части это объясняется тем, что наличие множества чрезвычайных обстоятельств привело к тому, что

требовалось немедленное реагирование на постоянно изменяющиеся жизненные обстоятельства и прежде всего на обстановку на фронтах. В результате стала широко использоваться практика разработки и издания разного рода постановлений и распоряжений государственных органов, таких как Президиум ВС СССР, ГКО СССР, СНК СССР, Верховный Суд СССР. Стали более активно готовиться ведомственные нормативные акты, которые чаще всего имели форму приказов, циркуляров и директив. Законодательные акты военного периода, которые лично подписывались Председателем ГКО и СНК СССР, Верховным главнокомандующим и Народным Комиссаром Обороны (на тот момент им был И. В. Сталин), следовало исполнять неукоснительно и беспрекословно всем без исключения.

Подводя итоги анализа особенностей реформирования правовой системы в годы Великой Отечественной войны, отметим, что данные процессы в условиях 2020-х гг. продолжают вызывать немалые споры и большой научный интерес у отечественных ученых, в том числе правоведов. Эти процессы заслуживают внимания в первую очередь потому, что должны выступать для современных законодателей в качестве положительных примеров того, как в непростых условиях военного периода отечественным законодателям, не допуская формального подхода, удалось выработать хоть и довольно суровые, но в то же время весьма эффективные правовые меры, которые были направлены на мобилизацию страны на фронте и в тылу, недопущение подрыва государственной безопасности и достижение общей победы над врагом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федоров А. По законам военного времени // Человек и закон. 2024. № 4. С. 27–44.
2. Кобец П. Н. Правовые и организационные основы деятельности советской милиции на начальном этапе Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апр. 2025 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 459–465.

3. Первых Т. А. Роль государственного комитета обороны в борьбе с особо опасными преступниками в период Великой Отечественной войны // Вестник юридических исследований. 2024. Т. 3, № 1. С. 20–27.
4. Голубев А. Г. Нормативные правовые акты высших органов власти СССР как правовая основа хозяйственной деятельности исправительных учреждений в годы Великой Отечественной войны // Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Псков, 14–15 мая 2020 г. Псков : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Псковский филиал, 2020. С. 25–30.
5. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования : моногр. М. : Инфра-М, 2021. 132 с.
6. Яковлева М. А., Марченко Е. М., Клишков В. Б. Уголовное законодательство и профилактика преступности в период Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 180–185. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_2_180.
7. Никонов Д. А. Правовая регламентация военного положения в СССР в предвоенный период и в начале Великой Отечественной войны // Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. науч. статей междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22 апр. 2005 г. / М. М. Тарасов, В. В. Фролов и др. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2005. С. 111–112.
8. Ершов В. В., Хомчик В. В. Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российский государственный университет правосудия, 2017. 564 с.
9. Черепанова Е. В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. № 10 (166). С. 139–145.
10. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Уголовная политика в СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (1935–1960 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 194–200.
11. Шатилов С. П. Изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2011. № 11-1. С. 236–238.
12. Исакова Т. А. Аналогия в советском уголовном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 8. С. 127–131.
13. Лысенков С. Г., Вележев С. И., Молдабаев С. С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 26–32.
14. Емелин С. М. Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 17–24.
15. Тарасова Л. Я. Некоторые правовые вопросы организации системы профилактики преступности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 185–187.

REFERENCES

1. Fedorov A. According to the laws of wartime // Man and the law. 2024. No. 4. P. 27–44. (In Russ.)
2. Kobets P. N. Legal and organizational foundations of the activities of the Soviet militia at the initial stage of the Great Patriotic War // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War) : proceedings of the 22nd International scientific and practical conference : in 2 parts, St. Petersburg, April 24–25, 2025. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 459–465. (In Russ.)
3. Pervykh T. A. The role of the State Defense Committee in the fight against especially dangerous criminals during the Great Patriotic War // Bulletin of law research. 2024. Vol. 3, no. 1. P. 20–27. (In Russ.)
4. Golubev A. G. Normative legal acts of the highest authorities of the USSR as a legal basis for the economic activities of correctional institutions during the Great Patriotic War // The penal system during the Great Patriotic War of 1941–1945 : materials of the all-Russian scientific and practical conference, Pskov,

May 14–15, 2020. Pskov : Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Pskov branch, 2020. P. 25–30. (In Russ.)

5. Isakov V. B. Factual composition in the mechanism of legal regulation : monograph. Moscow : Infra-M, 2021. 132 p. (In Russ.)

6. Yakovleva M. A., Marchenko E. M., Klishkov V.B. Criminal law and crime prevention during the Great Patriotic War // Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2021. No. 2. P. 180–185. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_2_180. (In Russ.)

7. Nikonov D. A. Legal regulation of martial law in the USSR in the pre-war period and at the beginning of the Great Patriotic War // Historical significance of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 : collection of scientific articles of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, April 22, 2005 / M. M. Tarasov, V. V. Frolov, et al. St. Petersburg : St. Petersburg Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 111–112. (In Russ.)

8. Ershov V. V., Khomchik V. V. Military justice in Russia: history and modernity. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : Russian State University of Justice, 2017. 564 p. (In Russ.)

9. Cherepanova E. V. Criminal law during the Great Patriotic War: main development trends // Journal of Russian Law. 2010. No. 10 (166). P. 139–145. (In Russ.)

10. Lelekov V. A., Borodin A. D. Criminal policy in the USSR in the pre-war, war and post-war years (1935–1960) // Bulletin of Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. No. 2. P. 194–200. (In Russ.)

11. Shatilov S. P. Changes in criminal and criminal procedural legislation during the Great Patriotic War // Current issues of combating crimes and other offenses. 2011. No. 11-1. P. 236–238. (In Russ.)

12. Isakova T. A. Analogy in Soviet criminal legislation // Gaps in Russian legislation. 2024. Vol. 17, no. 8. P. 127–131. (In Russ.)

13. Lysenkov S. G., Velezhev S. I., Moldabaev S. S. Criminal liability of military personnel during the Great Patriotic War of 1941–1945 // Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 1 (17). P. 26–32. (In Russ.)

14. Emelin S. M. Internal affairs agencies in the fight against child homelessness and neglect during the Great Patriotic War (1941–1945) // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. P. 17–24. (In Russ.)

15. Tarasova L. Ya. Some legal issues of organizing a system of preventing juvenile delinquency during the Great Patriotic War // Topical problems of combating crimes and other offenses. 2022. No. 22-2. P. 185–187. (In Russ.)

Информация об авторе:

Кобец П. Н. – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Kobets P. N. – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья

УДК 351.745.078:343.85:342.924(470)

Луиза Дантесовна Хабибова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, niluda77@inbox.ru

**ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ДОПУСКАЮЩИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере. Подчеркивается значимость данной деятельности в условиях высокой латентности семейного насилия и роста числа тяжких преступлений. Анализируются нормативные правовые основы профилактики, а также конкретные меры, применяемые участковыми: проведение профилактических бесед, постановка на учет, вынесение официального предостережения (предостережения). Особое внимание уделено необходимости межведомственного взаимодействия и системного наблюдения за лицами, склонными к рецидиву. Рассматриваются социально-психологические факторы, способствующие совершению насилия, включая злоупотребление алкоголем и уязвимость жертв. Подчеркивается важность адресного подхода и формирования доверительных отношений с населением. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового механизма административной профилактики и укрепления института участковых уполномоченных полиции как ключевого элемента системы обеспечения общественной безопасности. Статья опирается на статистические данные, законодательные акты и результаты научных исследований, что позволяет комплексно подойти к проблеме профилактики правонарушений в семейной среде.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, профилактика, семейно-бытовое насилие, правонарушение, правоприменительная практика

Для цитирования: Хабибова Л. Д. Особенности индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 21–27.

Original article

Louise D. Khabibova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, niluda77@inbox.ru

**FEATURES OF INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK
OF A DISTRICT POLICE OFFICER IN RELATION TO PERSONS
COMMITTING OFFENCES IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE**

Abstract. The article considers issues of individual preventive work of district police officers in relation to persons committing offenses in the family and domestic sphere. The importance of this activity is emphasized in the conditions of high latency of domestic violence and the growth of the number of serious crimes. The regulatory legal basis for prevention, as well as specific measures applied by district police officers are analyzed: conducting preventive conversations, registering, issuing an official warning. Particular attention is paid to the need for interdepartmental interaction and systemic monitoring of persons prone to relapse. The socio-psychological factors contributing to the commission of violence, including alcohol abuse and the vulnerability

of victims, are considered. The importance of a targeted approach and the formation of trusting relationships with the population is emphasized. A conclusion is made about the need to improve the legal mechanism of administrative prevention and strengthen the institution of district police officers as a key element of the public safety system. The article is based on statistical data, legislative acts and the results of scientific research, which allows for a comprehensive approach to the problem of preventing offenses in the family environment.

Keywords: district police officer, prevention, domestic violence, offense, law enforcement practice

For citation: Khabibova L. D. Features of individual preventive work of a district police officer in relation to persons committing offences in the family and domestic sphere // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 21–27. (In Russ.)

Введение

Семейно-бытовая преступность представляет собой устойчивую и тревожную форму насилия, затрагивающую широкий спектр социально-демографических групп. Несмотря на то, что она зачастую происходит в пределах частного пространства и воспринимается как внутрисемейное дело, ее последствия выходят далеко за рамки личных конфликтов, влияя на общее состояние безопасности в обществе, психическое здоровье граждан и развитие детей, находящихся в таких семьях. Устранение или существенное сокращение уровня семейно-бытовой преступности требует комплексного подхода, основанного на межведомственном взаимодействии и системной социальной поддержке.

Современные криминалистические реалии свидетельствуют о сохранении высокого уровня семейно-бытового насилия, характеризующегося латентностью, повторяемостью и тяжестью последствий. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, направленной на профилактику таких правонарушений, эффективность мер предупреждения остается недостаточной. Особую актуальность приобретает деятельность участковых уполномоченных полиции как ключевого субъекта системы профилактики правонарушений в бытовой сфере.

Законодатель определил за участковыми функцию непосредственного выявления и пресечения противоправного поведения на обслуживаемой территории, что обуславливает необходимость индивидуального и адресного подхода в работе с лицами, склонными

к насильственным действиям. Однако данное направление требует дополнительного теоретико-правового осмысления, методологического уточнения и законодательного закрепления. В статье предприняты попытки комплексного анализа правовых, организационных и социальных аспектов профилактической деятельности участковых уполномоченных в контексте противодействия семейно-бытовому насилию.

Методы

В качестве методов исследования выбраны общенаучные (анализ, синтез), а также специальные научные методы (сравнительно-правовой, статистический и др.). Выбранные методы позволят всесторонне изучить предмет настоящего исследования, поскольку рассмотрение поставленных вопросов лежит в сфере административной деятельности полиции.

Результаты

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹ (далее – ФЗ «О полиции») относит к основным направлениям деятельности полиции предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. В реализации этой задачи задействованы различные службы и подразделения органов внутренних дел. Особую роль в обеспечении общественной безопасности играет индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции, включая предупреждение правонарушений в семейно-бытовой сфере. Эта работа приобретает особую актуальность в условиях высокой латентности семейного насилия, когда значительное число случаев

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. №-3 ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011 г. № 7, ст. 900.

остаётся вне официальной статистики, несмотря на их разрушительные последствия для здоровья граждан, стабильности семьи и общества в целом.

Участковый уполномоченный полиции обязан осуществлять профилактическую деятельность строго в рамках действующего законодательства. Это закреплено в ст. 6 ФЗ «О полиции» и других нормах. Нарушение этих требований влечёт за собой установленную ответственность, включая уголовную. Поэтому знание нормативно-правовой базы участковыми уполномоченными полиции способствует предотвращению нарушений прав и свобод граждан в процессе профилактической деятельности, а также защищает самих сотрудников от нарушений закона, вызванных недостатком профессиональных компетенций.

Актуальность индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, определяется не только социальной значимостью этой деятельности, но и общей криминогенной ситуацией в стране. Так, за январь – май 2025 г. в России зарегистрировано 782,2 тыс. преступлений, что на 1,3 % меньше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, однако удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве увеличился с 31,4 до 35,6 %¹. Эти данные свидетельствуют о нарастании опасных форм противоправного поведения, включая семейно-бытовое насилие.

Почти 90 % всех зарегистрированных преступлений выявляются органами внутренних дел, 9,2 % из них – уже на стадии приготовления или покушения. Этот факт подчеркивает значимость профилактической работы именно на ранних этапах, до наступления тяжких последствий. Четыре из пяти преступлений совершаются в городах и посёлках городского типа, где наблюдается более плотная социальная структура и высо-

кая напряжённость в межличностных отношениях. Вместе с тем в сельской местности зарегистрировано 114,3 тыс. преступлений, что на 8,5 % меньше, чем в аналогичном периоде 2024 г.² Несмотря на это, именно в малых населённых пунктах семейно-бытовые конфликты часто остаются вне зоны внимания правоохранительных органов из-за особенностей уклада жизни и более выраженной замкнутости семей.

Побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью представляют собой наиболее типичные и широко распространённые формы семейно-бытового насилия. Эффективная профилактика таких правонарушений требует активного вмешательства со стороны государства, что, на наш взгляд, невозможно в условиях частного порядка уголовного преследования.

Участковый уполномоченный полиции как представитель органов внутренних дел на вверенном административном участке выполняет первостепенную задачу выявления лиц, склонных к агрессивному и противоправному поведению в рамках семейно-бытовых отношений. Это может быть как результатом поступившего заявления, так и следствием собственной инициативы участкового – при обходе территории, сборе информации от граждан, анализе повторяющихся инцидентов или обращений медицинских и социальных служб. Важно, что на долю преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, приходится каждое шестое зарегистрированное деяние, что особенно актуально для семейно-бытовой сферы, где алкоголь часто выступает триггером насилия.

После выявления лица, допустившего правонарушение в быту, участковый обязан принять меры индивидуального профилактического воздействия. Это включает профилактическую беседу с разъяснением правовых последствий и недопустимости повторного правонарушения, постановку

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593/> (дата обращения: 01.07.2025).

² Там же.

на профилактический учет и регулярную проверку семей, находящихся в группе риска. Учитывая, что, по официальным данным, тяжкий вред здоровью был причинен 13 тыс. человек, а более 65 % таких случаев произошли в городах, становится очевидно, что профилактика бытового насилия должна носить неформальный и системный характер¹.

Одним из наиболее действенных административно-правовых средств предупреждения и пресечения семейно-бытовых правонарушений являются официальные предостережения (предостережения) о недопустимости противоправного поведения². В настоящее время по своим юридическим характеристикам, предусмотренным законодательством, объявление официального предостережения не является мерой административного принуждения. Этим данная мера принципиально отличается от любой принудительной меры, в том числе от административно-принудительных мер, которые хотя и преследуют те же цели, что и меры профилактики, однако в отличие от них имеют принудительный характер, то есть являются обязательными для исполнения, а их игнорирование влечет за собой юридическую ответственность.

Однако следует подчеркнуть, что официальное предостережение участкового уполномоченного полиции имеет не только предупредительную, но и доказательственную функцию, которая позволяет в случае последующего совершения преступления подтвердить наличие предшествующей профилактической работы и осведомленность правонарушителя о последствиях своих действий. Наличие предостережения, составленного в установленной форме и зарегистрированного в информационных базах, укрепляет позицию органов дознания при

принятии решения о мере пресечения в отношении лица, совершившего повторное правонарушение. Таким образом, административно-правовые меры становятся важным звеном в логике превенции: от фиксации социально опасного поведения к его правовому пресечению, а при необходимости – к уголовно-правовой реакции.

Профилактика невозможна без эффективного межведомственного взаимодействия. Участковый должен поддерживать устойчивые рабочие связи с учреждениями здравоохранения, органами опеки и попечительства, образовательными организациями и другими структурами системы профилактики. Учитывая, что преступления, совершенные в отношении личности, наносят не только материальный, но и глубокий морально-психологический урон, особенно важно своевременно выявлять потенциальных правонарушителей и воздействовать на них до совершения тяжких последствий.

Анализ материалов административных и уголовных дел показывает, что большинство противоправных действий в семейной среде совершаются в обстановке, не вызывающей сомнений, которой, как правило, предшествует продолжительный конфликт. Эта ситуация часто уже известна родственникам, соседям и другим близким людям. В случаях, когда побои наносятся супругами, нередко наблюдается злоупотребление алкоголем. Изучение административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений свидетельствует о том, что при фиксации таких инцидентов как правонарушитель, так и потерпевший зачастую находятся в состоянии алкогольного опьянения. Совместное употребление спиртного нередко провоцирует приступы ревности между супругами или сожителями, а также ста-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593/> (дата обращения: 01.07.2025).

² О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новится причиной конфликта с соседями и другими близкими.

Статистические данные указывают, что наибольшее количество зарегистрированных и выявленных правонарушений и преступлений на бытовой почве совершают лица мужского пола в возрасте от 25 до 40 лет, чуть меньше – в возрасте 45–55 лет¹. Женщины совершают правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений значительно реже, чем мужчины. Такая тенденция объясняется прежде всего фактическим неравенством полов в быту и особенностями социальной роли женщины. В силу как физической, так и психологической уязвимости женщины чаще оказываются в качестве жертв, а не инициаторов конфликтов [1; 2]. Как правило, их противоправные действия в бытовой сфере носят реактивный характер и являются ответом на провокационное поведение со стороны мужа или сожителя – систематическое употребление алкоголя, постоянные ссоры, угрозы физической расправы, психологическое давление и иные формы насилия [3; 4].

Согласно исследованию, проведенному И. А. Морчевым, каждое шестое внутрисемейное насильственное преступление было совершено в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Каждый седьмой потерпевший страдал различного рода тяжелыми заболеваниями, не относящимися к разряду психических. Почти у каждого пятого изученного лица была выявлена та или иная психическая аномалия [5]. Указанные категории лиц изначально предрасположены стать жертвой семейно-бытовых преступлений, чтобы преступник смог самоутвердиться в главенствующей роли над этими людьми, так сказать иметь определенную или зависимую от его поведения власть, под призмой страха от

физического и другого насилия, включая физиологические особенности: рост, вес, громкий голос, физическая подготовленность и другие качества, использование которых может негативно отразиться на выбранных жертвах [6].

Особое внимание участковый должен уделять лицам, склонным к так называемому бытовому хулиганству, находящимся под административным надзором либо состоящим на профилактическом учете. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» на участкового возложена обязанность по осуществлению индивидуальной профилактической работы, направленной на предупреждение совершения поднадзорными лицами новых преступлений и административных правонарушений [7]. В рамках этой деятельности участковый обязан посещать поднадзорных лиц по месту их жительства и проводить с ними профилактические беседы, желательно в присутствии близких родственников или соседей. При этом п. 3 ч. 2 той же статьи предоставляет участковому право беспрепятственно посещать место проживания таких лиц в установленное время суток, когда им запрещено покидать жилье².

Отдельного внимания требует тот факт, что 53,1 % всех расследованных преступлений в 2025 г. совершены лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности³. Этот фактор делает актуальной задачу системного наблюдения за такими лицами, особенно в аспекте их поведения в быту. Именно участковый уполномоченный должен вести профилактическую работу с рецидивистами, проживающими на его участке, фиксировать признаки социальной

¹ Отчет о профилактической работе органов внутренних дел Российской Федерации за 2024 год // МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 01.07.2025).

² Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [//www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 01.07.2025).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 г. // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593/> (дата обращения: 01.07.2025).

деструкции, контролировать условия жизни и степень риска их агрессивного поведения [8]. Повышение доли тяжких преступлений среди нераскрытых также свидетельствует о важности своевременного вмешательства на стадии конфликта, до момента, когда ситуация выходит из-под контроля.

Работа участкового усложняется тем, что значительное число правонарушений в семейно-бытовой сфере остается нераскрытым, в том числе из-за отказа потерпевших от подачи заявления. В условиях повышенной латентности и страха жертв перед агрессором административно-правовое вмешательство участкового является нередко единственной формой легального реагирования. Его задача – не только зафиксировать факт противоправного поведения, но и создать условия, при которых жертва сможет рассчитывать на защиту и поддержку со стороны государства.

Именно индивидуальный, адресный подход позволяет добиться снижения напряженности, формирования доверительных отношений с гражданами, создания устойчивого социального климата на административном участке. Участковый становится тем звеном, которое соединяет правовую реакцию государства с повседневной жизнью граждан, позволяя праву проникать в самую глубину социального взаимодействия – в семью, в личное пространство, в межличностные отношения¹. Таким образом, административно-правовые меры воздействия не только пресекают противоправное поведение, но и формируют правовую культуру граждан, особенно в вопросах допустимого поведения в рамках семейных отношений.

В условиях, когда преступления, совершенные в быту, продолжают представлять серьезную угрозу для общества, совершенствование института участковых уполномоченных полиции и расширение их полномочий в сфере административной профилактики являются приоритетными за-

дачами государственной политики в области внутренней безопасности. Введение единых методических рекомендаций, законодательное закрепление новых форм административного воздействия и усиление межведомственного взаимодействия должны стать основой будущей правоприменительной практики, способной эффективно противостоять семейно-бытовому насилию и предупредить его тяжелые последствия.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции является важнейшим инструментом предупреждения семейно-бытовых правонарушений. Участковый, обладая уникальным статусом представителя органов внутренних дел, непосредственно взаимодействующего с населением, выполняет ключевую функцию в выявлении лиц, склонных к агрессивному поведению, и применении к ним комплекса мер правового воздействия.

Применение административно-правовых мер, таких как официальное предупреждение, систематическое наблюдение за лицами, состоящими на профилактическом учете, а также взаимодействие с учреждениями здравоохранения, социальной защиты и органами опеки формируют действенный механизм правового воздействия.

Вместе с тем выявлены проблемы, ограничивающие потенциал профилактики: отсутствие единых методологических рекомендаций, недостаточная межведомственная координация, ограниченные полномочия участковых, а также правовая и социальная уязвимость жертв. В целях повышения эффективности профилактической деятельности целесообразно законодательно расширить инструментарий участковых уполномоченных полиции, усилить правовой статус, а также обеспечить законодательную поддержку через внедрение механизмов межведомственного сопровождения. Эти меры

¹ Равнюшкин А. В., Швецов Б. Ф. Противодействие участковыми уполномоченными полиции правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений : учеб. пособие. Барнаул : БЮИ МВД России, 2017. 88 с.

позволят не только укрепить превентивную функцию полиции, но и снизить общий уровень семейно-бытовой преступности.

Таким образом, участковый уполномоченный полиции является не просто исполнителем административных процедур, а активным субъектом формирования правового

пространства в обществе. От качества, системности и профессионализма его деятельности во многом зависит эффективность борьбы с семейно-бытовым насилием, а следовательно, устойчивость социальных связей, безопасность граждан и стабильность государства в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айрапетян М. Г., Погребатко Е. С. Личность преступника и жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности // *Science Time*. 2016. № 12 (36). С. 25–29.
2. Погребатко Е. С. Криминологическая характеристика женской преступности // *Новая наука: гипотезы, взгляды и факты* : сб. науч. трудов / под общ. ред. С. В. Кузьмина. Казань, 2017. С. 220–224.
3. Полищук Е. Г. Вопросы типологии жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // *Человек: преступление и наказание*. 2008. № 2 (61). С. 83–87.
4. Полищук Е. Г. Преступность в сфере семейно-бытовых отношений: масштабы проблемы // *В мире научных открытий*. 2009. № 5 (5). С. 122–124.
5. Морчев И. А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // *Российский следователь*. 2006. № 11. С. 37–44.
6. Артемьев Н. С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // *Человек: преступление и наказание*. 2018. Т. 26, № 1. С. 22–28.
7. Алексеева Н. Г., Биккинин И. А. Проблемы организации управления лицами, состоящими под административным надзором // *Russian Studies in Law and Politics*. 2023. Т. 7, № 4-2. С. 27–32.
8. Мошнина М. Д., Биккинин И. А. Делинквентное поведение: понятие, проблемы профилактики // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*. 2022. № 1-3 (62). С. 308–311.

REFERENCES

1. Airapetyan M. G., Pogrebatko E. S. Personality of the offender and the victim in domestic crimes // *Science Time*. 2016. No. 12 (36). P. 25–29. (In Russ.)
2. Pogrebatko E. S. Criminological characteristics of female crime // *New science: hypotheses, views and facts* : collection of scientific works / ed. by S. V. Kuzmin. Kazan, 2017. P. 220–224. (In Russ.)
3. Polischyuk E. G. Typology of victims of crimes committed in the sphere of family and domestic relations // *Man: crime and punishment*. 2008. No. 2 (61). P. 83–87. (In Russ.)
4. Polischuk E. G. Crime in the sphere of family and domestic relations: the scale of the problem // *In the world of scientific discoveries*. 2009. No. 5 (5). P. 122–124. (In Russ.)
5. Morchev I. A. Victimological aspects of preventing violent crimes committed in the sphere of family relations // *Russian investigator*. 2006. No. 11. P. 37–44. (In Russ.)
6. Artemyev N. S. Criminological research of the behavior of violent domestic crime victims // *Man: crime and punishment*. 2018. Vol. 26, no. 1. P. 22–28. (In Russ.)
7. Alekseeva N. G., Bikkinin I. A. Problems of organization of management of persons under administrative supervision // *Russian Studies in Law and Politics*. 2023. Vol. 7, no. 4-2. P. 27–32. (In Russ.)
8. Moshnina M. D., Bikkinin I. A. Delinquent behavior: concept, problems of prevention // *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla*. 2022. No. 1-3 (62). P. 308–311. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 04.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 04.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.34:004

Андрей Дмитриевич Абарин
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abarinovandrew@gmail.com

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТЕГАНОГРАФИИ**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования объектов, преобразованных с помощью стеганографии, при осуществлении преступной деятельности экстремистской и террористической направленности. Дана краткая характеристика стеганографического способа сокрытия информации, в том числе в иллюстративной форме. Отмечено, что использование стеганографического способа сокрытия информации в силу своей специфики может усложнить процесс выявления, раскрытия и расследования преступлений. Из практики зарубежных правоохранительных органов приведены примеры использования стеганографии в преступной деятельности. Отражены цифровые свойства и следы, которые могут иметь криминалистически значимую и доказательственную информацию. В заключение автор приходит к выводу о необходимости акцентирования внимания на важности разработки новых и совершенствовании уже существующих методов стеганоанализа, а также формирования концептуальных основ обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов.

Ключевые слова: преступления экстремистской и террористической направленности, выявление, расследование, следовая картина, стеганография, стеганоанализ, цифровая криминалистика

Для цитирования: Абарин А. Д. Криминалистическое обеспечение выявления и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием стеганографии // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 28–35.

Original article

Andrey D. Abarinov
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, abarinovandrew@gmail.com

**FORENSIC SUPPORT FOR THE DETECTION AND
INVESTIGATION OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES
COMMITTED USING STEGANOGRAPHY**

Abstract. The article considers the issues of using objects transformed by steganography in committing extremist and terrorist crimes. It gives a brief description of the steganographic method of concealing information, including in illustrative form. It is noted that the use of the steganographic method of concealing information, due to its specificity, can complicate the process of identifying, solving and investigating crimes. Examples of using steganography in criminal activities are given from the practice of foreign law enforcement agencies. Digital properties and traces that can have forensically significant and evidentiary information are reflected. Finally, the author comes to the conclusion about the need to focus on the importance of developing

---

© Абарин А. Д., 2025

new and improving existing steganalysis methods, as well as the formation of conceptual foundations for detecting, recording and seizing digital traces.

Keywords: extremist and terrorist crimes, detection, investigation, trace picture, steganography, steganalysis, digital forensics

For citation: Abarinov A. D. Forensic support for the detection and investigation of extremist and terrorist crimes committed using steganography // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 28–35. (In Russ.)

Введение

В эпоху цифровизации информация стала главной валютой, а ее защита – критически важной задачей. Стеганография, древнее искусство скрытия сообщений, сегодня переродилась в мощный инструмент кибербезопасности и одновременно в средство осуществления преступной деятельности. В современных условиях совершение преступлений экстремистского и террористического характера сопровождается активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Преступные организации и сообщества активно внедряют новые методы скрытой коммуникации, одним из которых является стеганография. Указанная криминальная активность характеризуется наличием цифровых следов, исследование которых, как было отмечено нами ранее [1], требует у субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений наличия специальных знаний. Данные следы могут содержать криминалистически релевантную информацию, обнаружение которой будет способствовать более эффективному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Методы

В исследовании использовались общенаучные методы, основанные на диалектическом подходе. Для обеспечения системности применены эмпирико-теоретические, формально-логические методы обобщения, систематизации и классификации. Исторический метод использован для изучения эволюции стеганографии. Описание некоторых процессов и явлений, связанных с возникновением цифровых свойств и следов, проведено с использованием анализа и синтеза признаков отдельных понятий и явлений.

Результаты

Стеганография (от греч. «скрытое письмо») представляет собой способ передачи или сохранения информации, ориентированный на сокрытие самого факта существования передаваемой или хранимой информации. Самая ранняя известная техника стеганографии была разработана в Древней Греции около 440 г. до н. э. В трактате древнегреческого историка Геродота *Histories* («История») содержится описание одного из первых примеров стеганографии – эпизода, связанного с Гистиеем Милетским, который использовал такой метод для передачи секретного послания во время Ионийского восстания против Персии. Так, согласно изложенным в трактате данным, голову раба побрили, а затем на коже головы нанесли татуировку. Когда волосы раба отросли и скрыли татуировку, его отправили к получателю. Получатель снова побрил голову раба и получил послание [2].

В отличие от криптографии, которая защищает содержание сообщения, стеганография маскирует сам факт его существования. Тем не менее, как справедливо подчеркивал П. А. Фаниев, стеганография используется в сочетании с криптографическими методами, усиливая их и таким образом увеличивая степень безопасности передаваемой информации [3, с. 76]. Данный способ оперирует различными носителями информации: изображениями (JPEG, PNG и др.); аудиофайлами (MP3 и др.); видео (MP4 и др.); текстовыми документами (TXT, DOCX и др.); сетевыми протоколами (TCP, UDP, ICMP и др.) [4]. Также, как было отмечено рядом авторов, в настоящее время в качестве носителя секретной информации может быть использован файл любого типа (даже заголовков IP-пакета), то есть скрытая (дополни-

тельная) информация может быть встроена в любой файл, если он занимает больше места, чем требуется для его хранения¹.

К основным методам стеганографии можно отнести следующие:

1) LSB (Least Significant Bit) – замена наименее значимых битов в пикселях изображения;

2) спектральное скрывание – внедрение данных в частотные характеристики аудио-сигналов;

3) структурные модификации – изменение метаданных файлов.

Как было отмечено индийским ученым К. Чоудхари, во всех стеганографических методах используются маскирующий объект и стеганографический объект. Маскирующий объект – это объект, используемый в качестве носителя для встраивания в него сообщений. В современном контексте в качестве маскирующих объектов применяются изображения, файловые системы и проч. В качестве объектов-замаскировок могут использоваться системы, аудиофайлы, ви-

деофайлы, а также HTML-страницы и даже спам-письма. Стеганографический объект – это объект, несущий скрытое сообщение [5, с. 34].

Не ставя в рамках настоящего исследования цели глубокого анализа программно-технических аспектов способов стеганографии, для лучшего понимания наглядно представим способ сокрытия фрагмента текстового материала с использованием стеганографии (рис.).

Использование стеганографического способа сокрытия информации в силу своей специфики может усложнить процесс выявления, раскрытия и расследования отдельных видов преступлений, в том числе экстремистской и террористической направленности. Справедливо, на наш взгляд, согласиться с суждением о том, что в ряде случаев использование данного способа сокрытия следов преступления может оказаться для следователя неожиданным и в итоге он может не обратить внимания на важную для расследования информацию [6, с. 200].

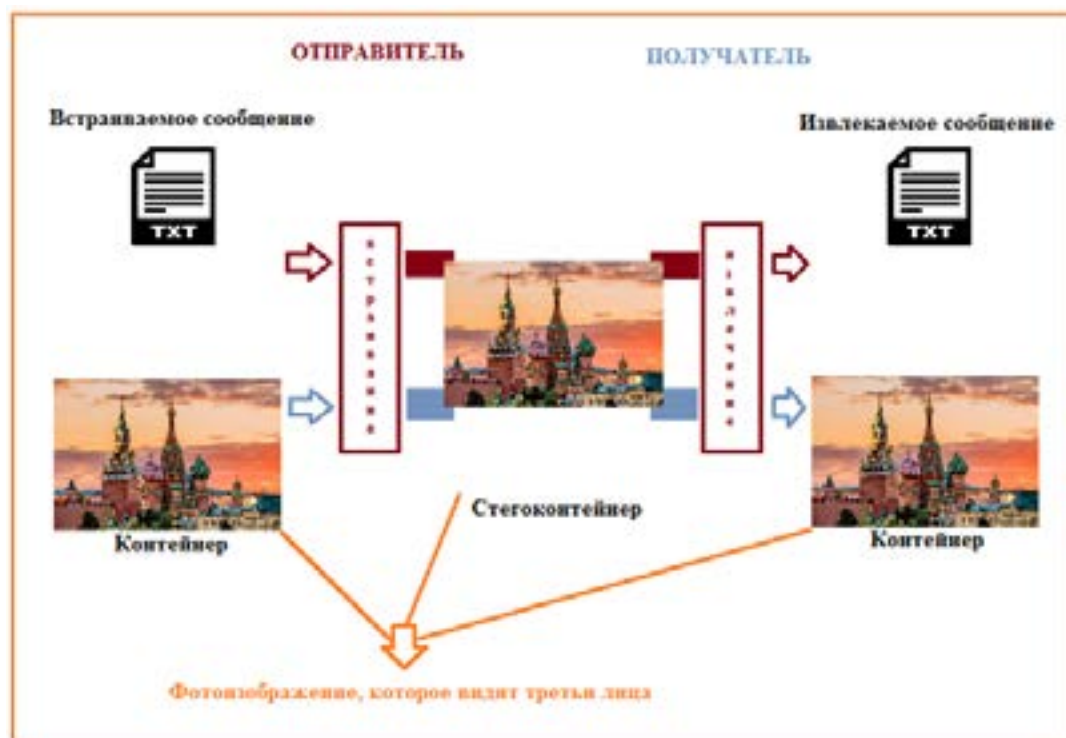

Рис. Стеганографический способ сокрытия текста

¹ Крыгин С. В., Сухов С. Н., Чикина Т. Е. Основы информационной безопасности и защита информации в ОВД : учеб.-практ. пособие / МВД России, НА. Н. Новгород : НА МВД России, 2018. С. 57.

По мнению американского криптографа, специалиста по компьютерной безопасности Б. Шнайера, стеганография – это хороший способ связи для террористических ячеек, позволяющий осуществлять общение без раскрытия личности представителей другой группы. Еще в 2001 г. им отмечено, что по имеющейся информации, полученной от компетентных должностных лиц зарубежных правоохранительных органов, террористические группы скрывают карты и фотографии своих преступных целей и размещают инструкции по террористической деятельности в спортивных чатах, на порнографических сайтах объявлений и других веб-сайтах¹.

В своей работе сербский ученый Д. Трифунович также отмечает, что террористы обычно шифруют сообщения, применяя программы шифрования с открытым исходным кодом, которые включают методы стеганографии, и размещают скрытые сообщения на фотографиях, видео или в тексте практически на любом веб-сайте или напрямую отправляют по электронной почте [7]. Исследователь подкрепляет свои доводы примерами из судебно-следственной практики европейских правоохранительных органов, ссылаясь на материалы, опубликованные CNN² и Die Zeit³.

Так, один из случаев использования стеганографии исламскими террористами выявлен, когда в мае 2011 г. в Берлине был задержан предполагаемый член «Аль-Каиды»⁴ Максуд Лодин, 22-летний австриец.

М. Лодин направлялся в Берлин из Пакистана через Венгрию, когда его задержали сотрудники берлинской полиции. В его нижнем белье обнаружили USB-накопитель, содержащий видео порнографическо-

го характера. Эксперты по компьютерной криминалистике из Федеральной уголовной полиции Германии извлекли из данного видео 141 скрытый текстовый файл, в котором подробно описывались операции «Аль-Каиды» и планируемые террористические акции. В изъятых файлах содержались планы атак круизных судов, используемых как отвлекающий маневр в то время, пока в Европе проводились бы другие террористические акты. Также были обнаружены руководства по подготовке террористов в формате PDF на немецком, английском и арабском языках. Файлы были спрятаны внутри видео с использованием техники цифровой стеганографии, но не зашифрованы [7].

Указанный пример приводит к выводу о том, что последователи транснациональных террористических и экстремистских формирований уже давно при осуществлении преступной деятельности используют возможности научно-технологического прогресса, в том числе стеганографические способы скрытой коммуникации.

Принимая во внимание тот факт, что процесс идентификации скрытой информации включает решение трех взаимосвязанных задач: локализации скрытой информации (обнаружение закладки), классификации ее формата, последующей идентификации данных, можно утверждать о том, что каждый этап представляет собой критически важную составляющую для успешного извлечения и анализа искомых сведений.

При наличии соответствующих технических средств анализа и обработки данных возможно выявление остаточных цифровых следов, указывающих на присутствие скрытых объектов (закладок). Эта стадия, которую можно именовать как «детекция при-

¹ Terrorists and steganography = Террористы и стеганография // ZDNET. URL: <https://www.zdnet.com/article/terrorists-and-steganography/> (дата обращения: 06.12.2024).

² Documents reveal al-Qaeda's plans for seizing cruise ships, carnage in Europe = Документы раскрывают планы «Аль-Каиды» по захвату круизных судов и резне в Европе // EDITION.CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2012/04/30/world/al-qaeda-documents-future/> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Steganography: how al-Qaeda hid secret documents in a porn video = Стеганография: как «Аль-Каида» спрятала секретные документы в порновидео // Arstechnica. URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2012/05/steganography-how-al-qaeda-hid-secret-documents-in-a-porn-video/> (дата обращения: 06.12.2024).

⁴ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

сутствия», представляет собой начальный этап контрмер по борьбе со стеганографией.

При исследовании следовой картины объектов, преобразованных с использованием стеганографии, важно понимать, что стеганография направлена на сокрытие информации внутри других объектов (фото-, видео-, текстовых и иных материалов) таким образом, чтобы ее наличие было трудно обнаружить. Именно в этом и проявляется нетривиальность механизма слеодообразования. При этом согласимся с позицией М. М. Льянова: необходимо учитывать возможность выборочной стеганографии, что следует проверять путем выявления закономерностей в использовании данного способа сокрытия преступления в каждом конкретном случае [8, с. 120].

Н. С. Зиновьевой отмечено, что «...скрытая обозначенными методами информация формирует специфическую следовую картину в математической форме с определенным набором знаков» [9, с. 89].

В рамках настоящего исследования нами установлено, что криминалистическую и доказательственно важную информацию могут иметь следующие цифровые следы и свойства:

1. Метаданные объекта, преобразованного методом стеганографии (цифровой след), – структурированная информация, описывающая свойства файла-контейнера (например, дата создания, формат, параметры обработки), которая может сохранять следы модификации, связанные с внедрением скрытых данных. Включают как исходные метаданные, частично сохранившиеся после стеганографического преобразования, так и новые данные, сгенерированные инструментами стеганографии (например, отметки о программном обеспечении, изменение размера файла или хеш-суммы).

2. Статистические аномалии в объекте, преобразованном методом стеганографии (цифровое свойство), – отклонения в распределении ключевых характеристик носителя (пикселей, аудиосэмплов, битовых последовательностей) от естественных статистических закономерностей, свойственных исходному типу файла. Возникают из-за

внедрения скрытых данных, нарушающих энтропию, корреляцию между соседними элементами или частоту встречаемости значений (например, искажение гистограммы изображения или аномальное распределение младших битов в аудиофайле).

3. Артефакты сжатия объекта, преобразованного методом стеганографии (цифровое свойство), – визуальные или структурные искажения, вызванные несовместимостью алгоритмов сжатия (например, JPEG, MP3) с модификациями при стеганографии. Проявляются как повторное сжатие файла с потерей качества, несоответствие таблиц квантования, блоковые артефакты в изображениях или аномалии в частотных компонентах, которые не характерны для исходного процесса компрессии.

4. Ошибки квантования объекта, преобразованного методом стеганографии (цифровое свойство), – несоответствия в значениях квантованных коэффициентов (например, в JPEG – коэффициенты дискретного косинусного преобразования), возникающие при внедрении скрытых данных в уже сжатый файл. Проявляются как отклонения от ожидаемых шаблонов квантования, неравномерное распределение остатков или аномалии в младших битах, которые могут быть выявлены методами анализа гистограмм или машинного обучения.

5. Аномалии частотного спектра сигналов объекта, преобразованного методом стеганографии (цифровое свойство), – искажения в частотной области носителя (изображение, аудио, видео), вызванные внедрением скрытой информации. Включают нехарактерные пики, сдвиги в энергетическом спектре, нарушения гармоничности сигнала или аномалии в высокочастотных компонентах, выявляемые с помощью преобразования Фурье, вейвлет-анализа или методов стеганодетекции, ориентированных на спектральные особенности.

Как ранее уже было отмечено в работе А. Л. Осипенко и А. И. Гайдина, текстовая информация может быть зашифрована или скрытно размещена в файлах иных типов с использованием методов стеганографии. Для ее выявления потребуется применение

Инструменты для обнаружения стеганографии и анализа данных

Название инструмента	Назначение	Методы
StegExpose	Обнаружение стеганографии в изображениях (JPEG, PNG, BMP)	Анализ LSB, статистические тесты (χ^2)
Stegdetect	Выявление данных, скрытых с помощью инструментов (JSteg, JPHide, OutGuess)	Эвристический анализ коэффициентов DCT в JPEG
AperiSolve	Многослойный анализ изображений (включая стего, метаданные, EXIF)	Цветовые каналы, частотные домены
StegoHunter	Анализ изображений, аудио и видео	Сигнатурный и поведенческий анализ
Ghiro	Автоматизированный анализ изображений	Проверка целостности, поиск скрытых данных
Digital Invisible Ink Toolkit (DIIT)	Обнаружение и извлечение данных, скрытых с помощью LSB	Анализ цветочных каналов
OpenStego	Обнаружение и извлечение данных в изображениях	Проверка водяных знаков и LSB
Wireshark	Анализ сетевого трафика на предмет передачи стегофайлов	Фильтрация по MIME-типам, аномальным размерам пакетов
DeepSound	Обнаружение данных, скрытых в аудиофайлах (WAV, MP3)	Анализ спектрограмм
CNNs	Классификация файлов с использованием нейросетей	Обучение на датасетах с помеченными стегообъектами

алгоритмов криптоанализа и стеганоанализа в лабораторных условиях при проведении специализированных экспертиз [10, с. 160]. В связи с этим инструменты цифровой криминалистики в целом и передовые инструменты стеганоанализа в частности имеют решающее значение [11]. Для обнаружения объектов, преобразованных методом стеганографии, применяются методы стеганоанализа, направленные на выявление скрытых данных. Современные программные решения сочетают традиционные алгоритмы (например, анализ наименее значащих битов – LSB) с инновационными подходами, такими как нейронные сети (табл.).

Заключение

В результате проведенного в рамках представленной статьи исследования сделаны следующие выводы.

Установлено, что использование стеганографии при совершении преступлений экстремистской и террористической направленности проявляется в нетривиальности механизма слепообразования. Так, стеганография направлена на сокрытие информации внутри других объектов (фото-, видео-, текстовых и иных материалов) таким образом, чтобы ее наличие было трудно обнаружить.

Определены виды цифровых свойств (статистические аномалии, артефакты сжа-

тия, ошибки квантования, аномалии частотного спектра сигналов) и следов (метаданные) объектов, преобразованных методом стеганографии, которые могут содержать криминалистически значимую информацию.

Для дальнейшего эффективного выявления, раскрытия и расследования преступле-

ний экстремистской и террористической направленности необходима разработка новых и совершенствование уже существующих методов стеганоанализа, в том числе применение стеганоанализа при проведении судебно-компьютерных экспертиз, а также формирование концептуальных основ обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абаринов А. Д. Следовая картина преступлений экстремистской направленности // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 6 (234). С. 298–300.
2. Herodotus. *The Histories*. Vol. 3, Books 5–7 (with an English translation by Godley A. D.). Cambridge : Harvard University Press, 1922. Vol. 3 (5). P. 50–51.
3. Фаниев П. А. О некоторых способах обнаружения стегосообщений с использованием языка программирования Python // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2024. № 1 (63). С. 76–79.
4. Федосенко М. Ю., Беззатеев С. В. Анализ проблематики применения методов стеганографии при осуществлении противоправных действий и ее роли в цифровой криминалистике // *Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы*. 2023. № 3 (56). С. 33–57.
5. Choudhary K. Image steganography and global terrorism // *International Journal of Scientific & Engineering Research*. 2012. Vol. 3, issue 7. P. 34–48. <https://doi.org/10.9790/0661-0123448>.
6. Смахтин Е. В., Льянов М. М. Сокрытие электронно-цифровых следов как способ противодействия расследованию преступлений // *Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Пятой междунауч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 мая 2023 г.)*. Екатеринбург : АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»», 2023. С. 195–203.
7. Trifunovic D. Digital steganography in terrorist networks // *SYM-OP-IS 2015: XLII International Symposium on Operations Research*. 2015. Vol. V (1).
8. Льянов М. М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2024. 248 с.
9. Зиновьева Н. С. К вопросу о месте криптографии и стеганографии в криминалистической науке // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 2. С. 87–89.
10. Осипенко А. Л., Гайдин А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2014. № 1. С. 156–163.
11. Nicolas-Sanchez A., Castro-Toledo F. J. Uncovering the social impact of digital steganalysis tools applied to cybercrime investigations: a European Union perspective // *Crime Science*. 2024. Vol. 13:11. <https://doi.org/10.1186/s40163-024-00209-7>.

REFERENCES

1. Abarinov A. D. The trace pattern of extremist crimes // *Agrarian and land law*. 2024. No. 6 (234). P. 298–300. (In Russ.)
2. Herodotus. *The Histories*. Vol. 3, Books 5–7 (with an English translation by Godley A. D.). Cambridge : Harvard University Press, 1922. Vol. 3 (5). P. 50–51.
3. Faniev P. A. About some ways detecting stego messages using the Python programming language // *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2024. No. 1 (63). P. 76–79. (In Russ.)
4. Fedosenko M. Yu., Bezzateev S. V. Analysis of the problems of using steganography methods in the implementation of illegal actions and its role in digital forensics // *Information security problems. Computer systems*. 2023. No. 3 (56). P. 33–57. (In Russ.)

5. Choudhary K. Image steganography and global terrorism // International Journal of Scientific & Engineering Research. 2012. Vol. 3, issue 7. P. 34–48. <https://doi.org/10.9790/0661-0123448>.
6. Smakhtin E. V., Lyanov M. M. Concealment of electronic digital traces as a way to counteract the investigation of crimes // Technologies of the 21st century in jurisprudence : materials of the Fifth international scientific and practical conference (Ekaterinburg, May 19, 2023). Ekaterinburg : ANO “Center for Assistance to the Development of Criminalistics “KrimLib”, 2023. P. 195–203. (In Russ.)
7. Trifunovic D. Digital steganography in terrorist networks // SYM-OP-IS 2015: XLII International Symposium on Operations Research. 2015. Vol. V (1).
8. Lyanov M. M. Forensic significance of electronic-digital traces of crimes of extremist and terrorist orientation on the Internet : dis. ... Cand. of Law. Tyumen, 2024. 248 p. (In Russ.)
9. Zinovieva N. S. About the place of cryptography and steganography in forensic science // Humanities, social-economic and social sciences. 2019. No. 2. P. 87–89. (In Russ.)
10. Osipenko A. L., Gaidin A. I. Legal regulation and tactical features of seizure of electronic data media // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. No. 1. P. 156–163. (In Russ.)
11. Nicolas-Sanchez A., Castro-Toledo F. J. Uncovering the social impact of digital steganalysis tools applied to cybercrime investigations: a European Union perspective // Crime Science. 2024. Vol. 13: 11. <https://doi.org/10.1186/s40163-024-00209-7>.

Информация об авторе:

Абаринов А. Д. – адъюнкт.

Information about the author:

Abarinov A. D. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 342.722:343.1(470)

Алина Альфировна Асадуллина
Советский районный суд г. Уфы, Уфа, Россия,
Asalina102@ro.ru

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ: ПРОБЛЕМЫ И ГАРАНТИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В настоящей научной работе исследуются особенности реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве, который является одним из фундаментальных положений современного правового государства. Автор анализирует содержание данного принципа, его нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальном законодательстве, а также выявляет существующие проблемы его практического применения. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения равного доступа к правосудию, недопущения дискриминации по любым признакам, включая социальное положение, национальность, религиозные убеждения и иные факторы, способные повлиять на объективность судебного разбирательства. Автором также сформулированы предложения, позволившие устранить выявленные в ходе исследования противоречия.

Ключевые слова: принцип равенства, уголовное судопроизводство, дискриминация, особый статус, возбуждение уголовного дела, задержание, производство следственных и иных процессуальных действий

Для цитирования: Асадуллина А. А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 36–42.

Original article

Alina A. Asadullina
Soviet District Court of Ufa, Ufa, Russia,
Asalina102@ro.ru

THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT: PROBLEMS AND GUARANTEES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the features of the implementation of the principle of equality of all before the law and the court in criminal proceedings, which is one of the fundamental provisions of a modern legal state. The author analyzes the content of this principle, its normative consolidation in the Constitution of the Russian Federation and criminal procedure legislation, and identifies existing problems of its practical application. Particular attention is paid to issues of ensuring equal access to justice, non-discrimination on any grounds, including social status, nationality, religious beliefs and other factors that can affect the objectivity of the trial. As well as the formulated author's proposals that made it possible to eliminate the contradictions identified during the study.

Keywords: principle of equality, criminal proceedings, discrimination, special status, initiation of criminal proceedings, detention, performance of investigative and other procedural actions

For citation: Asadullina A. A. The principle of equality of all before the law and the court: problems and guarantees in criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 36–42. (In Russ.)

Введение

Формирование демократического государства в Российской Федерации представ-

ляет собой стратегическую цель, достижение которой требует системного подхода. Знаковым этапом в этом процессе стало при-

© Асадуллина А. А., 2025

нятие Конституции Российской Федерации в 1993 г. на всенародном референдуме, заложившей основу для реализации фундаментальных принципов правового государства [1, с. 76]. Так, одним из основополагающих стал принцип равенства всех перед законом и судом, закрепляющий юридическое понимание равенства, поскольку в социально-экономическом аспекте люди изначально находятся в неравных условиях (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации)¹.

Методы

В исследовании применялся комплекс общенаучных и специальных методов, позволивших всесторонне проанализировать принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве и выявить гарантии его реализации. Основу методологии составил диалектический метод познания, обеспечивающий системный подход к изучению правовых явлений в их развитии и взаимосвязи. Формально-юридический метод использовался для анализа норм Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства, закрепляющих принцип равенства, а также для выявления пробелов и противоречий в правовом регулировании. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы к реализации данного принципа в различных правовых системах и определить оптимальные механизмы его обеспечения. Логический метод использовался для формулирования выводов и предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность результатов исследования и обоснованность предложенных рекомендаций.

Результаты

Равенство, как межотраслевую категорию, принято анализировать в двух взаимосвязанных, но самостоятельных аспектах:

– как принцип правосудия, иначе говоря, как основополагающее начало, обязывающее суды рассматривать дела беспристрастно;

– как правовую категорию, гарантирующую равный объем прав, обязанностей и ответственности для всех лиц [2, с. 215].

Вместе с тем в современной доктрине уголовного процесса принцип равенства всех перед законом и судом представляет собой сложное, многогранное явление, требующее комплексного междисциплинарного анализа. В теории уголовного судопроизводства принцип равенства всех перед законом и судом раскрывается через три взаимозависимых компонента, обеспечивающих его содержательную полноту: нравственный, социально-правовой и технико-юридический аспекты. Так, В. А. Задорожная определяет, что:

1. *Нравственное содержание принципа* заключается в универсальности действия закона, то есть закон обладает равной юридической силой и обязательностью для всех участников правоотношений. В связи с этим законодатель и субъекты уголовного преследования обязаны исходить из принципа абсолютной ценности личности, который выражается в недопустимости ущемления чести и достоинства лиц, вовлеченных в уголовный процесс, а также требует использования всех правовых механизмов для защиты их свобод при безусловном соблюдении требований профессиональной этики. Понимание ценности принципа равенства и его исторического развития невозможно без обращения к нравственным основаниям. Именно морально-этическая составляющая равенства детерминирует необходимость нормативного закрепления принципа равноправия перед законом и судом, даже при наличии объективных трудностей его реализации и существующих изъятий из общего правила.

2. *Социально-правовое содержание принципа* определяется особенностями общественных отношений в сфере уголовного

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

судопроизводства. Эта составляющая находит свое воплощение в системе конкретных правовых норм. Уголовно-процессуальные отношения, испытывая влияние политических, экономических и иных социальных факторов, обуславливают историческую динамику данного аспекта принципа равенства, при этом сохраняется требование соответствия нравственным основам указанного принципа.

3. *Технико-юридический аспект* принципа формализует его социально-правовое и этическое содержание через нормативное закрепление. Данный аспект гарантирует четкость правовых предписаний и исключает возможность их двусмысленного понимания, выполняя таким образом обеспечительную и координирующую роль по отношению к иным составляющим указанного принципа [3, с. 137].

Принимая во внимание данный теоретический подход к толкованию сущности принципа равенства всех перед законом и судом, отметим, что реализация его требует от законодателя создания исчерпывающей системы процессуальных гарантий, а от правоприменительных органов – их эффективного обеспечения в рамках уголовного судопроизводства. Данный подход предполагает наделение участников процесса комплексом действенных инструментов правовой защиты, позволяющих в полной мере отстаивать свои субъективные права и охраняемые законом интересы. При этом должностные лица, ведущие уголовное судопроизводство (дознатель, следователь, прокурор, суд), обязаны соблюдать принципы объективности и беспристрастности в отношении всех участников процесса, не допуская предвзятости или дискриминации. Эти требования проявляются не только в обеспечении процессуальных прав сторон, но и в профессиональном поведении представителей правоохранительных и судебных органов. В частности, это подразумевает вежливое и уважительное обращение, равноправный подход, нейтральную манеру общения, четкое разъяснение прав и обязанностей,

а также информирование о возможных правовых последствиях их нарушения [4, с. 33].

Кроме того, реализация принципа равенства перед законом и судом обеспечивает гарантию одинаковых процессуальных прав всем участникам уголовного процесса при осуществлении их правовой защиты. Должностные лица и государственные органы, ведущие уголовное дело, обязаны не допускать дискриминации и не отдавать предпочтения кому-либо из сторон на основании личных факторов.

Поскольку равенство правовых возможностей напрямую связано с балансом прав и обязанностей субъектов, уголовно-процессуальное законодательство должно обеспечивать соразмерность процессуального статуса участников производства на основе принципа равноправия [5, с. 79]. Доктрина уголовного судопроизводства обоснованно утверждает необходимость тождественности правового статуса участников, занимающих одинаковое процессуальное положение.

При рассмотрении каждого аспекта, характеризующего принцип равенства всех перед законом и судом, можно выделить следующее:

1. *Нравственный аспект* формирует сущностную основу данного принципа, определяя его ценностное содержание.

2. *Социально-правовой аспект* является ключевым и требует нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве.

3. *Технико-юридический аспект* выполняет вспомогательную роль, обеспечивая формальное выражение остальных элементов. Исключение любого из этих компонентов приводит к искаженному пониманию сути принципа, условий и механизмов его реализации, а также к ошибочному толкованию соответствующих правовых норм.

В современной юридической науке принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ч. 2 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации¹ (далее – УПК РФ), традиционно рассматривается как одна из основополагающих гарантий справедливого правосудия. Множество доктринальных подходов к определению данного принципа позволяет сформировать целостное представление о его сущности и содержании, когда непосредственная практическая реализация в уголовном процессе сопряжена с рядом системных противоречий, обусловленных наличием специальных процессуальных режимов для отдельных категорий лиц. Данная проблема приобретает особую актуальность в контексте дифференциации уголовно-процессуального регулирования, что требует детального анализа как законодательных норм, так и доктринальных подходов.

Законодательное закрепление особого порядка уголовного судопроизводства в отношении лиц, обладающих иммунитетом, прежде всего связано с необходимостью соблюдения международных обязательств Российской Федерации, а также с обеспечением функциональной независимости ключевых публичных институтов. Вместе с тем, как показывает анализ ст. 447 УПК РФ, дифференциация процессуальных статусов не всегда имеет четкие критерии, что порождает правовую неопределенность. Так, согласно основным доктринальным подходам, субъекты, подпадающие под специальный порядок производства, классифицируются на три группы:

1) лица, обладающие конституционным иммунитетом²;

2) лица, получившие специальный статус с принятием УПК РФ в 2001 г.;

3) лица, которые в дальнейшем, после 2001 г., были добавлены в УПК РФ.

Вместе с тем условная дифференциация лиц, обладающих специальным статусом, не устраняет ключевых проблем. В частности, отсутствие единого подхода к определению круга иммунитетов приводит к исключе-

ниям, не имеющим очевидного правового обоснования. Так, судьи конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, присяжные и арбитражные заседатели не включены в ст. 447 УПК РФ, несмотря на их непосредственное участие в отправлении правосудия.

Более значительные проблемы правоприменения возникают в связи с недостаточной определенностью процессуального статуса отдельных категорий лиц, упомянутых в ст. 447 УПК РФ. Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, закрепляя принцип равенства всех перед законом и судом (ч. 2 ст. 3 УПК РФ), одновременно предусматривает изъятие из этого принципа отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. Однако анализ правового регулирования статуса таких субъектов выявляет существенную дифференциацию в подходах законодателя, что порождает системные проблемы в правоприменительной практике. Наиболее ярко это проявляется при сопоставлении регламентации статуса судей, с одной стороны, и прокуроров, следователей, адвокатов – с другой. Если в отношении судей законодатель устанавливает детализированные критерии применения особого порядка производства, то для иных категорий лиц характерна терминологическая нечеткость, смешение признаков должностного положения и профессионального статуса, что приводит к правовой неопределенности.

Ключевой проблемой является отсутствие единообразного понимания круга лиц, подпадающих под действие специальных процессуальных гарантий. Так, в случае с прокурорами законодатель, с одной стороны, отсылает к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации», а с другой – не дает четкого определения понятия «прокурор» в контексте уголовного

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Президент Российской Федерации (ст. 91), сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы (ст. 98), судьи (ст. 122).

судопроизводства¹. Статья 5 УПК РФ, хотя и содержит указание на процессуальные полномочия прокурора, не конкретизирует, распространяются ли особые гарантии исключительно на прокуроров, непосредственно участвующих в уголовном процессе, или же на всех работников прокуратуры. Подобная законодательная лакуна провоцирует расширительное толкование, при котором под действие ст. 447 УПК РФ могут подпадать даже те сотрудники прокуратуры, чья деятельность не связана с уголовным преследованием или надзором за следствием.

Возникает закономерный вопрос о соразмерности такого подхода. Если для судей особый порядок уголовного преследования обусловлен необходимостью обеспечения независимости судебной власти, то распространение аналогичных гарантий на всех прокуроров без учета их конкретных функций выглядит избыточным. Более того, подобная практика создает предпосылки для нарушения принципа равенства, поскольку наделяет отдельных субъектов процессуальными привилегиями без достаточных оснований.

Особого внимания заслуживает регламентация задержания закрепленных в ст. 447 УПК РФ лиц со специальным статусом. Закон предусматривает непосредственное задержание лиц, обладающих специальным статусом, в случаях непосредственного захвата на месте преступления. Если же задержание осуществляется по основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ, такие лица подлежат немедленному освобождению после идентификации их личности [6].

Полагаем, что требование немедленного освобождения таких лиц после установления их личности создает коллизию с конституционным принципом равенства, поскольку фактически предоставляет им привилегию, не обусловленную необходимостью защиты публичных интересов. Подобные нормы, как справедливо отмечается в литературе,

требуют пересмотра с точки зрения их соответствия ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство всех перед законом.

Критический анализ доктринальных подходов к пониманию равенства перед законом также выявляет существенные расхождения. Так, предложение Н. В. Романенко рассматривать равенство через призму «допустимого неравенства» хотя и отражает диалектическую природу этой категории, но может привести к субъективизации правоприменения. В этой связи более обоснованной представляется позиция, согласно которой исключения из принципа равенства допустимы лишь при наличии четких критериев: рационального основания, соразмерности ограничений, баланса интересов и соответствия конституционным ценностям.

Таким образом, действующее регулирование специальных процессуальных режимов в уголовном судопроизводстве требует совершенствования. Во-первых, необходимо устранить пробелы в определении круга лиц, обладающих иммунитетом, включив в ст. 447 УПК РФ судей конституционных (уставных) судов и заседателей. Во-вторых, следует детализировать основания применения особого порядка производства в отношении прокуроров и адвокатов, ограничив их случаями, непосредственно связанными с профессиональной деятельностью. В-третьих, нормы о задержании лиц со специальным статусом должны быть приведены в соответствие с принципом равенства, исключая автоматическое освобождение при отсутствии веских публичных причин. Только последовательная унификация процессуальных гарантий с учетом конституционных приоритетов позволит обеспечить подлинное равенство перед законом и судом [7, с. 17].

Допуская существенные отступления от конституционного принципа равенства, законодатель тем самым создает основу для развития дискуссий среди представителей

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Рос. газета. 1992. 18 февр.

научного общества. Современная уголовно-процессуальная доктрина сталкивается с парадоксальной ситуацией: закрепляя в ст. 19 Конституции Российской Федерации и ст. 3 УПК РФ принцип равенства всех перед законом и судом, законодатель одновременно создает разветвленную систему исключений из этого принципа. Такой законодательный подход неизбежно порождает теоретико-методологические дискуссии о природе и границах юридического равенства, что находит отражение в полярных позициях исследователей. Особый интерес в этом контексте представляет концепция Н. В. Романенко, предлагающей принципиально иную методологию интерпретации равенства через категорию «допустимого неравенства» [8, с. 37]. Такой подход, несмотря на свою внешнюю спорность, заслуживает глубокого анализа, поскольку вскрывает системные проблемы юридической техники современного законодательства.

При этом анализ современной законодательной практики показывает, что существующая система исключений из принципа равенства перед законом (ст. 447–452 УПК РФ) действительно часто строится без четких методологических оснований. Законодатель, с одной стороны, декларативно утверждает всеобщее равенство, с другой – создает сложную систему процессуальных иммунитетов и специальных процедур без единой логики их распределения между различными категориями лиц. В этом контексте предложенный Н. В. Романенко подход приобретает особую ценность, так как позволяет систематизировать критерии установления правомерных исключений из общего правила.

Подобные изъятия из общего принципа находят свое отражение в требованиях обос-

нованности и целесообразности. Как справедливо отмечается в доктрине, категория юридического равенства по своей природе диалектична, что предполагает возможность установления исключений. К числу таковых относятся как преференции, так и дополнительные ограничительные меры для отдельных субъектов. При этом такие изъятия не рассматриваются как нарушение принципа равенства при соблюдении следующих условий: наличия рационального основания, соразмерности, баланса интересов, а также соответствия конституционным ценностям и публичным интересам [7, с. 17].

Заключение

Проведенное исследование принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, данный принцип является фундаментальной основой справедливого правосудия, гарантирующей отсутствие дискриминации по любым признакам, включая социальный статус, имущественное положение, расу, национальность, религиозные и политические убеждения. Однако его реализация на практике сталкивается с рядом проблем, требующим оптимального решения. Во-вторых, действующие гарантии равенства, закрепленные в Конституции Российской Федерации, УПК РФ, требуют дальнейшего совершенствования, включая необходимость модернизации уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, несмотря на существующие проблемы, принцип равенства перед законом и судом остается ключевым элементом уголовного процесса, требующим постоянного внимания законодателя, правоприменителей и научного сообщества для его эффективной реализации в правовой практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробейников И. И. Принцип равенства всех перед законом и судом и его реализация в современном законодательстве // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности (шифр – МКВГ) : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 мая 2024 г.). М. : Центр развития образования и науки, 2024. С. 76–82.

2. Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 215–221.
3. Задорожная В. А. Содержание принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2006. № 5. С. 136–139.
4. Дербышева Е. А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 4 (35). С. 32–35.
5. Галузина К. А. Критерии разграничения принципа равенства всех перед законом и судом и принципа равноправия сторон в процессе // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11, № 2. С. 77–82.
6. Ходжалиев С. А. Категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1070–1071.
7. Зубакин В. Ю. Место и значение принципа равенства перед законом и судом в системе принципов правового государства // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3 (37). С. 13–21.
8. Путилов П. Н., Степанов В. Е. Правовое государство: реализация принципа равенства в уголовном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 1 (80). С. 32–38. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11006>.

REFERENCES

1. Korobeynikov I. I. The principle of equality of all before the law and the court and its implementation in modern legislation // Challenges of globalization and development of society in the context of the new reality (code – MKVG) : collection of materials of the 16th International scientific and practical conference (Moscow, May 22, 2024). Moscow : Center for the Development of Education and Science, 2024. P. 76–82. (In Russ.)
2. Romanenko N. V. Equality before the law and the court as a constitutional principle of justice // Society and law. 2014. No. 2 (48). P. 215–221. (In Russ.)
3. Zadorozhnaya V. A. The content of the principle of equality of all before the law and the court in criminal proceedings // Bulletin of South Ural University. 2006. No. 5. P. 136–139. (In Russ.)
4. Debysheva E. A. A balance between the principle of legal certainty and the principle of equality of all before the law and the court // Bulletin of Liberal Arts University. 2021. No. 4 (35). P. 32–35. (In Russ.)
5. Galuzina K. A. Criterion for differentiating the principle of equality of citizens before courts and the principle of equality of arms in action // Russian journal of legal studies. 2024. Vol. 11, no. 2. P. 77–82. (In Russ.)
6. Khodjaliev S. A. Categories of persons in respect of whom a special procedure for criminal proceedings is applied // Young scientist. 2016. No. 10 (114). P. 1070–1071. (In Russ.)
7. Zubakin V. Yu. The place and importance of the principle of equality before the law and the court in the system of principles of law-governed state // Leningrad law journal. 2014. No. 3 (37). P. 13–21. (In Russ.)
8. Putilov P. N., Stepanov V. E. Law-governed state: implementation of the principle of equality in criminal and criminal procedural law of the Russian Federation // Scientific bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2021. Vol. 27, no. 1 (80). P. 32–38. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11006>. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья

УДК 343.852:343.985.7:[343.7:004](470)

Вадим Ралифович Ахметгалеев*Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, vahmetgaleev@yandex.ru*

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу тактических аспектов применения меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте расследования преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автор рассматривает актуальные тенденции роста киберпреступлений в Российской Федерации и подчеркивает необходимость тщательной подготовки следователей к проведению следственных действий и принятию процессуальных решений. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на решение о применении заключения под стражу, включая тяжесть и характер преступления, а также личностные характеристики преступника и его постпреступное поведение. Выделяются типичные следственные ситуации, требующие применения данной меры пресечения, и обосновывается ее эффективность в пресечении негативных действий, предусмотренных ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Отмечается, что грамотная реализация такой меры пресечения, как заключение под стражу, способствует не только законному и обоснованному ее применению, но и достижению системного тактического эффекта, который может преобразовать неблагоприятную следственную ситуацию в благоприятную. Приводятся примеры ситуаций, когда применение данной меры пресечения может быть наиболее целесообразным, и описываются механизмы ее воздействия на подозреваемого или обвиняемого, соучастников преступления либо содействующих им лиц.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, тактика применения мер пресечения, информационно-телекоммуникационные технологии, мошенничество, противодействие, тактический эффект, киберпреступления

Для цитирования: Ахметгалеев В. Р. Тактические особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 43–51.

Original article

Vadim R. Akhmetgaleev*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, vahmetgaleev@yandex.ru*

**TACTICAL FEATURES OF THE USE OF PREVENTIVE MEASURES
IN THE FORM OF DETENTION IN THE INVESTIGATION
OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the tactical aspects of the use of preventive measures in the form of detention in the context of the investigation of crimes related to the use of information and telecommunication technologies. The author examines the current trends in the growth of cybercrimes in the Russian Federation and emphasizes the need for thorough preparation of investigators for conducting investigative actions and making procedural decisions. Particular attention is paid to the analysis of factors influen-

cing the decision to apply detention, including the severity and nature of the crime, as well as the personality characteristics of the offender and his post-criminal behavior. Typical investigative situations requiring the use of this preventive measure are highlighted, and its effectiveness in suppressing negative actions provided for in Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated. It is noted that the competent implementation of such a preventive measure as detention contributes not only to its lawful and reasonable application, but also to the achievement of a systemic tactical effect that can transform an unfavorable investigative situation into a favorable one. Examples of situations where the use of this preventive measure may be most appropriate are given, and the mechanisms of its effect on the suspect or accused, accomplices in the crime or persons assisting them are described.

Keywords: preventive measures, detention, tactics of applying preventive measures, information and telecommunication technologies, fraud, counteraction, tactical effect, cybercrime

For citation: Akhmetgaleev V. R. Tactical features of the use of preventive measures in the form of detention in the investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 43–51 (In Russ.)

Введение

Проведенный анализ состояния преступности в Российской Федерации за 2024 год показывает, что преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) совершаются в нашей стране все чаще. За период с января по декабрь 2024 г. зафиксировано существенное увеличение общего количества рассматриваемых преступлений, составившее 765 365 случаев, что демонстрирует рост на 13,1 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом количество преступлений, квалифицируемых как тяжкие и особо тяжкие составы, достигло 369 267 случаев, показав прирост на 7,8 %. Проведенный анализ инструментария, используемого при совершении данных противоправных деяний, выявил определенные тенденции в его трансформации. Наблюдается статистически значимое снижение количества преступлений, совершенных с использованием расчетных (пластиковых) карт, составившее 13,1 %. Аналогичная динамика прослеживается в сегменте преступлений с применением фиктивных электронных платежей, где отмечено сокращение на 61,8 %. Вместе с тем наблюдается существенный рост преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуника-

ционных технологий. В частности, зафиксировано увеличение на 23,2 % количества противоправных деяний, совершенных посредством сети Интернет. Кроме того, наблюдается рост на 16,4 % преступлений, совершенных с применением компьютерной техники, на 14,3 % – с использованием средств мобильной связи и на 10,6 % – с применением программных средств. При этом в структуре преступлений, совершенных в сфере ИТТ за 2024 год, преобладают мошенничества (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) – 379 762 случая, что составляет 49,61 % от общего числа совершенных киберпреступлений¹.

Данные факторы указывают не только на стремительный переход мошенников на удаленный формат, но и на повышение их профессионального уровня². Эти обстоятельства обуславливают возникновение определенных трудностей как при раскрытии, так и при расследовании преступлений подобного рода, что предопределяет необходимость планомерной подготовки следователей к проведению следственных действий с подследственным и к вынесению, а также реализации процессуальных решений в рамках расследуемого преступления.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 14.04.2025).

² Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий: отдельные аспекты : учеб. пособие / В. Р. Гурьянова, Г. А. Тугузбаев, А. С. Ишмеева [и др.]. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. С. 7.

От уровня подготовки следователя к проведению определенного следственного действия зависит степень вероятности получения значимой для расследования информации. Вместе с тем, наряду с возможностью получения таких данных, не менее важной задачей представляется пресечение и нейтрализация негативного воздействия преступника либо содействующих ему лиц на имеющие значение объекты, которые содержат в себе информацию о совершенном мошенничестве с использованием ИТТ.

В этом ключе достаточно благоприятной будет представляться следственная ситуация, когда уже на ранних этапах выявлены и изъяты все использованные в ходе совершения преступления предметы (мобильные телефоны, компьютерная техника и т. п.) с содержащейся в них всей необходимой информацией, подтверждающей факт совершения преступления, а также установлены все счета, использованные в рамках совершения дистанционного мошенничества, и их владельцы [1, с. 158]. Однако возникает вопрос, что делать следователю, если таковой информации в указанных объектах не имеется либо, например, она содержится в облачном хранилище, доступ к которому отсутствует. Более негативный оттенок следственной ситуации в данном случае может придать и отказ подследственного от дачи каких-либо показаний. Ситуация еще более усугубляется, когда лицо имеет направленность к совершению всех перечисленных в ст. 97 УПК РФ негативных действий.

Данные обстоятельства, несомненно, будут свидетельствовать о развитии неблагоприятной следственной ситуации в рамках расследования, которая, в случаях невозможности пресечения ее развития и преобразования в благоприятную, может повлечь необратимые для расследования последствия, в том числе и в виде невозможности направления уголовного дела в суд.

Основной задачей следователя в подобного рода ситуациях будет являться предотвращение возможных негативных действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Наряду с заранее запланированными и проведенными

ми следственными действиями, криминалистическим инструментом, способным относительно успешно реализовывать данные задачи, а также усилить тактический потенциал последующих следственных действий, является тактико-криминалистическая реализация мер пресечения в отношении подследственного, совершившего преступление в сфере ИТТ.

Несомненно, что наиболее эффективной мерой, которая будет пресекать все возможности к совершению негативных действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, является заключение под стражу [2, с. 59]. Однако допустимость ее применения по рассматриваемым составам преступлений в связи с неопределенностью правовой регламентации и игнорированием сложившейся следственной ситуации по расследуемому делу нередко вызывает у следователей определенные сложности. Данное обстоятельство в целях применения законного и обоснованного и в то же время эффективного тактического решения предопределяет необходимость рассмотрения факторов, свидетельствующих об эвентуальности применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, совершившего мошенничество с использованием ИТТ, меры пресечения в виде заключения под стражу.

Гипотеза исследования состоит в том, что тактико-криминалистическое применение меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках расследования мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ, способствует законному и обоснованному ее применению, предопределяя возможность получения системного тактического эффекта, который помогает пресечению неблагоприятной следственной ситуации и ее преобразованию в благоприятную.

Теоретическая значимость представленной работы заключается в разработке тактических рекомендаций по применению меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках расследования мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ.

Практическая значимость состоит в возможностях ее использования сотрудниками

следственных подразделений и подразделений дознания в повседневной служебной деятельности при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием ИТТ.

Методы

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы познания, такие как методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, системно-структурный метод, а также частнонаучные методы исследования: формально-логический и логико-юридический.

Результаты

Для тактически правильного и законного применения меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям указанной категории следователь должен провести совокупный анализ компонентов, которые могут свидетельствовать о возможности возникновения предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, среди которых необходимо выделить установление тяжести и характера совершенного преступления, анализ сведений о личности преступника, ее направленности и формах его постпреступного поведения, а также оценку сложившейся на момент применения меры пресечения следственной ситуации [3, с. 259].

Рассматривая такую категорию, как тяжесть и характер совершенного преступления, отметим, что мера пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования мошенничеств, реализованных с использованием ИТТ, может быть применена в отношении подозреваемого или обвиняемого, совершившего тяжкое преступление (ч. 3–4 ст. 159 УК РФ (например, телефонные мошенничества), ч. 3–4 ст. 159.1, ч. 3–4 ст. 159.2, ч. 3–4 ст. 159.3, ч. 3–4 ст. 159.6 УК РФ).

Законодатель предусматривает, что в исключительных случаях мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана в отношении лица, совершившего преступление средней тяжести (ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 159.2, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ), если личность подозреваемого или обвиняемого не установлена, он скрылся от органов предварительного рас-

следования либо не имеет места жительства или места пребывания на территории России, а также в случае нарушения им ранее избранной в отношении него меры пресечения.

Вместе с тем законодатель не приводит перечень исключительных случаев, что может создать определенные сложности при реализации следователями решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу по данным категориям преступлений. Как представляется, наиболее полные критерии исключительности обозначает В. Л. Осмоловская, которая относит к ним следующие основные элементы: 1) повторность совершения преступления; 2) направленность умысла; 3) совершение преступления в составе преступной группы; 4) негативное постпреступное поведение; 5) связь с криминальным миром; 6) отсутствие положительно характеризующихся опекунов (для несовершеннолетних преступников) [4, с. 210].

Важно отметить, что для применения меры пресечения в виде заключения под стражу указанные исключительные случаи, среди которых необходимо выделить повторность совершения преступления, не должны носить единичный характер, а наличествовать в виде совокупности (части совокупности) вышеуказанных элементов. Только в таком виде они будут свидетельствовать о реальной возможности совершения подозреваемым или обвиняемым негативных действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

В отношении же лица, совершившего преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 159, ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 159.2, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ), мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена в случаях, если оно скрылось от органов предварительного расследования либо нарушило ранее избранную меру пресечения.

Следующим элементом, анализ которого необходим для принятия законного и обоснованного, а также тактически эффективного решения о применении меры пресечения в

виде заключения под стражу в отношении лица, совершившего мошенничество с использованием ИТТ, являются совокупность сведений о личности преступника, ее направленности и формы постпреступного поведения [5, с. 383]. Сразу сделаем оговорку, что законодатель в ч. 2 ст. 108 УПК РФ допускает применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении беременной женщины, несовершеннолетнего, мужчины, являющегося единственным родителем малолетнего ребенка, женщины, имеющей малолетнего ребенка, усыновителя или опекуна малолетнего ребенка, единственного родителя, усыновителя, опекуна или попечителя ребенка-инвалида только в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого преступления. Таким образом, применение рассматриваемой меры пресечения в отношении приведенных выше категорий лиц возможно только по составам преступлений, указанным в: ч. 3–4 ст. 159, ч. 3–4 ст. 159.1, ч. 3–4 ст. 159.2, ч. 3–4 ст. 159.3, ч. 3–4 ст. 159.6 УК РФ.

В дополнение к сведениям о личности участника преступления и ее направленности, которые могут свидетельствовать о возможности возникновения оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и необходимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу, будет являться следующая совокупность (часть совокупности) данных: 1) отрицательные характеристики по месту работы, учебы или жительства; 2) обладание заграничным паспортом, банковскими счетами, открытыми в иностранных банках, видом на жительство в зарубежных странах, а также движимым и недвижимым имуществом в стороне от государства; 3) неоднократное или систематическое привлечение к уголовной ответственности и наличие судимостей, в том числе за аналогичное преступление [6, с. 308]; 4) наличие обширных криминальных знакомств и связей среди представи-

телей криминальной сферы ИТТ; 5) присутствие покровителей в государственных, правоохранительных и надзорных структурах¹; 6) главенствующая роль в преступной группе, совершающей преступления в сфере ИТТ; 7) обладание высокой степенью оказываемого воздействия на соучастников преступления, участников уголовного судопроизводства; 8) наличие активных сторонников подозреваемого или обвиняемого, не заинтересованных в успешном расследовании преступления; 9) психологическая предрасположенность и направленность лица на оказание активного незаконного противодействия в совокупности с реальными возможностями его реализации [7, с. 223].

Следует признать, что индивидуально-психологические характеристики субъекта преступления, проявляющиеся через непосредственное или опосредованное посткриминальное поведение в ходе осуществления следственных действий, определяют формирование процессуальной ситуации расследования. Корректное определение фактически сложившейся следственной ситуации по уголовному делу обуславливает возможность выявления признаков подготовки или реализации противоправных действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. По этой причине формирование решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу только на категориях состава расследуемого преступления и сведений о личности преступника не совсем корректно, так как в этом случае без учета следственной ситуации не будет достигнут максимально возможный уровень тактического эффекта применения данной меры пресечения [8, с. 118].

К наиболее типичным ситуациям на первоначальном этапе расследования, которые указывают на необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, мы можем отнести:

¹ Особенности первоначального этапа расследования неправомерного доступа к компьютерной информации : учеб.-метод пособие / Э. Д. Нугаева, С. Р. Низаева, В. Р. Гайнельзянова, З. И. Харисова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. С. 15–16.

1. Подследственный оказывает активное незаконное противодействие процессу расследования. Учитывая направленность участника преступления и его реальную возможность совершения негативных действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, единственно верным тактическим решением, позволяющим подавить деструктивную активность лица, является применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Реализация данной меры пресечения способствует максимальной изоляции лица, обеспечивая тем самым создание как внутренней, так и внешней информационной блокады, оказывает достаточно сильное психологическое воздействие, подавляя направленность на планирование и реализацию неблагоприятных действий и стимулируя (путем анализа положительных стимулов) к сотрудничеству со следствием, в том числе и к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве [9, с. 17].

2. В процессе осуществления уголовного преследования имеет место реализация комплекса противоправных действий, направленных на воспрепятствование проведению объективного расследования со стороны участников преступной группы. В данной следственной ситуации необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу предопределяется не только пресечением негативной активности членов группы, но и необходимостью психологического разламывания «принципа стаи». Наряду с вышеуказанными положительными моментами применение меры пресечения в виде заключения под стражу в этом случае будет способствовать пресечению выстраивания тактики поведения членов группы на последующих следственных действиях, формированию разобщенности участников преступной группы на фоне отсутствия взаимной поддержки, невозможности влияния на иных соучастников. В итоге применение данной меры пресечения может способствовать формированию психологической направленности на сотрудничество со следствием со стороны наиболее слабых ее участников.

Вместе с тем следователю необходимо учитывать, что в данной ситуации сотрудничество со следствием, в том числе и путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, может быть продиктовано не только благими намерениями члена преступной группы, но и в соответствии с заранее оговоренным участниками преступной группы планом. Так, добившись заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и применения более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения, член преступной группы может не только пустить следствие по ложному пути [10], но и лично либо через содействующих лиц негативно воздействовать на участников уголовного судопроизводства, предметы и объекты, имеющие значение. В подтверждение сказанному отметим, что диспозиция ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ устанавливает единственный механизм прекращения соглашения – в случае неисполнения предусмотренных им действий [11, с. 127]. При этом ст. 56.1 УПК РФ характеризуется отсутствием нормативно закрепленных мер юридической ответственности за предоставление заведомо ложных показаний, равно как и за уклонение от дачи показаний [12, с. 41–42]. В этой связи соучастник преступления, не опасаясь каких-либо значительных санкций, намеренно может заключить досудебное соглашение о сотрудничестве и, находясь под более мягкой мерой пресечения, лично либо через содействующих лиц уничтожить или повредить не установленные следствием предметы и цифровую информацию. В целях пресечения подобных фактов рекомендуется не только устанавливать и проверять истинную мотивацию участника преступной группы, изъявившего желание заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, но и применять в отношении последнего наиболее эффективную меру пресечения, сопряженную с контролем ее исполнения со стороны оперативных подразделений, сопровождающих процесс расследования преступления.

3. Противоправные действия, направленные на воспрепятствование осуществлению уголовного судопроизводства, ха-

рактируются наличием предварительного умысла и реализуются посредством участия третьих лиц, находящихся в аффилированных отношениях с фигурантом уголовного дела. Применение к участнику преступления меры пресечения в виде заключения под стражу в указанной следственной ситуации, наравне с вышеописанными положительными моментами, предопределяет оказание на содействующих ему лиц следующего влияния: а) отсутствия перспективы получения сведений от подозреваемого или обвиняемого о необходимости совершения и адресности негативных для предварительного следствия действий; б) формирования чувства опасности и страха быть раскрытым и привлеченным к ответственности за совершение деструктивных действий [13, с. 27].

Данные обстоятельства, ввиду невозможности информирования содействующих участнику преступления лиц о направленности и способах негативных действий, не только пресекут совершение последними неблагоприятных действий в отношении лиц, обладающих значимой информацией, но и способствуют обеспечению сохранности имеющих значение предметов и документов до момента их установления и изъятия органами предварительного расследования.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в вышеуказанных следственных ситуациях пресекает личную негативную направленность участника преступления, а также, поддерживая информационную блокаду между соучастниками преступления и содействующими лицами, предопределяет формирование разобщенности, невозможность выстраивания единой тактики поведения и совершения данными лицами неблагоприятных для следствия действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что тактическое применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, совершившего мошенничество с использованием ИТТ, на основе совокупности тяжести совершенного преступления, информации о личности преступника, ее направленности и формах его постпреступного поведения, а также сложившейся на момент применения меры пресечения следственной ситуации способствует законному и обоснованному ее применению, предопределяя возможность получения системного тактического эффекта, что помогает пресечению неблагоприятной следственной ситуации и преобразованию ее в благоприятную.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белова К. С. Типичные следственные ситуации, складывающиеся в начале расследования дистанционных мошенничеств, и алгоритм действий следователя // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 157–159. <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-4-157-159>.
2. Ермолаев К. А. Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 1 (59). С. 57–65. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-6>.
3. Ахметгалеев В. Р. Роль иных процессуальных действий при принятии решений о применении мер пресечения // Мировые научные парадигмы в цифровую эпоху: взгляд в будущее : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 30 окт. 2022 г. Ростов н/Д : ООО «Манускрипт», 2022. Ч. 1. С. 259–260.
4. Осмоловская В. Л. Особенности применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1. С. 208–211.
5. Караева А. А. О некоторых вопросах соблюдения прав личности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 381–384. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_381.

6. Зоз В. А., Лагуточкина А. С. Личность интернет-преступника и отдельные способы их выявления в глобальной информационной сети // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 306–312.
7. Тройнина И. С. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 221–225.
8. Ермакова А. Л. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1 (41). С. 117–120.
9. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 224 с.
10. Папышева Е. С. О некоторых аспектах института досудебного соглашения о сотрудничестве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-4 (93). С. 141–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-6-4-141-143>.
11. Карлов А. Л. О некоторых результатах научных изысканий по вопросам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 125–129.
12. Дикарев И. С. Процессуальное положение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 38–45. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A213>.
13. Ахметгалеев В. Р. Взаимосвязь тактики применения мер пресечения и сложившихся по расследуемому уголовному делу следственных ситуаций // Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Ситуационные аспекты раскрытия и расследования преступлений», посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки России, доктора юридических наук, профессора Леонида Яковлевича Драпкина, Екатеринбург, 1 нояб. 2024 г. / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург : АНО «КримЛиб», 2024. С. 24–29.

REFERENCES

1. Belova K. S. Typical investigative situations that develop at the beginning of the investigation of remote fraud and the algorithm of the investigator's actions // Civil service and personnel. 2021. No. 4. P. 157–159. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-4-157-159>. (In Russ.)
2. Ermolaev K. A. Concept and legal properties of a preventive measure in the form of detention // Bulletin of Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2025. Vol. 16, no. 1 (59). P. 57–65. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-6>. (In Russ.)
3. Akhmetgaleev V. R. A role of other procedural actions in making decisions on the application of preventive measures // The world scientific paradigms in the digital age: a look into the future : proceedings of the 8th International scientific and practical Conference, Rostov-on-Don, 30 October, 2022. Rostov-on-Don : ООО “Manuscript”, 2022. Part 1. P. 259–260. (In Russ.)
4. Osmolovskaya V. L. Peculiarities of the use of detention in relation to juvenile suspects, accused persons // Actual problems of humanities and natural sciences. 2010. No. 1. P. 208–211. (In Russ.)
5. Karaeva A. A. On some issues of respect for the rights of the person when choosing a precautional measure in the form of detention // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). P. 381–384. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_381. (In Russ.)
6. Zoz V. A., Lagutochkina A. S. The identity of an Internet criminal and certain ways to identify them in a global information network // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2023. Vol. 9 (75), no. 2. P. 306–312. (In Russ.)
7. Troinina I. S. Detention as a preventive measure in criminal proceedings // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4. P. 221–225. (In Russ.)
8. Ermakova A. L. Some issues of choosing a preventive measure in the form of detention // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (41). P. 117–120. (In Russ.)
9. Bagautdinov K. F. Pre-trial cooperation agreement: topical problems of optimizing the mechanism of implementation and improving the procedural status of its participants : dis. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2020. 224 p. (In Russ.)

10. Papysheva E. S. On some aspects of the institute of pre-trial cooperation agreement // International journal of humanities and natural sciences. 2024. No. 6-4 (93). P. 141–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-6-4-141-143>. (In Russ.)
11. Karlov A. L. On some results of scientific research on the issues of application of the institute of pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings // Bulletin of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2024. No. 1 (54). P. 125–129. (In Russ.)
12. Dikarev I. S. Procedural status of the person who entered into a pretrial cooperation agreement // Journal of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. No. 1 (68). P. 38–45. (In Russ.)
13. Akhmetgaleev V. R. The relationship between the tactics of applying preventive measures and the investigative situations that have developed in the criminal case under investigation // Situational aspects of crime detection and investigation : materials of the all-Russian scientific and practical conference “Situational aspects of crime detection and investigation” dedicated to the centenary of the birth of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor Leonid Ya. Drapkin, Yekaterinburg, November 1, 2024 / ed. by D. V. Bakhteyev. Yekaterinburg : KrimLib, 2024. P. 24–29. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ахметгалеев В. Р. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Akhmetgaleev V. R. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.541.4:004.77

Александр Егорович Епифанов
*Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, Москва, Россия,
e-mail: mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-5770*

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В своей работе автор исследует особенности половых преступлений в отношении несовершеннолетних, совершаемых в сети Интернет. Автор показывает, что преступления данной категории имеют грандиозный масштаб и требуют незамедлительного реагирования со стороны правоохранительных органов. Проведенное исследование убедительно показывает, что сексуальное насилие над детьми в цифровой среде представляет собой транснациональную проблему, затрагивающую практически все государства. Несовершеннолетние, будучи наиболее активными пользователями цифровых технологий, становятся приоритетной целью для преступников сексуальной направленности. Тревожная динамика указывает на неуклонный рост инцидентов сексуальных домогательств в отношении детей в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: сексуальное насилие, несовершеннолетние, домогательство ребенка, шерентинг, секстинг, груминг

Для цитирования: Епифанов А. Е. Половые преступления против несовершеннолетних в информационной среде // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 52–59.

Original article

Alexander E. Epifanov
Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-5770

SEXUAL CRIMES AGAINST MINORS IN THE INFORMATION ENVIRONMENT

Abstract. In his work, the author explores the features of sexual crimes against minors committed on the Internet. The author shows that crimes of this category have a grand scale and require an immediate response from law enforcement agencies. The conducted research convincingly shows that sexual abuse of children in the digital environment is a transnational problem affecting almost all states. Minors, being the most active users of digital technologies, are becoming a priority target for sexual offenders. The alarming trend indicates a steady increase in incidents of sexual harassment of children in the virtual space.

Keywords: sexual violence, minors, harassment of a child, sharenting, sexting, grooming

For citation: Epifanov A. E. Sexual crimes against minors in the information environment // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 52–59. (In Russ.)

Введение

Половые преступления против несовершеннолетних в информационной среде представляют собой одну из наиболее тре-

вожных угроз современного цифрового общества. С развитием интернет-технологий и расширением доступа к цифровым платформам проблема сексуальной эксплуатации

© Епифанов А. Е., 2025

детей приобрела новые формы и масштабы, требующие комплексного международного подхода к противодействию.

Данная статья посвящена анализу международного опыта и российской практики в сфере борьбы с половыми преступлениями против несовершеннолетних, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Методы

Методологической основой является диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Из специальных методов в ходе исследования использовались: сравнительно-правовой, метод системного анализа, догматический (формально-юридический), эмпирический, формально-логический, познавательный, метод аналогии, анкетирование и др.

Результаты

Насильственные преступления против несовершеннолетних представляют собой одну из наиболее острых проблем современного общества и входят в число критических угроз глобального масштаба. Особую тревогу вызывают преступления сексуального характера в отношении детей, включая различные формы сексуального насилия и эксплуатации. Согласно статистическим данным, предоставленным Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), масштабы данной проблемы поистине катастрофичны: ежегодно около 150 млн лиц женского пола и 73 млн лиц мужского пола, не достигших совершеннолетия, становятся жертвами сексуальных посягательств и принудительной сексуальной эксплуатации в различных формах. Около 80 % детей в 25 странах сообщают о том, что ощущают опасность подвергнуться сексуальному насилию или эксплуатации в Интернете¹.

С появлением Интернета и новейших информационно-коммуникационных технологий значительное количество «обычных» преступлений перешло в категорию так называемых киберпреступлений в широком смысле этого слова. Официальной статистики относительно количества детей, проводящих время в Интернете, нет, но, согласно данным различных исследований, наиболее активными пользователями Всемирной сети являются девушки и юноши, в том числе подростки. Более того, Интернет стремительно «молодеет», ведь на сегодняшний день дети 4–6 лет активно им пользуются, а современные гаджеты выполняют роль цифровой няни. Хотя только десяток лет назад возраст интернет-инициации составлял 10 лет².

В настоящее время население России составляет 146,4 млн человек, из которых 30,2 млн – несовершеннолетние (20,6 % населения), из них 27 млн (89,4 %) являются активными пользователями сети Интернет. Современные дети – первое поколение, чье взросление происходит на фоне стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий. В своих привычках, ценностях и поведении в сети Интернет эта группа принципиально отличается от представителей более старшей аудитории (18–45 лет). Их основными интересами являются общение в социальных сетях, просмотр видео и онлайн-игры³.

В условиях активного пользования Интернетом дети рискуют не только встретить вредоносный контент, но и стать жертвой сексуальной эксплуатации и насилия [1, с. 112]. По оценкам зарубежных экспертов, детская порнография по прибыти занимает в мире третье место после торговли наркотиками и оружием. Интернет-ресурсы по выбору заинтересованного пользователя

¹ Защита детей в интернете // ЮНИСЕФ. URL: <https://www.unicef.org/> (дата обращения: 20.02.2025).

² Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет : учеб. пособие. М. : Проспект, 2023. С. 17.

³ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 апр. 2023 г. № 1105-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 19, ст. 3481.

предлагают фотографии и видео со сценами сексуального насилия над реальными детьми из любой страны [2].

Согласно информации, собранной глобальными мониторинговыми структурами, масштаб проблемы вызывает серьезную тревогу. Internet Watch Foundation обнаруживает новый материал, содержащий сцены сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, каждые 300 секунд. Особенно тревожным является тот факт, что в 4 из 10 выявленных случаев фигурируют дети, не достигшие 10-летнего возраста.

Экономический аспект проблемы также шокирует: доступ к прямым трансляциям, содержащим противоправные действия в отношении детей, предлагается злоумышленниками по цене всего 10–20 евро, что делает это преступление доступным для широкого круга потенциальных правонарушителей [3, с. 400].

Следует отметить, что проблема сексуальной эксплуатации и насилия в сети Интернет присуща любой стране, независимо от занимаемой площади, уровня развития или географического расположения. Например, по данным опроса в Таиланде, 92 % детей, переписывавшихся в чате, имели приглашение поговорить о сексе; 20 % детей в возрасте от 7 до 11 лет отметили травмы, когда они столкнулись с нецензурной лексикой (34 %) и когда им предложили переслать материалы о насилии или сексе (66 %). В 58 % случаев встреча с «другом» была неприятным сюрпризом, потому что дети поняли, что их виртуальный «друг» врал о себе и оказался не тем, кем представился [2].

Отметим также тревожные результаты исследований работников The Internet Watch Foundation, проводивших в течение четырех недель (47 часов) мониторинг детских аккаунтов в социальных сетях. Исследователи отслеживали количество опубликованных фотографий и видеороликов, имеющих сексуальный характер, с участием детей и подростков. Организация за время мониторинга зафиксировала загрузку 12 224 изображений. 11 000 (88 %) из этих изображений

появились на интернет-ресурсах, распространяющих детскую порнографию [4, с. 6]. В свою очередь, по сообщению международной организации ЕСРАТ, в странах Содружества Независимых Государств около 25–35 % порнографических материалов с участием детей происходят из бывших республик СССР [5, с. 135].

Интернет-технологии могут использоваться не только как способ распространения детской порнографии, но и как инструмент установления контакта с детьми в целях дальнейшей сексуальной эксплуатации. Сделать это нетрудно, учитывая, что современные дети не разделяют мир на цифровой (виртуальный) и реальный, а Интернет выступает средством их социализации. Кстати, психологи акцентируют внимание на том, что регистрация в соцсетях – это следствие естественной потребности ребенка находиться в группе по желанию. Итак, подростки используют Всемирную паутину прежде всего для общения, расширения круга знакомых. Они общаются в Интернете всеми возможными способами (во время онлайн-игр, в социальных сетях, чатах и т. п.).

Опасность заключается в том, что при виртуальном знакомстве и общении велика вероятность стать жертвой шантажа, преследований, запугиваний, сексуальных притязаний, склонения к самоубийству и т. д. Ситуация усложняется еще и тем, что дети из-за своего возраста, отсутствия жизненного опыта и устойчивой способности критически мыслить легко идут на контакт в соцсетях, сообщают личную информацию, делятся собственными фотографиями (часто откровенного характера) и т. д.

Подтверждением виктимного онлайн-поведения детей являются ответы учащихся общеобразовательных школ при проведении анкетирования, где большинство из них (66 %) отмечают, что они готовы сообщить новому виртуальному другу о своих интересах и увлечениях; 55 % – назовут свое имя и/или фамилию; 23 % – готовы прислать собственные фото (кстати, большинство из них – девушки); 12 % – оставят свой но-

мер телефона, 10 % – могут сообщить номер школы, где учатся¹. В целом подростки легкомысленно готовы сообщить постороннему человеку личную информацию, чем часто пользуются преступники. Ведь интернет-преступники в своем арсенале имеют десятки схем, как благодаря соцсетям влиять на несовершеннолетних. Часто они, регистрируясь под вымышленными именами, общаются с детьми, выманивают личные данные, интимные фото, что нередко становится предметом шантажа, а также устраивают реальные встречи, которые могут закончиться развращением, преследованием, изнасилованием и т. д.

Следует отметить, что на вопрос «Сталкивались ли Вы с секстингом – адресованными Вам текстовыми сообщениями или комментариями?» положительный ответ дали 22 % подростков, «Поступали ли Вам требования (просьбы) послать свои фото/видео личного/интимного характера от людей в Сети?» – 34 %, «Сталкивались ли Вы в Сети с тем, что незнакомые отвечали Вам на те вопросы, которые Вы стеснялись спросить у близких?» – 21 %, «Сталкивались ли Вы в Сети с тем, что незнакомцы предлагали Вам встретиться в реальной жизни после обсуждения интимных тем?» – 15 %².

Исследования последних 12 месяцев показывают, что приблизительно каждый четвертый ребенок в Российской Федерации становился объектом как минимум одного эпизода сексуального домогательства или эксплуатации в цифровом пространстве. Анализ инцидентов выявляет наиболее распространенные формы подобных нарушений: неприемлемые расспросы об интимных зонах, склонение к отправке личных изображений или видеоматериалов интимного характера, а также распространение среди детской аудитории порнографического контента.

Дети среднего и старшего школьного возраста сталкивались с более серьезными случаями. Некоторых просили касаться своего обнаженного тела на камеру, а некоторые из опрошенных встречались с незнакомцами из Интернета в реальной жизни. Эти данные подчеркивают необходимость усиления мер по обеспечению безопасности несовершеннолетних пользователей в виртуальной среде.

Как показывают исследования, наиболее популярная у агрессоров возрастная группа – 7–12 (40 % пострадавших) и 13–15 лет (34 % пострадавших). В онлайн-пространстве в роли насильника чаще выступали знакомые (44 %), чем незнакомые (39 %) мужчины, причем участницы отмечают именно взрослых.

Наблюдается значительный уровень виктимности жертв сексуального онлайн-насилия. Из 14 120 женщин о случаях сексуализированного насилия онлайн рассказали только 134. Заявление в полицию по факту совершения и/или угрозы насилием подала 171 женщина, это 3 % от 5615 пострадавших³.

Обратим внимание на факторы, способствующие совершению сексуальных преступлений онлайн. На сегодняшний день благодаря всеобъемлющей «смартфонизации» дети все больше времени проводят в Интернете, причем 80 % начинают пользоваться им в дошкольном и младшем школьном возрасте и нередко уже имеют собственные аккаунты в соцсетях, хотя самый низкий возраст регистрации в соцсетях составляет 13 лет. Поэтому они получают все риски виртуального мира, в том числе и сексуального характера. Согласно проведенному анкетированию, три четверти подростков взаимодействуют с сексуальным контентом (почти каждый день – 15 %, по меньшей мере раз в неделю – 16 % и по меньшей мере раз в месяц – 17 %)⁴.

¹ Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента : сайт. URL: <https://pedofilov.net/about-us/> (дата обращения: 04.03.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Родители, как правило, не владеют информацией ни о том, какие сайты посещают их дети, ни о проблемах, возникающих у детей в Сети. Поэтому такие противоправные посяательства на детей характеризуются высоким уровнем латентности. Следует отметить, что ряд факторов, а именно: сложность выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации (следовой картины преступления) при выполнении следственных действий для использования в качестве вещественного доказательства; большая скорость (практически мгновенно) совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных средств; постоянное обновление форм и способов совершения преступлений в сети Интернет, которое осуществляется на фоне совершенствования информационных технологий, – все это обуславливает высокую латентность и крайне усложняет определение степени и географии распространения указанных преступлений¹.

В большинстве случаев дети не видят своих онлайн-собеседников, не знают, как безопасно общаться с ними, ведь за неимением жизненного опыта у них еще не сформировалось критическое мышление [6, с. 98]. Все это требует разъяснительной работы не только с детьми, но и с их родителями. Некоторые родители сами подвергают опасности своих детей. Феномен распространения родителями фото своих детей с раннего возраста получил название «шерентинг» (sharenting). Этот термин вошел в обиход в эпоху цифровых технологий и образовался от слияния двух английских слов: share – делиться и parenting – отцовство. Родители снимают и выкладывают фотографии своих детей в социальные сети. Мамы окрашивают ресницы, губы, делают прически своим дочерям, в результате чего ребенок превращается в объект привлечения внимания. Исследования свидетельствуют о том, что родители к моменту, когда их ребенку исполнится 5 лет, успевают загрузить в соцсети в среднем 973 его фотографии. 17 %

родителей ни разу не изменяли настройки конфиденциальности, а 46 % проверяют такие настройки только один или два раза [7, с. 6].

Значительная часть лиц с педофильными наклонностями систематически собирает и архивирует визуальные материалы с изображением несовершеннолетних, полученные из различных платформ социальных медиа. Особую опасность представляет практика публикации географических меток, когда дети или их законные представители неосознанно раскрывают данные о местоположении, что потенциально позволяет злоумышленникам отследить физическое местонахождение ребенка.

Современное киберпространство характеризуется распространением таких деструктивных явлений, как «секстинг» – вовлечение несовершеннолетних в коммуникацию интимного характера и «груминг» – стратегия выстраивания псевдодоверительных отношений с целью последующей организации личного контакта для сексуальной эксплуатации, манипуляции или шантажа [3, с. 400].

Несовершеннолетние часто становятся уязвимыми для подобных манипуляций из-за недооценки потенциальных рисков, воспринимая такие взаимодействия как безопасный способ получения социального одобрения своей внешности через виртуальные знаки внимания [8, с. 92]. В большинстве случаев жертвы впоследствии принуждаются к участию в создании материалов порнографического характера посредством шантажа, основанного на личной информации, которая была ранее размещена самими пользователями в открытом доступе. К сожалению, статистика по секстингу и грумингу в России отсутствует, но о масштабах распространения этой проблемы можно судить по количеству обращений на всероссийскую горячую линию «Сдай педофила» (8-800-250-98-96) Мониторингового центра по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента при Уполномо-

¹ Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Указ. соч.

ченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Ежегодно в среднем на горячую линию поступает 2500 звонков, при этом 75 % обращений – это звонки от родителей, которые сообщают о сексуальных домогательствах или даже случаях разращения детей в социальных сетях. После проверки достоверности сообщений они (около четверти) направляются в правоохранительные органы. В 90 % случаев сексуальных домогательств или насилия над детьми педофилы – знакомые люди, в 60 % – это члены семьи и близкие родственники жертв. Педофилы манипулируют детьми, убеждают в необходимости сексуального контакта и уговаривают не рассказывать о совершенном преступлении¹.

В настоящее время в России подобные действия не рассматриваются в плоскости уголовного законодательства, тогда как в некоторых странах уже есть судебные решения, которыми признаны факты изнасилования через Интернет. В частности, еще в 2017 г. в Швеции осудили мужчину, который таким образом изнасиловал 27 детей, заставляя их выполнять сексуальные действия с использованием веб-камеры, записывая их на видео или демонстрируя в прямом эфире. Он угрожал опубликовать их фотографии на порносайтах или убить родственников, если они откажутся выполнить действия сексуального характера, за которыми он наблюдал в Швеции².

Анализируя проблему безопасности несовершеннолетних в интернет-среде, необходимо подчеркнуть важность многоуровневой системы противодействия сексуальным угрозам. Эффективная защита требует разработки и внедрения инновационных технологических барьеров, способных блокировать доступ злоумышленников к потенциальным жертвам. Представляется, что пора уже криминализировать «домогательство ребенка для сексуальных целей» (грумминга) с ква-

лифицирующим признаком – с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (кибергруминг).

Заключение

Проведенные исследования убедительно показывают, что сексуальное насилие над детьми в цифровой среде представляет собой транснациональную проблему, затрагивающую практически все государства [9, с. 42]. Несовершеннолетние, будучи наиболее активными пользователями цифровых технологий, становятся приоритетной целью для преступников сексуальной направленности. Тревожная динамика указывает на неуклонный рост инцидентов сексуальных домогательств в отношении детей в виртуальном пространстве [10, с. 155].

Анализ криминогенных факторов выявляет несколько ключевых аспектов, способствующих виктимизации несовершеннолетних: неосторожное коммуникативное поведение при взаимодействии с виртуальными собеседниками, необдуманное размещение персонального медиаконтента (фотографий, видеоматериалов) в открытом доступе как самими детьми, так и их законными представителями, а также недостаточная осведомленность о потенциальных угрозах цифрового пространства. Данные обстоятельства обуславливают необходимость формирования культуры кибербезопасности не только среди несовершеннолетних, но и всех категорий интернет-пользователей.

Риск натолкнуться на вредный, насильственный контент, а также стать жертвой противоправных посягательств, в частности сексуальных домогательств, многократно возрос вследствие увеличения продолжительности пребывания детей в онлайн-среде. Этому способствовали как

¹ Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента : сайт. URL: <https://pedofilov.net/about-us/> (дата обращения: 04.03.2025).

² В Швеции мужчину обвиняют в онлайн сексуальных преступлений против 27 детей // Лента-NEWS.am. URL: <https://news.am/rus/news/420305.html> (дата обращения: 04.03.2025)

ограничительные меры в период пандемии COVID-19, так и современная геополитическая обстановка, характеризующаяся интенсификацией противоправной активности, в том числе в информационном пространстве. Вопрос безопасности в цифровой среде сегодня остается актуальным для всего мира, поскольку интернет-технологии постоянно совершенствуются и вызывают трансформацию общественных отно-

шений. В то же время в России достаточно ограниченный круг правовых средств для противодействия насилию онлайн и вредному общению в виртуальном пространстве. Поэтому необходимо разработать новые и усовершенствовать имеющиеся меры по предотвращению правонарушений в сети Интернет и со стороны правоохранительных органов, и со стороны других институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ООН и вызовы современного мира в XXI веке : коллектив. моногр. / А. Х. Абашидзе, М. А. Симонова, Р. В. Нигматуллин [и др.]. Уфа : БашГУ, 2021. 152 с.
2. Пинкевич Т. В. Международный опыт предупреждения насильственных действий, сексуальной эксплуатации и насилия над детьми в сети «Интернет» // Преступность. Общество. Безопасность : сб. науч. статей по материалам Междунар. форума и Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2023 г.). М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 242–247.
3. Боргдорф А. Е. Уголовно-правовые аспекты онлайн секстинга и груминга в эпоху цифровой среды // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2022. № 1. С. 399–404.
4. Герасимова Н. И. Детская порнография в сети «Интернет»: состояние проблемы и тенденции противодействия ей // Студенческий форум. 2023. № 25-2 (248). С. 5–7.
5. Павленко И. В., Егорова В. С. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 133–143. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).133-143](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143).
6. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федерального государства (вопросы теории государства и права) : моногр. Волгоград : Изд-во ВАГС, 2011. 168 с.
7. Авдеев Д. А. «Шерентинг» как форма нарушения права ребенка на частную жизнь: сущность и перспективы регулирования // Вестник Академии права и управления. 2022. № 4 (70). С. 5–8. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2022_4_5_8.
8. Савина Т. В., Епифанов А. Е. Организационные и правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере образования : моногр. М. : Изд-во СГУ, 2009. 161 с.
9. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал. № 4 (41). 2010. С. 39–46.
10. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.

REFERENCES

1. The UN and the challenges of the modern world in the 21st century : collective monograph / A. Kh. Abashidze, M. A. Simonova, R. V. Nigmatullin [et al.]. Ufa : Bashkir State University, 2021. 152 p. (In Russ.)
2. Pinkevich T. V. International experience in preventing violent actions, sexual exploitation and abuse of children on the Internet // Crime. Society. Security : collection of scientific articles based on the materials of the International Forum and International Scientific and Practical Conference (Moscow, 2023). Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 242–247. (In Russ.)
3. Borgdorf A. E. Criminal-legal aspects of online sexting and grooming in the digital era // Intellectual resources are for regional development. 2022. No. 1. P. 399–404. (In Russ.)

4. Gerasimova N. I. Child pornography on the Internet: the state of the problem and trends in counteracting it // Student forum. 2023. No. 25-2 (248). P. 5–7. (In Russ.)
5. Pavlenko I. V., Egorova V. S. Online child pornography: problem overview and global trends in counteraction // Russian journal of criminology. 2021. Vol. 15, no. 1. P. 133–143. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).133–143](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143). (In Russ.)
6. Epifanov A. E., Baev R. R., Dzhumagulov A. S. Federal interference as an institution of a federal state (issues of the theory of state and law) : monograph. Volgograd : VAGS Publishing House, 2011. 168 p. (In Russ.)
7. Avdeev D.A. “Sharenting” as a form of violation of a child’s right to privacy: the essence and prospects of regulation // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. No. 4 (70). P. 5–8. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2022_4_5_8. (In Russ.)
8. Savina T. V., Epifanov A. E. Organizational and legal bases of the activities of local government bodies in the field of education : monograph. Moscow: Modern University for the Humanities Press, 2009. 161 p. (In Russ.)
9. Epifanov A. E., Panchenko A. V. Legal nature of the mechanism for ensuring personal security of citizens // New legal thought. Scientific and analytical journal. No. 4 (41). 2010. P. 39–46. (In Russ.)
10. Epifanov A. E. To the question of bridging gaps and conflicts of existing legislation in the law enforcement process // Paradigms of management, economics and law. 2020. No. 2. P. 153–162. (In Russ.)

Информация об авторе:

Епифанов А. Е. – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Epifanov A. E. – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Зарина Ирековна Харисова*Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459***ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПОИСКА, АНАЛИЗА
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЛГОРИТМОВ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Аннотация. Криминалистика как наука, изучающая закономерности механизма преступления и возникновения информации о нем, в условиях всеобщей цифровизации и интеллектуализации приобретает новые исследовательские и практико-ориентированные возможности. Технологии искусственного интеллекта при этом представляют собой дополнительный инструмент, интегрируемый в систему криминалистических средств. В статье представлена возможность оптимизации процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием подхода алгоритмизации, что предусматривает разработку новых программных технико-криминалистических средств. На примере преступлений в сфере компьютерной информации показана целесообразность внедрения интеллектуальных систем в криминалистику, что обусловлено необходимостью выявления закономерных связей между элементами криминалистической характеристики преступных деяний, анализа больших массивов данных в цифровом виде, выявления шаблонов преступной активности и оперативного принятия решений в условиях неопределенности.

Ключевые слова: цифровые доказательства, криминалистический алгоритм, расследование преступлений, алгоритмы расследования, цифровая криминалистика, искусственный интеллект, технико-криминалистическое средство, преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступления, криминалистика 5.0

Для цитирования: Харисова З. И. Оптимизация процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием алгоритмов искусственного интеллекта // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 60–69.

Original article

Zarina I. Kharisova*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459***OPTIMIZATION OF THE SEARCH, ANALYSIS AND INTERPRETATION
PROCESSES OF DIGITAL EVIDENCE
BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS**

Abstract. Criminalistics as a science that studies the mechanism of crime and the emergence of information about it, in the context of universal digitalization and intellectualization, acquires new research and practice-oriented opportunities. At the same time, artificial intelligence technologies are an additional tool integrated into the system of forensic means. The article presents the possibility of optimizing the process of searching, analyzing and interpreting digital evidence using an algorithmic approach, which leads to the development of software technical and forensic tools. The example of crimes in the field of computer information shows the feasibility of introducing intelligent systems into criminalistics, which is due to the need to identi-

fy natural relationships between elements of the criminalistics characteristics of criminal acts, analyze large amounts of data in digital form, identify patterns of criminal activity and prompt decision-making in conditions of uncertainty.

Keywords: digital evidence, criminalistics algorithm, crime investigation, investigation algorithms, digital forensics, artificial intelligence, forensic technology, computer crime, cybercrime, forensics 5.0

For citation: Kharisova Z. I. Optimization of the search, analysis and interpretation processes of digital evidence based on artificial intelligence algorithms // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 60–69. (In Russ.)

Введение

Четвертый этап развития криминалистики (криминалистика 4.0)¹ тесно связан с интеграцией информационных технологий и подразумевает цифровизацию технико-криминалистических средств (далее – ТКС) в целях раскрытия и расследования преступлений, в частности, совершаемых с использованием технических средств в цифровой среде [1, с. 52], что соответствует довольно значимым на сегодняшний день научно-исследовательским приоритетам в области уголовно-правовых наук. Формирование информации о противоправном деянии, в частности о следах преступной активности, выступает системообразующим элементом, опосредующим взаимосвязь между криминальной и процессуально-познавательной деятельностью. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений рассматривается криминалистикой как процесс трансформации криминальной информации в доказательственную посредством поиска доказательств, их исследования и дальнейшей оценки, что часто возможно унифицировать путем разработки различных алгоритмов действий. Проведенный библиографический поиск с учетом морфологии слов свидетельствует о широкой распространенности подхода алгоритмизации процесса расследования преступлений. Так, расширенный поиск с использованием ключевых слов, операторов поиска и ранжирования результатов в международной библиографической базе данных Google Scholar, индексирующей научные работы из различных источников, включая академические издательства, репозитории и прочие

источники, по фразе «алгоритм* расслед* преступлен*» выдает более 16 тыс. наименований научных изданий на русском языке и более 21 тыс. результатов по фразе crim* investigat* algorithm* на английском. Поиск с учетом морфологии в российской научной электронной библиотеке, интегрированной с Российским индексом научного цитирования eLibrary, по вышеуказанным фразам предоставляет более 29 тыс. результатов на русском языке и более 2 тыс. источников на английском языке соответственно, при этом унификация процессуальных действий в большей степени ориентирована на работу с доказательствами.

По этой причине важно выявить перспективные методы поиска, анализа и интерпретации одних из наиболее типичных на сегодняшний день и трудно обнаруживаемых следов преступлений в виде цифровых доказательств, интегрируя в эти процессы подход алгоритмизации.

Методы

В процессе исследования использовалась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), общенаучных (анализ, синтез), частнонаучных и специальных методов (кибернетический, формально-юридический, сравнительно-правовой), что позволило выявить направление оптимизации процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств на основе алгоритмов искусственного интеллекта.

Результаты

Одним из важнейших элементов механизма совершения преступления является способ, значимость выявления которого об-

¹ Нестеров А. В. Виртуальные следы в криминалистике : учеб. М. : КноРус, 2024. С. 52.

условлена необходимостью установления следовой картины. Данный элемент криминалистической характеристики преступного деяния весьма специфичен, поскольку в условиях повсеместной цифровизации, помимо традиционных криминалистических следов, все чаще необходимо выявлять цифровые (электронные) следы. Свойство отражения, присущее всем видам и формам материи, заключается в том, что каждый объект материального мира в процессе взаимодействия с окружающей средой подвергается воздействию внешних факторов. Известно, что отражение присутствует всегда, когда происходит взаимодействие двух и более материальных объектов – объектов следообразования. Поэтому основой для распознавания способа совершения преступления часто служит следовая картина в виде материальных цифровых следов [2, с. 2], механизм следообразования которых является электронным или электромагнитным. Указанные цифровые следы возможно идентифицировать исключительно с использованием ТКС, специально разработанных, приспособленных или заимствованных из смежных криминалистике наук, с целью обнаружения, фиксации, изъятия или исследования доказательств либо для предотвращения преступлений.

Применение того или иного ТКС определяет технико-криминалистический и тактико-криминалистический (тактический) приемы. Криминалистическая методика, в свою очередь, объединяет положения криминалистической техники и криминалистической тактики применительно к конкретным условиям или задачам расследования определенного вида преступления и содержит систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений [3, с. 6]. ТКС в совокупности с приемами криминалистической техники и тактики аккумулируются в криминалистической методике в соответствии с особенностями расследования конкретного вида преступного деяния. Соответственно, для решения той или иной

криминалистической задачи выбирается наиболее эффективное ТКС [4, с. 360], позволяющее достигнуть наилучших результатов расследования в оптимальные сроки, что соотносимо с основными специальными задачами науки криминалистики. К числу ее дополнительных специальных задач также относят: привлечение данных естественных и технических наук в целях оптимизации научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений; совершенствование имеющихся ТКС и применяемых тактических приемов, методических рекомендаций; анализ практики с целью выявления потребностей в новых ТКС, а также установления степени надежности и перспективности тех, которые были ранее рекомендованы к внедрению.

Одна из групп закономерностей, составляющих предмет криминалистики, связана с собиранием, исследованием, оценкой и использованием доказательств. Собираание доказательств осуществляется с применением тех или иных методов и способов их обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения, что является серьезной проблемой, особенно при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Обнаружение представляет процесс отыскания криминалистически значимой информации, имеющей отношение к расследованию конкретного преступления. Фиксация предполагает процесс закрепления в установленном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядке обнаружения сведений и подразделяется на основные (в виде протоколирования или, например, создания скриншотов, видеозаписей) и факультативные (в виде составления схем, изготовления копий, слепков и пр.) способы. Изъятие доказательств связано с извлечением носителей информации, при этом под ее сохранением понимают процесс принятия мер по обеспечению целостности и последующей доступности собранных доказательств в первоначальном виде, например, для повторного исследования. Исследование и оценка (анализ) доказательств подразумевают их проверку

с целью выяснения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Наконец, использование полученных доказательств предполагает процесс проверки изначально выдвинутых версий по расследуемому делу и применения всех собранных фактов.

Не менее важной частью предмета криминалистики являются непосредственно методы и средства раскрытия и расследования преступлений, исследования доказательств по делам, а также вопросы профилактики преступных деяний. Для криминалистического исследования технических средств, информационных систем и компьютерной информации необходим комплекс знаний, сформированный на базе теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [5, с. 35]. Предметом входящего в указанную теорию учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем является система закономерностей собирания криминалистически значимой компьютерной информации, анализ которой предполагает разработку технико-криминалистических методов и средств, а также методик и приемов обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения цифровых доказательств. Следует отметить, что криминалистическая техника, как раздел науки, представлена прежде всего системой знаний о закономерностях объективной действительности, составляющих научную основу разработки ТКС, приемов и методов, предназначенных для использования в раскрытии и расследовании преступлений¹. Развитие информационных технологий постоянно опережает развитие правовых рамок, создавая разрыв между возможностями преступников и инструментами, доступными правоохранительным органам. Этот диссонанс подчеркивает необходимость адаптации правовых механизмов к динамической природе киберугроз [6, с. 208], а сложность идентификации преступников и собирания

доказательственной базы требует совершенствования криминалистических методов и средств расследования, что, в свою очередь, сонаправлено наиболее актуальным на сегодняшний день научно-исследовательским приоритетам в области криминалистики², а именно:

1) разработке и своевременной модернизации ТКС, тактических приемов и методологических алгоритмов поиска, фиксации и анализа криминалистически значимой информации;

2) оптимизации ТКС, соответствующих новым методам расследования и предотвращения преступной деятельности;

3) развитию общих и частных криминалистических теорий как теоретико-методологической базы формирования системы ТКС и методов судебного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассмотренные выше категории составляют ключевые элементы упрощенной модели последовательности этапов расследования преступления, которую можно идентифицировать как каскадную модель жизненного цикла программного обеспечения [7, с. 14], заимствованную из методологии создания информационных систем, включающей их планирование, разработку, тестирование и развертку (от англ. *software development life cycle* [8, с. 356] – жизненный цикл разработки программного обеспечения) (рис.).

Так, в рассматриваемой модели способ совершения преступления, как исходный вектор, влияет на тип оставляемых цифровых следов. Цифровые следы, в свою очередь, обнаруживаются использованием ТКС, которые определяют методику расследования, алгоритм действий для поиска и собирания доказательств и их дальнейшей юридической интерпретации. Модель представленного вида является динамичной, элементы ее находятся в тесной взаимосвязи. Изменение исходного вектора в виде спосо-

¹ Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. Криминалистика : учеб. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2015. С. 115.

² Криминалистика : учеб. / Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, Р. С. Белкин, Е. Г. Корухов. М. : Норма, 2023. С. 66.

Рис. Упрощенная модель последовательности этапов расследования преступления (на примере преступления в сфере компьютерной информации)

ба совершения преступления должно закономерно влиять на все последующие этапы, обеспечивая их непрерывное совершенствование.

Преступления в сфере компьютерной информации, в отличие от традиционных форм преступных деяний, совершаются с использованием технических средств и различных информационно-телекоммуникационных технологий, что формирует трудно поддающуюся для криминалистического исследования цифровую среду. По этой причине расследование рассматриваемых в качестве примера преступлений (совершаемых в сфере компьютерной информации) в большей степени требует применения методов и средств, сформированных на базе информационных технологий (аналогичных по своей природе инструментам, используемым злоумышленниками).

Как подотрасль криминалистической науки (условно – род судебных экспертиз), цифровая криминалистика базируется на поиске, фиксации, собирании, анализе и интерпретации цифровых доказательств, которые осуществляются с использованием ТКС в виде программного обеспечения, что позволяет сохранить целостность следовой картины, точность и воспроизводимость результатов исследований криминалистически значимой информации. По этой причине це-

лесообразно дальнейшее рассмотрение особенностей расследования преступлений с использованием программного обеспечения, что позволит в дальнейшем сформировать концептуальные основы криминалистического исследования цифровой информации, способствующие решению имеющихся в настоящее время проблем в деятельности по поиску цифровых доказательств.

Рассмотрение теоретических и методологических основ создания и использования типовых моделей преступной деятельности, выявление присущих ей закономерностей, а также практика ее типизации и моделирования послужили импульсом для новых криминалистических разработок, объектом изучения которых стал метод моделирования, что создало предпосылки формирования и развития метода ситуационного подхода к расследованию преступлений (теории криминалистической ситуалогии) [9, с. 18]. Однако отказ от универсализации схем расследования для всех категорий преступлений обуславливает необходимость разработки частных криминалистических методик, ориентированных на типовые следственные ситуации, характерные для конкретных видов и моделей преступных деяний, и предусматривающих дифференцированные подходы к организации их расследования. Соответственно, любая частная криминали-

стическая методика может быть представлена набором криминалистических алгоритмов (программ) расследования [10, с. 164] и моделей, формализованных на основе современных подходов к обработке данных.

Несмотря на то, что работа по систематизации и типологизации следственных ситуаций проводится давно, на сегодняшний день отчетливо прослеживается их принципиальная значимость для построения эффективных программных ТКС, однако в полной мере ресурс их не воплощен. Обусловлено это необходимостью реализации сложных динамичных (самообучающихся) алгоритмов расследования, что возможно лишь на основе технологий искусственного интеллекта (машинного обучения), в основу которых заложены математические методы (математический анализ, линейная алгебра и матричные вычисления, теория вероятностей и математической статистики, численные методы оптимизации, теория графов, логика и алгоритмы и пр.).

В настоящее время при расследовании различных преступлений могут применяться алгоритмы с жестко детерминированными предписаниями¹ в виде методик расследования (методических рекомендаций), однако в условиях неочевидности следственной версии или принимаемого решения целесообразнее применять криминалистические алгоритмы эвристического типа, которые допускают в рамках системы предписаний

автоматизированный или автоматический поиск оптимальных путей², в частности на основе искусственного интеллекта³, оценку предпринятых действий и их корректировку при необходимости⁴.

Комплекс алгоритмических решений на основе интеллектуальных технологий включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, использующее методы машинного обучения, а также процессы и сервисы, обеспечивающие обработку данных и выбор оптимальных решений. Следует отметить, что к искусственному интеллекту в широком понимании относят технологии компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, возможности интеллектуальной поддержки принятия решений, а также иные перспективные методы.

Одним из наиболее значимых направлений использования искусственного интеллекта в криминалистике является установление закономерных связей между элементами криминалистической характеристики преступления, что позволяет выявлять причинно-следственные и вероятностные связи между обстоятельствами преступных деяний, формулировать частные криминалистические версии, в том числе версии о распространенности (серийности) преступлений, идентифицировать лиц, потенциально причастных к преступной деятельности, и пр.

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020610510 Российская Федерация. БАЗИС – базовый анализ защищенности информационных систем : № 2019666679 : заявл. 17.12.2019 : опублик. 15.01.2020 / З. И. Харисова ; заявитель ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

² Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024661188 Российская Федерация. Blockchain analytics [аналитика блокчейна] – расследование преступлений, связанных с использованием криптовалют и сети блокчейн : № 2024619990 : заявл. 06.05.2024 : опублик. 16.05.2024 / З. И. Харисова, Э. Д. Нугаева, А. С. Ишмеева ; заявитель ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

³ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023667481 Российская Федерация. BIOSCAN – Интеллектуальная система распознавания биометрических данных на основе машинного обучения (ML), компьютерного зрения (CV) и искусственного интеллекта (AI) : № 2023666662: заявл. 08.08.2023 : опублик. 15.08.2023 / З. И. Харисова, Э. Д. Нугаева ; заявитель ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁴ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022611631 Российская Федерация. Система мониторинга киберинцидентов Local SIEM : № 2022610610 : заявл. 19.01.2022 : опублик. 28.01.2022 / З. И. Харисова, В. В. Антонов, А. И. Рафиков ; заявитель ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет».

Наиболее перспективными в этой сфере представляются анализ и интерпретация цифровых доказательств. Следует также отметить наличие структурных и технических ограничений, связанных с фрагментацией существующих информационных ресурсов. На текущий момент базы данных различных ведомств являются несогласованными, разобщенными, что затрудняет доступ следователей и оперативных сотрудников к информации. Это закономерно приводит к мысли о необходимости разработки единой криминалистической информационной платформы с унифицированными протоколами доступа и возможностью интеллектуального анализа цифровых данных.

В качестве подтверждения важности применения искусственного интеллекта в криминалистике необходимо отметить исследование, проведенное Научно-исследовательским институтом криминалистики Следственного комитета Российской Федерации. Интеллектуальный анализ более 1000 уголовных дел о серийных преступлениях сексуального характера, совершенных 186 преступниками, позволил построить цифровые криминалистические модели серийных преступников, включающие 27 личностных признаков, географические координаты мест совершения преступлений, жительства преступника и потерпевшего, время совершения преступления, используемые средства совершения преступления и возраст потерпевших [11, с. 98]. Применение методов математической статистики и анализа данных на основе нейросетевых алгоритмов обеспечило точность прогнозирования на уровне 92–98 %, что свидетельствует о высокой криминалистической значимости примененных подходов.

При рассмотрении направлений повышения эффективности расследования преступлений с задействованием технологий искусственного интеллекта, в частности, для обработки цифровых доказательств представляется вполне целесообразным выделение видовых криминалистических характеристик. Именно методы искусственного

интеллекта могут позволить провести тщательный корреляционный анализ цифровых данных, обеспечивая устранение ложных корреляций и составление корреляционных таблиц, отображающих коэффициенты взаимосвязанности между различными переменными анализа (элементами криминалистической характеристики преступления). Основой большинства выводов, формируемых искусственным интеллектом, могут являться закономерные связи, выявляемые между элементами криминалистической характеристики преступления. Однако в рамках этих закономерностей могут встречаться исключения и отклонения от типичных случаев. Преимуществом интеллектуальных систем является способность обрабатывать и учитывать такого рода отклонения, обучаясь на них, что позволяет выходить за рамки стереотипных представлений о взаимосвязях между элементами криминалистической характеристики и формировать новые структуры криминалистического знания, опираясь на вероятность, а не только на повторяемость.

Применение искусственного интеллекта также способствует развитию частных криминалистических теорий. Интеграция интеллектуальных технологий в указанные теории способствует расширению методологической базы криминалистики, трансформации ее понятийного аппарата и практических методик. Отсюда следует, что интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику становится не просто желательной, но и объективно необходимой.

В связи с ростом объемов данных, связанных с киберпреступлениями, важным аспектом становится использование методов машинного обучения для анализа больших данных, выявления шаблонов преступной активности и оперативного принятия решений в условиях неопределенности. На сегодняшний день при расследовании преступлений традиционных средств и методов управления данными для реализации полноценного анализа формируемых больших массивов цифровых доказательств явно недостаточно.

Для решения указанной проблемы также возможно использование технологий искусственного интеллекта. Поскольку методы и способы совершения преступлений постоянно меняются, анализ, основанный на жестких алгоритмах, становится неприменим. Интеллектуальные технологии и машинное обучение, напротив, позволяют анализировать цифровые данные в режиме реального времени с возможностью выдачи решения по поставленной задаче с гибкой адаптацией к систематически изменяющимся характеристикам массивов информации.

Однако, наравне с преимуществами, существуют риски использования искусственного интеллекта в противодействии киберпреступности, связанные с предвзятым принятием решений. По этой причине в обязательном порядке необходимо использование технологий объяснимого искусственного интеллекта, то есть ХАИ-систем (от англ. explainable artificial intelligence (ХАИ) – объяснимый искусственный интеллект) [12, с. 13], обеспечивающих создание систем, способных объяснять свои действия и принимать решения понятным для человека образом. Обеспечить анализ больших массивов разнородных цифровых данных также можно лишь с применением методов искусственного интеллекта. Например, известны методы семантического анализа больших языковых моделей (от англ. large language model – большая языковая модель) для интерпретации смысла текста, учета

контекста и генерации контекстно-адекватных ответов; разработаны алгоритмы мультимодальных нейросетей и ХАИ-систем для обработки естественного языка и распознавания контекстуальных связей и пр.

Заключение

Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта в целях поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств представляет собой перспективное направление, способствующее развитию криминалистической науки и совершенствованию правоохранительной деятельности в целом. Оно отражает переход к новой парадигме криминалистического мышления, основанной на цифровом моделировании и интеллектуальном анализе данных.

Предлагаемый подход интеллектуализации криминалистических исследований соответствует направлению развития Индустрии 5.0 [13, с. 2] в свете формирования цифровых моделей объектов, явлений или процессов, прогнозирования и принятия решений на основе искусственного интеллекта, создания коллаборативных интеллектуальных роботизированных решений, способствующих взаимодействию человека с техникой, на основе технологий компьютерного зрения, машинного обучения и интеграции больших языковых моделей. По этой причине подход к направлениям противодействия современной преступности можно по аналогии именовать подходом «Криминалистика 5.0».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волчецкая Т. С. Развитие языка криминалистики в условиях цифровизации // Высокотехнологичное право: современные вызовы : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва – Красноярск, 17–20 февр. 2023 г.). Красноярск : КГАУ, 2023. С. 51–56.
2. Россинская Е. Р. Особенности оценки и использования в доказывании результатов судебных экспертиз в условиях цифровизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 3–8.
3. Баев О. Я. Избранные работы. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. Т. 2. 432 с.
4. Josang A. Cyber organizational structures and regulation // Cybersecurity. Cham : Springer, 2025. P. 355–375. https://doi.org/10.1007/978-3-031-68483-8_17.
5. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 27–40.

6. Amoo O. O., Atadoga A., Abrahams T. O. The legal landscape of cybercrime: A review of contemporary issues in the criminal justice system // *World journal of advanced research and reviews*. 2024. V. 21. P. 205–217.
7. Зараменских Е. П. Управление жизненным циклом информационных систем : моногр. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2014. 270 с.
8. Benington H. D. Production of large computer programs // *Annals of the history of computing*. 1983. V. 5 (4). P. 350–361.
9. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : моногр. М. ; Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. 248 с.
10. Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 2. С. 155–172.
11. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2022. № 1. С. 94–100. <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.94-100>.
12. Sarker I. H. *AI-Driven cybersecurity and threat intelligence: cyber automation, intelligent decision-making and explainability*. Perth : Edith Cowan University (Springer Nature), 2024. 207 p.
13. *Industry 5.0 : Towards a sustainable, human-centric and resilient European industry : an analytical review*. Luxembourg : European Commission, 2021. 48 p.

REFERENCES

1. Volchetskaya T. S. Development of the language of criminalistics in conditions of digitalization // *High-tech law: modern challenges: collection of materials of the 4th International scientific and practical conference (Moscow – Krasnoyarsk, February 17–20, 2023)*. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University, 2023. P. 51–56. (In Russ.)
2. Rossinskaya E. R. Features of evaluation and use in proving the results of forensic examinations in the context of digitalization // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 3. P. 3–8. (In Russ.)
3. Baev O. Ya. *Selected works*. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2011. Vol. 2. 432 p.
4. Josang A. Cyber organizational structures and regulation // *Cybersecurity*. Cham : Springer, 2025. P. 355–375. https://doi.org/10.1007/978-3-031-68483-8_17.
5. Rossinskaya E. R. Theory of information and computer support for forensic expert activities as a new private theory of forensic expertology // *Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2022. No. 2 (90). P. 27–40. (In Russ.)
6. Amoo O. O., Atadoga A., Abrahams T. O. The legal landscape of cybercrime: a review of contemporary issues in the criminal justice system // *World journal of advanced research and reviews*. 2024. Vol. 21. P. 205–217.
7. Zaramenskikh E. P. *Information systems life cycle management : monograph*. Novosibirsk : Center for the Development of Scientific Cooperation, 2014. 270 p. (In Russ.)
8. Benington H. D. Production of large computer programs // *Annals of the history of computing*. 1983. Vol. 5 (4). P. 350–361. (In Eng.)
9. Volchetskaya T. S. *Forensic situationology : monograph*. Moscow : Kaliningrad University, 1997. 248 p. (In Russ.)
10. Shatalov A. S. Algorithmization and programming of investigation in the criminalistics methodology // *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2017. No. 2. P. 155–172. (In Russ.)
11. Bessonov A. A. Modern information technologies in the service of investigation // *Siberian criminal procedure and criminalistic readings*. 2022. No. 1. P. 94–100. <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.94-100> (In Russ.)
12. Sarker I. H. *AI-Driven cybersecurity and threat intelligence: cyber automation, intelligent decision-making and explainability*. Perth : Edith Cowan University (Springer Nature), 2024. 207 p.
13. *Industry 5.0 : Towards a sustainable, human-centric and resilient European industry : an analytical review*. Luxembourg : European Commission, 2021. 48 p.

Информация об авторе:

Харисова З. И. – кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Kharisova Z. I. – Candidate of Technology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.71(470)

Сергей Анатольевич Черняков
*Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород,
Россия, sache2009@yandex.ru*

ХИЩЕНИЕ ПОХИЩЕННОГО. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация. Настоящая работа посвящена теоретико-прикладной проблеме квалификации деяний, связанных с корыстным, противоправным, безвозмездным изъятием имущества у владельца, обладающего таким имуществом не на законных основаниях и не являющегося собственником. Анализ научной юридической литературы показывает отсутствие единой теоретической позиции относительно уголовно-правовой характеристики таких деяний. В результате проведенного контент-анализа общедоступных баз данных, содержащих судебные акты и судебные решения, обнаружить какую-либо судебную практику принятия решений по указанным фактам не удалось. Эмпирические данные свидетельствуют о распространенности таких деяний в криминальной среде, однако они не находят какой-либо юридической оценки со стороны правоохранительных органов. Автор рассматривает различные научные позиции относительно этой проблемы, описывает результаты проведенного исследования правоприменительной практики и делает заключение о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: хищение, кража, иной владелец, имущество, ущерб, квалификация, состав преступления

Для цитирования: Черняков С. А. Хищение похищенного. Дискуссионные вопросы уголовно-правовой характеристики // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 70–75.

Original article

Sergey A. Chernyakov
*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia, sache2009@yandex.ru*

THEFT OF STOLEN GOODS. CONTROVERSIAL ISSUES OF CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

Abstract. This work is devoted to the theoretical and applied problem of the qualification of acts related to the mercenary, illegal, gratuitous seizure of property from the owner, who does not legally possess such property and is not the owner. The analysis of the scientific legal literature shows the lack of a unified theoretical position on the criminal law characteristics of such acts. As a result of the content analysis of publicly available databases containing judicial acts and court decisions, it was not possible to find any judicial practice of making decisions on these facts. Empirical evidence indicates the prevalence of such acts in the criminal environment, but they do not find any legal assessment by law enforcement agencies. The author considers various scientific positions on this issue, describes the results of the conducted research on law enforcement practice and concludes that it is necessary to amend criminal legislation.

Keywords: theft, stealing, other owner, property, damage, qualification, corpus delicti

For citation: Chernyakov S. A. Theft of stolen goods. Controversial issues of criminal law characteristics // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 70–75. (In Russ.)

© Черняков С. А., 2025

Введение

Ретроспективный анализ позволяет сделать вывод о том, что имущественные права – один из наиболее древних и устойчивых видов правоотношений. Право собственности всегда являлось приоритетным объектом охраны гражданских прав. На сегодняшний день на самом высоком законодательном уровне закреплена государственная охрана права собственности¹. Одним из наиболее эффективных и актуальных законодательных направлений охраны имущественных правоотношений остается уголовно-правовой запрет и уголовно-правовая репрессия за его нарушение. Нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений против собственности, размещены в главе 21 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) и справедливо имеют репутацию наименее дискуссионных и коллизионных уголовно-правовых норм [1, с. 107]. Это связано также с особым вниманием теоретиков и практиков к фундаментальному социальному благу – материальному. Данной проблеме посвящены сотни научных статей и десятки монографических исследований [2, с. 102]. Однако анализ показывает, что в теории и практике применения норм, касающихся вопросов уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности, остается немало дискуссионных вопросов. Так, по-прежнему не достигнуто единство научной позиции, нет разъяснения Верховного Суда Российской Федерации относительно некоторых признаков предмета совершения хищения. В частности, представляется уместным продолжение научного осмысления некоторых юридических свойств имущественных ценностей, изымаемых действиями, формально соответствующими по признакам объективной стороны хищению, у незаконных владельцев. По сути, это хищение похищен-

ного. Для такого осмысления необходим анализ сущности и содержания терминов, определяющих юридические свойства имущественных ценностей.

Методы

В ходе исследования автор применил общенаучные методы познания – диалектический метод, который обеспечил комплексный анализ вопросов, касающихся проведенного исследования, позволяющий рассматривать объекты в собственном значении; интегративную методiku, включающую в себя специально-юридические методы исследования: абстрагирования и идеализации, системного анализа, социологический метод, а также метод теоретического моделирования уголовно-правовой охраны.

Результаты

Согласно гражданско-правовому законодательству собственность предполагает триединство правомочий – владение, пользование, распоряжение имуществом³. Проблема же уголовно-правовой охраны права собственности, с нашей точки зрения, заключается в наличии охраняемых имущественных прав, возникающих не только у собственников, но и у иных владельцев имущества. Если юридический механизм возникновения права собственности детально регламентирован законодательством и статус собственника имущества нормативно определен, то термины «владелец» или «иной владелец» не являются нормативными.

Собирательное значение термина «владелец» можно обнаружить в некоторых научных исследованиях. Так, Е. В. Васьковский утверждает, что «владелец (в праве), лицо, обладающее каким-либо имуществом, т. е. осуществляющее фактическое господство над ним и имеющее намерение обращаться с указанным имуществом как своим собственным»⁴. Исходя из такого понимания сущности владения, лицо, совершившее хищение какого-либо имущества, не становится его

¹ Статья 35 Конституции Российской Федерации.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Статья 209 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁴ Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М. : Бартолиус ; Статут, 2016. С. 117.

собственником (право собственности на незаконно изъятую вещь не утрачивается и не изменяется [3, с. 45; 4, с. 24]), но является иным (относительно собственника) владельцем этого имущества, а значит, в случае его очередного хищения такому лицу причиняется предусмотренный признаками хищения ущерб.

Гипотетически право устанавливает, регулирует и охраняет правомерное поведение и производные от него интересы и ценности. Философия права также утверждает, что основное предназначение права связывается с обретением общего блага [5, с. 20]. В такой парадигме возможность причинения ущерба владельцу путем изъятия у него имущества, незаконно им приобретенного, вызывает правовой диссонанс и научную дискуссию.

Ряд ученых придерживаются точки зрения о наличии состава преступления, совершенного одним из способов хищения ранее похищенного имущества у лица, его похитившего. Они аргументируют свою позицию различными утверждениями. Одно из них, схожее с формулировкой нашего предыдущего тезиса, основывается на том, что владение – это фактическое обладание вещью, сочетающееся с возможностью распоряжаться им как собственным, поэтому уголовный закон должен охранять любое владение, как сформировавшееся на законных основаниях, так и на противоправных [6, с. 140]. Такое утверждение представляется максимально убедительным, поскольку грамматическое толкование примечания 1 к ст. 158 УК РФ не определяет иного владельца, которому причиняется ущерб от совершенного хищения, как владельца имущества, владеющего им на законных основаниях.

Иная точка зрения в пользу рассматриваемой научной позиции связана с приоритетом защиты законом публичных интересов над частными. В данном случае уголовный закон в первую очередь охраняет общество

от опасных тенденций развития представлений о возможности расширения своих вещных прав (обогащения) за счет неправомерного завладения чужим имуществом [7, с. 19]. С такими доводами можно не согласиться, поскольку здесь речь идет об общественной опасности, которая, являясь одним из признаков преступления, заключается в «способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам»¹, то есть рассуждать об общественной опасности в условиях неопределенности формулировки объекта преступления² преждевременно, а поэтому нецелесообразно. При том, что некоторые научные исследователи делают вывод об отсутствии объекта уголовно-правовой охраны имущественных интересов, основанных на противоправном завладении этим имуществом [8, с. 52].

Для того чтобы устранить сомнения по поводу состоятельности последней позиции, необходимо учесть еще одно научное понимание общественной опасности (как основы криминализации деяния [9, с. 18]): «Преступление – это конфликт между человеком и обществом. Общество представлено в этом конфликте общественными отношениями»³, как только интересы преступника посягают или негативно затрагивают интересы членов общества, продуцирующих общепринятое должное (правомерное) поведение, можно говорить об опасности обществу [10, с. 128]. Н. А. Лопашенко, комментируя такое научное понимание, указывает на то, что «общественная опасность преступления предполагает, что оно сотрясает основы общества, подрывает условия его существования» [10, с. 134]. Принимая во внимание такое понимание общественной опасности, невозможно предположить, что члены общества, продуцирующие общепринятое должное (правомерное) поведение, увидят

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. С. 118.

² В нашем случае неопределенность связана с вопросом, является ли предметом хищения (обязательный в этом случае факультативный признак объекта) ранее похищенное имущество.

³ Прохоров В. С. Понятие преступления и классификация преступлений // Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 79.

для себя опасность, способную потрясти основы их социальной среды, подорвать условия ее существования, исходящую из отношений (разборок) представителей уголовного мира, где одним преступником причиняется ущерб противоправным интересам другого преступника.

В этом же контексте можно рассмотреть суждение А. И. Бойцова: «Общественная опасность преступлений против собственности определяется не только тем, что нарушаются условия, обеспечивающие любому гражданину возможность владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, но и тем, что виновный приобретает имущество противоправным путем, ставит себя на место собственника, игнорируя принцип распределения благ, нарушает общие условия функционирования отношений собственности, т. е. незаконно (паразитически) обогащается» [11, с. 197]. В случае совершения хищения материальных ценностей у лица, их похитивших, преступник не может поставить себя на место собственника, поскольку право собственности на имущество неизменно остается за собственником, независимо от того, сколько раз его похитили [12, с. 32]. К тому же преступник, похитивший имущество у лица, владеющего им незаконно, никоим образом не вступает с потерпевшим собственником этого имущества в какие-либо отношения. Также преступник не нарушает общих условий функционирования отношений собственности, поскольку такие условия функционируют в «правовом поле», детально регламентированном прежде всего гражданско-правовым законодательством, которое преступник не затрагивает. Таким образом, можно предположить, что в деянии, которым похищается похищенное, отсутствует общественная опасность, достаточная для его криминализации.

Еще одна точка зрения, высказанная Г. А. Кригером в пользу необходимости усматривать причинение ущерба собственнику при хищении похищенного, где ученый утверждает, что «ущерб причиняется как бы совокупными действиями обоих правонарушителей, в результате чего осложняется

возможность возвращения имущества» [13, с. 47], также представляется нам несостоятельной. Ущерб в уголовном праве связан с потерей собственником материального блага в виде конкретного имущества, точно сопоставимого с денежным эквивалентом. Проще говоря, собственник становится беднее на определенную денежной суммой меру его благосостояния. Однако очевидно, что последующая смена фактических владельцев похищенного имущества никаким образом не отражается на благосостоянии потерпевшего – законного собственника. Здесь также необходимо говорить о том, что ущерб – это фактически наступившее объективное состояние, которое не изменяется от сложности или простоты установления похищенного имущества, а изменяется только в результате фактического его возврата потерпевшему собственнику или его компенсации в любой материальной форме.

Отдельные ученые придерживаются четкой позиции неприемлемости суждений о возможности причинения ущерба лицу посредством хищения у него имущества, которым он завладел преступно. По мнению Н. А. Лопашенко, необходимо учитывать разницу между посягательством на собственность и посягательством на имущественные права незаконного приобретателя. Поскольку указанные имущественные права носят незаконный характер, уголовный закон не может их защищать [14, с. 51].

В. А. Владимиров, размышляя над проблемными вопросами квалификации похищений личного имущества, утверждает, что при обстоятельствах, которые составляют предмет нашего исследования, ущерб причиняется интересам лица, которые не только не соответствуют закону, но и противоречат ему [12, с. 16].

Позиция Н. А. Лопашенко и В. А. Владимирова, в свою очередь, представляется социально оправданной, поскольку, как мы указывали ранее, правопослушные члены общества, которые составляют несомненное большинство, с высокой долей вероятности не будут обеспокоены необходимостью защиты интересов преступников.

Таким образом, можно утверждать, что в научной юридической литературе нет единой позиции относительно уголовно-правовой характеристики предмета хищения, ранее похищенного. Для разрешения этой неоднозначной ситуации мы обратились к правоприменительной следственно-судебной практике, поскольку, как отмечает И. Б. Новицкий, в случае затруднения применения норм права, толкования, конкретизации и разрешения однородных вопросов в связи с наличием коллизий и пробелов в законодательстве принятие решения используется в дальнейшем в качестве убедительных примеров правильного и целесообразного толкования, конкретизации и применения юридических предписаний [15, с. 125].

В результате проведенного контент-анализа общедоступных баз данных, содержащих судебные акты и судебные решения¹, обнаружить какую-либо судебную практику принятия решений по фактам, связанным с исследуемой нами проблемой, не удалось.

В ходе опроса сотрудников уголовного розыска в качестве экспертов² было установлено, что им неизвестно о случаях возбуждения уголовных дел по факту «хищения похищенного».

Заключение

Необходимо сделать вывод о том, что на сегодняшний день не представляется возможным точно и достоверно определить наличие какого-либо состава преступления в действиях, связанных с «хищением похищенного». Основная проблема, с нашей точки зрения, заключается в «бланкетной пробельности» примечания 1 к ст. 158 УК РФ, в частности, термин «иной владелец» не является нормативным и поэтому порождает сомнения, которые, по нашему мнению, возможно устранить только путем внесения изменения в содержание этого примечания или посредством разъяснения Верховным Судом Российской Федерации в соответствующем пленуме смысла и содержания дефиниции «иной владелец».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рарог А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 2. С. 106–109.
2. Луценко Е. П. Уголовно-правовая охрана собственности или преступления против собственности в Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 6. С. 101–106.
3. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними / под ред. Жгутова В. С., Труфанова В. В. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. 203 с.
4. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1979. 200 с.
5. Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19–24.
6. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб. : Юрид. лит., 2003. 295 с.
7. Анашкин Г., Вышинская З. Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан // Советская юстиция. 1987. № 7. С. 18–20.
8. Хилюта В. В. «Хищение похищенного» или проблема правовой защиты преступного владения // Законодательство и экономика. 2009. № 1. С. 50–54.
9. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации декриминализации деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.

¹ В частности, использовался информационно-поисковый сервис SudAct.ru «Судебные и нормативные акты РФ».

² В качестве экспертов были опрошены руководители управлений УМВД России по Белгородской, Курской и Воронежской областям, а также сотрудники специализированных подразделений по борьбе с имущественными преступлениями.

10. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\)124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4)124-140).
11. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 755 с.
12. Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 208 с.
13. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 336 с.
14. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М. : ЛексЭст, 2005. 408 с.
15. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1959. 157 с.

REFERENCES

1. Rarog A. I. Gaps and Redundancies in Russian Criminal Law // Economic problems and legal practice. 2009. No. 2. P. 106–109. (In Russ.)
2. Lutsenko E. P. Criminal law protection of property or crimes against property in the Russian Federation // Education and Law. 2019. No. 6. P. 101–106. (In Russ.)
3. Sirota S. I. Crimes against socialist property and the fight against them / eds. Zhgutov V. S., Trufanov V. V. Voronezh : Voronezh University Publishing House, 1968. 203 p. (In Russ.)
4. Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I. Socialist property under the protection of the law. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1979. 200 p. (In Russ.)
5. Grafsky V. G. On unsolved difficulties in establishing an integral jurisprudence // Journal of Russian law. 2017. No. 7. P. 19–24. (In Russ.)
6. Plokhova V. I. Non-violent crimes against property: criminological and legal justification. St. Petersburg : Yuridicheskaya literatura, 2003. 295 p. (In Russ.)
7. Anashkin G., Vyshinskaya Z. Criminal-legal protection of personal property of citizens // Soviet justice. 1987. No. 7. P. 18–20. (In Russ.)
8. Khilyuta V. V. “Theft of stolen goods” or the problem of legal protection of criminal possession // Legislation and Economics. 2009. No. 1. P. 50–54. (In Russ.)
9. Prozumentov L. M. Public danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. P. 18–24. (In Russ.)
10. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V., Kovlagina D. A., Lapunin M. M., Khutov K. M. Public danger of crime: the concept and criteria of verification // Law enforcement review. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\)124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4)124-140). (In Russ.)
11. Boytsov A. I. Crimes against property. St. Petersburg : Press legal center, 2002. 755 p. (In Russ.)
12. Vladimirov V. A. Qualification of theft of personal property. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1974. 208 p. (In Russ.)
13. Krieger G. A. Qualification of theft of socialist property. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1974. 336 p. (In Russ.)
14. Lopashenko N. A. Crimes against property: theoretical and applied research. Moscow : LeksEst, 2005. 408 p. (In Russ.)
15. Novitsky I. B. Sources of Soviet civil law. Moscow : Gosyurizdat, 1959. 157 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Черняков С. А. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Chernyakov S. A. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.97:332.1(470)

Наталья Владимировна Гизатова¹, Павел Александрович Сухоплюев²

¹ *Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, natgiz@yandex.ru*

² *Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия*

ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ: МЕХАНИЗМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Тема финансовых пирамид остается актуальной в современном обществе, представляя собой серьезную угрозу для экономики и благосостояния граждан. Данная работа рассматривает механизмы функционирования финансовых пирамид, их привлекательность для инвесторов, а также последствия, которые эти схемы могут иметь для вкладчиков и всей экономической системы. Особое внимание уделяется правовым мерам, направленным на борьбу с такими мошенническими схемами, включая особенности уголовного законодательства, и роли правоохранительных органов в предупреждении и расследовании подобных преступлений. Анализируются механизмы, с помощью которых организаторы пирамид привлекают новые вложения, а также стратегии, которые могут помочь в выявлении и предотвращении их деятельности. Основной вывод заключается в необходимости комплексного подхода к повышению финансовой грамотности граждан, предупреждению о рисках, связанных с инвестициями, а также в активном сотрудничестве различных государственных и финансовых институтов в борьбе с данной проблемой.

Ключевые слова: экономика, экономическая система, финансы, финансовая пирамида, финансовая грамотность, мошенничество, инвестиции

Для цитирования: Гизатова Н. В., Сухоплюев П. А. Финансовые пирамиды: механизмы, последствия и предотвращение экономических преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 76–82.

Original article

Natalia V. Gizatova¹, Pavel A. Sukhoplyuev²

¹ *Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, natgiz@yandex.ru*

² *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia*

FINANCIAL PYRAMIDS: MECHANISMS, CONSEQUENCES AND PREVENTION OF ECONOMIC CRIMES

Abstract. The topic of pyramid schemes remains relevant in modern society, posing a serious threat to the economy and the well-being of citizens. This paper examines the functioning mechanisms of financial pyramids, their attractiveness to investors, as well as the consequences that these schemes can have for depositors and the entire economic system. Special attention is paid to legal measures aimed at combating such fraudulent schemes, including the specifics of the criminal code, and the role of law enforcement agencies in preventing and investigating such crimes. The article analyzes the mechanisms by which pyramid organizers attract new investments, as well as strategies that can help identify and prevent the activities of such schemes. The main conclusion is that there is a need for an integrated approach to educating citizens about financial literacy and

---

© Гизатова Н. В., Сухоплюев П. А., 2025

the risks associated with investments, as well as active cooperation between various government and financial institutions in combating this problem.

Keywords: economics, economic system, finance, financial pyramid, financial literacy, fraud, investments

For citation: Gizatova N. V., Sukhoplyuev P. A. Financial pyramids: mechanisms, consequences and prevention of economic crimes // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 76–82. (In Russ.)

Введение

Финансовые пирамиды несут огромную угрозу экономической системе страны. Под финансовой пирамидой понимается деятельность по получению выгоды путем привлечения вкладчиков, при этом выплаты им оплачиваются из выплат новых вкладчиков.

Деятельность финансовых пирамид приравнивается к мошеннической, так как финансовые средства не находятся в обороте страны. Вкладчики теряют свои деньги и, не получая ничего, оказываются обманутыми.

Деятельность финансовых пирамид предусматривает ответственность по ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в которой определяется мера ответственности за деятельность организации, связанную с привлечением денежных средств с целью погашения долгов по иным привлеченным средствам.

Исходя из указанного, формируется актуальность изучаемой темы, а именно определение роли полиции в борьбе с финансовыми пирамидами. В ходе исследования необходимо определить, насколько эффективно полиция ведет борьбу и какие методы при этом использует.

Методы

В работе использовались всеобщий диалектический метод познания, общенаучные подходы, такие как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные методы, включая исторический, системный, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой и др.

Результаты

Организаторы финансовых пирамид обещают вкладчикам высокие доходы при минимальных усилиях и минимальном риске. Схема работы пирамид действительно предполагает возможность увеличения дохода. Однако следует иметь в виду, что боль-

ше всех выгоду получает сам организатор, а новые вкладчики получают ее до той поры, пока не исчезнет доверие к данной схеме, так как именно в этот момент пирамида начинает рушиться и последние вкладчики остаются ни с чем. Подобные схемы направлены на работу с людьми, которые имеют низкий уровень финансовой грамотности (рис.).

Схема работы финансовых пирамид абсолютно проста. Организатор обещает вкладчикам, что при вложении определенной суммы они получают больше, при этом необходимо привлечь в компанию еще нескольких вкладчиков.

Встречаются следующие признаки финансовых пирамид: много яркой рекламы, легкая схема получения прибыли, обещание сверхприбыли без рисков, скрытая личность организатора, страхование вкладов в других странах, непонятное образование выплат, отсутствие лицензии, гарантии дохода, финансовых отчетов, четкого определения деятельности компании, компании в реестре Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России) [1; 2].

Огромный вред финансовые пирамиды наносят финансовой системе Российской Федерации, так как денежные средства фигурируют в теневой стороне экономики, а значит, они проходят мимо налогообложения, теряется доверие граждан к финансовым инструментам. Кроме того, формируется плохое отношение к органам государственной власти, ведь зачастую возникают сложности с поиском организаторов подобных пирамид, потому что их достаточно быстро закрывают, а организаторы могут находиться в любом иностранном государстве, также личность организатора вовсе может быть неизвестна [3].

К негативным последствиям финансовых пирамид также относится неравномер-

Рис. Основные элементы финансовой пирамиды

ное распределение национального богатства государства, торможение экономического роста за счет изъятия средств из оборота, утечка капитала в иностранные банки [4; 5].

Еще с 1920-х гг. существуют схемы, по которым работают финансовые пирамиды. С каждым годом данные схемы усложняются во избежание наказания за незаконные действия и обман населения.

Борьба с финансовыми пирамидами на современном этапе приобретает новые обороты. Зачастую они маскируются под правомерную деятельность, причем если ранее эти действия носили фиктивный характер, то на данный момент они вполне реальные. Процесс маскировки предполагает реальную юридическую регистрацию общества с ограниченной ответственностью с настоящим адресом, офисом и вывеской. Кроме того, организаторы пирамид также умудряются получить лицензию управляющей компании, выгоду от фиктивной деловой репутации, которая расширяется за

счет активной рекламы. Все же в основном финансовые пирамиды функционируют на просторах Интернета через множество сайтов, скрывая личности организаторов, вводя вкладчиков в заблуждение обещанием легких доходов в короткий срок [6].

Для эффективной борьбы с финансовыми пирамидами необходимо рациональное распределение сил между правовыми институтами Российской Федерации на двух основных этапах.

Первый этап предполагает выявление и проверку финансовых пирамид. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), совместно с Банком России в практику введена методика по экспертному исследованию финансовых организаций с целью выявления финансовых пирамид¹. В рамках данной методики определены критерии, позволяющие квалифицировать деятельность организации как незаконную, избегая этапа обращения к специалистам

¹ МВД и ЦБ разработали критерии выявления финансовых пирамид // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/01/06/1014039-mvd-i-tsb> (дата обращения: 01.02.2025).

банка, что ранее требовало затрачивания большого количества времени и затягивало процесс расследования¹.

Так как большая часть мошеннических действий финансовых пирамид происходят на интернет-ресурсах, то взаимодействие Банка России и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) приобрело новое направление по блокированию мошеннических сайтов по инициативе Банка России без судебного решения. Данные от Банка России поступают в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, откуда направляется предписание о внесудебной блокировке [7; 8].

На втором этапе функции по борьбе с мошенническими действиями финансовых пирамид возлагаются на МВД России, а именно на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции² [9–16].

В большей части МВД России сталкивается с трудностями в борьбе с финансовыми пирамидами, заключающимися в отсутствии в законе прямого указания на запрет занятия подобного рода деятельностью. Чаще всего деятельность финансовых пирамид можно квалифицировать по ст. 159 «Мошенничество» УК РФ. Однако подобной квалификации подлежат действия лишь тех пирамид, которые работают по самой простой схеме. Организации второго типа, которые используют более сложные схемы, избегают ответственности по указанной статье, так как они заранее сообщают вкладчикам о наличии рисков, что исключает обман как способ совершения мошенничества. Кроме того, организатор может также избежать ответственности по ст. 159 УК РФ в том случае, если докажет, что полученные вклады были распределены на промежуточные выплаты другим вкладчикам, а не присвоены им.

Складывающаяся ситуация подтолкнула законодательные органы к внесению изменений в действующее законодательство для обеспечения справедливого наказания за совершаемые организаторами финансовых пирамид деяния. 30 марта 2016 г. был принят Федеральный закон № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», который дополнил УК РФ статьей 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества». Указанная статья предполагает ответственность за привлечение средств или иного имущества, при котором выплаты участникам предполагаются из привлеченных средств при отсутствии инвестиционной, предпринимательской либо иной деятельности, связанной с использованием привлеченных средств или иного имущества.

В случае отсутствия в действиях финансовых пирамид признаков преступления, за создание подобных организаций и ведение активной рекламной деятельности они могут привлекаться к административной ответственности по ст. 14.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Борьба с финансовыми пирамидами ведется уже давно, однако окончательно их победить все еще не удается, так как организаторы совершенствуют преступные схемы и пытаются обойти законодательные акты, чтобы избежать наказания за свою деятельность.

По мнению С. М. Мальцевой, имеется несколько основных причин, позволяющих существовать финансовым пирамидам даже при такой слаженной работе правовых институтов государства:

1. Слабый уровень знаний населения в финансовой сфере. Большая часть населения совершенно не знает основ и терминологии банковской системы. Некоторые вовсе

¹ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 24 окт. 2023 г. № 2958-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.12.2015 (дата обращения: 17.05.2024).

² Ковтунова С. Ю., Низамов С. С. Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в условиях санкций : учеб. пособие. Уфа : УЮИ МВД, 2025. 48 с.

не читают договоры, которые подписывают. Малограмотной является значительная часть населения, исходя из чего всегда есть и будут лица, на которых будут держаться и работать мошеннические схемы. Однако существует и та категория лиц, которые, обладая знаниями о мошеннических схемах финансовых пирамид, осознанно идут на риск, планируя вывести денежные средства, прежде чем пирамида рухнет. Знания не спасают их, так как никто не может предугадать, в какой именно момент разрушится схема. Организатор может закрыть пирамиду после вторых же сборов денежных средств с вкладчиков [3].

2. Законодательные упущения, касающиеся вопроса создания финансовых пирамид. Борьбу с подобными организациями следует начинать на этапе их формирования,

что позволит обеспечить защиту граждан от возможных потерь, а также повлияет на мотивацию потенциальных организаторов.

Заключение

Несмотря на ведение МВД России активной борьбы с финансовыми пирамидами, они по-прежнему продолжают возникать и вести преступную деятельность, используя новые средства и способы с целью обхода действующего законодательства. Однако отметим, что наблюдается положительная тенденция борьбы с такими организациями при тесном взаимодействии МВД России и Банка России. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года содержит в себе инновационные методы по выявлению и квалификации преступной деятельности финансовых пирамид¹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Линник Е. Ю., Ширшов С. А., Исакова Н. Ю. Финансовые пирамиды: от МММ до современных финансовых пирамид. Чем опасны и как бороться // Весенние дни науки : сб. докладов Междунар. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2023. С. 1172–1175.
2. Низамов С. С., Стомба Е. В., Стомба А. В. Личная финансовая безопасность в цифровом мире в эпоху глобализации // Наука Красноярья. 2024. Т. 13, № 1-3. С. 155–159.
3. Низамов С. С., Стомба Е. В., Поротников П. А. Некоторые аспекты содержания категории «теневая экономика» // Наука Красноярья. 2024. Т. 13, № 1-2. С. 129–133
4. Гусманов Р. У., Стомба Е. В., Низамов С. С. Цифровизация как фактор экономического роста и устойчивого развития сельских территорий // Никоновские чтения. 2021. № 26. С. 139–143.
5. Низамов С. С., Гусманов Р. У. Факторы, влияющие на человеческий капитал в условиях цифровой экономики // Цифровые и информационно-коммуникационные технологии в образовании и науке : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Бирск, 27–29 марта 2024 г. Бирск : УУНиТ, 2024. Ч. 2. С. 148–150.
6. Мальцева С. М., Смирнова Ж. В., Видяйкина П. М., Сидоров А. Н. Комплекс Сизифа: причины, последствия, способы преодоления // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 367–370. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0089>.
7. Низамов С. С. Применение метода моделирования в экономике при раскрытии содержания экономических категорий // Обратные задачи и математические модели : сб. науч. трудов, Бирск, 22 сент. 2023 г. Бирск : УУНиТ, 2023. С. 76–79.
8. Телюкова Ю. М. Роль Центрального банка в профилактике финансовых пирамид // Студент года – 2020 : сб. статей XIII Междунар. научно-исследовательского конкурса. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 132–136.
9. Минашкин А. С. Анализ деятельности финансовых пирамид в России и способы борьбы с ними // Инновации. Наука. Образование. 2021. №. 32. С. 738–744.

¹ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 24 окт. 2023 г. № 2958-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.12.2015 (дата обращения: 17.05.2024).

10. Низамов С. С. Значение и задачи инновационного развития в целях экономической безопасности национальной экономики // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 647–652.

11. Низамов С. С. Роль государства в обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта : сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 16 февр. 2023 г. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 329–333.

12. Низамов С. С. Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта: понятие и сущность // Россия молодая : сб. материалов XVI Всерос. науч.-практ. конф. и молодых ученых с междунар. участием, Кемерово, 16–19 апр. 2024 г. Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2024. С. 84407.1–84407.6.

13. Низамов С. С., Сафин Р. Р. Проблемы экономической безопасности Республики Башкортостан на примере топливно-энергетического комплекса // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 3 (15). С. 72–75.

14. Низамов С. С., Стомба Е. В. Некоторые аспекты экономической безопасности государства в условиях цифровой экономики // Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию основания инженерного факультета ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ, Оренбург, 7 февр. 2025 г. Оренбург : Оренбургский ГАУ, 2025. С. 1046–1050.

15. Низамов С. С., Стомба Е. В. Особенности влияния деятельности органов внутренних дел на экономическую безопасность страны // Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем : материалы нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию основания инженерного факультета ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ, Оренбург, 7 февр. 2025 г. Оренбург : Оренбургский ГАУ, 2025. С. 1053–1056.

16. Низамов С. С., Стомба Е. В. Экономические интересы и обеспечения экономической безопасности страны // Цифровые и информационно-коммуникационные технологии в образовании и науке : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Бирск, 27–29 марта 2024 г. Бирск : УУНиТ, 2024. Ч. 2. С. 157–160.

REFERENCES

1. Linnik E. Yu., Shirshov S. A., Isakova N. Yu. Financial pyramids: from MMM to modern financial pyramids. What are the dangers and how to deal with them? // Spring days of science : collection of reports of the international conference of students and young scientists. Yekaterinburg : “Azhur” Publishing House, 2023. P. 1172–1175. (In Russ.)

2. Nizamov S. S., Stovba E. V., Stovba A. V. Personal financial security in the digital world in the era of globalization // Science of Krasnoyarsk region. 2024. Vol. 13, no. 1-3. P. 155–159. (In Russ.)

3. Nizamov S. S., Stovba E. V., Porotnikov P. A. Some aspects of the content of the category “shadow economy” // Science of Krasnoyarsk region. 2024. Vol. 13, no. 1-2. P. 129–133. (In Russ.)

4. Gusmanov R. U., Stovba E. V., Nizamov S. S. Digitalization as a factor of economic growth and sustainable rural development // Nikon Readings. 2021. No. 26. P. 139–143. (In Russ.)

5. Nizamov S. S., Gusmanov R. U. Factors affecting human capital in the digital economy // Digital and information and communication technologies in education and science : proceedings of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, Birsik, March 27–29, 2024. Birsik : Ufa University of Science and Technology, 2024. Part 2. P. 148–150. (In Russ.)

6. Maltseva S. M., Smirnova Zh. V., Vidyakina P. M., Sidorov A. N. Sisyphus complex: causes, consequences, ways to overcome // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9, no. 2 (31). P. 367–370. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0089>. (In Russ.)

7. Nizamov S. S. Application of the modeling method in economics when disclosing the content of economic categories // Inverse problems and mathematical models : collection of scientific papers, Birsik, September 22, 2023. Birsik : Ufa University of Science and Technology, 2023. P. 76–79. (In Russ.)

8. Telyukova Yu. M. The role of the Central Bank in preventing pyramid schemes // Student of the Year 2020 : collection of articles of the 13th International scientific research competition. Penza : Science and Education, 2020. P. 132–136. (In Russ.)

9. Minashkin A. S. Analysis of financial pyramid schemes in Russia and ways to combat them // Innovation. Science. Education. 2021. No. 32. P. 738–744. (In Russ.)

10. Nizamov S. S. The importance and tasks of innovative development for the economic security of the national economy // St. Petersburg meetings of young scientists : proceedings of the 1st all-Russian congress of adjuncts, graduate students and applicants for academic degrees, St. Petersburg, June 15, 2023. Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 647–652. (In Russ.)

11. Nizamov S. S. The role of the state in ensuring economic security // Modern problems of ensuring economic security of an economic entity : collection of scientific papers of the all-Russian scientific and practical conference, Moscow, February 16, 2023. Moscow : Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 329–333. (In Russ.)

12. Nizamov S. S. Economic security of an economic entity: concept and essence // Young Russia : collection of materials of the 16th all-Russian scientific and practical conference of young scientists with international participation, Kemerovo, April 16–19, 2024. Kemerovo : Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, 2024. P. 84407.1–84407.6. (In Russ.)

13. Nizamov S. S., Safin R. R. Problems of economic security of the Republic of Bashkortostan on the example of the fuel and energy complex // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 3 (15). P. 72–75. (In Russ.)

14. Nizamov S. S., Stovba E. V. Some aspects of the economic security of the state in the digital economy // Improving engineering and technical support for production processes and technological systems : proceedings of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of the founding of the Faculty of Engineering of Orenburg State Agrarian University, Orenburg, February 7, 2025. Orenburg : Orenburg State Agrarian University, 2025. P. 1046–1050. (In Russ.)

15. Nizamov S. S., Stovba E. V. Features of the influence of the activities of internal affairs bodies on the economic security of the country // Improvement of engineering and technical support for production processes and technological systems : proceedings of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of the founding of the Faculty of Engineering of Orenburg State Agrarian University, Orenburg, February 7, 2025. Orenburg : Orenburg State Agrarian University, 2025. P. 1053–1056. (In Russ.)

16. Nizamov S. S., Stovba E. V. Economic interests and ensuring the economic security of the country // Digital and information and communication technologies in education and science : proceedings of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, Birk, March 27–29, 2024. Birk : Ufa University of Science and Technology, 2024. Part. 2. P. 157–160. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гизатова Н. В. – кандидат биологических наук, доцент;

Сухоплюев П. А. – кандидат философских наук.

Information about the authors:

Gizatova N. V. – Candidate of Biology, Associate Professor;

Sukhoplyuev P. A. – Candidate of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 17.07.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья

УДК 316.653:351.74.078(470)

Раиль Маратович Янбухтин

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, yanbuhit@mail.ru

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические вопросы социологического обеспечения управленческой деятельности в органах внутренних дел на региональном уровне, что позволит не только получить необходимую своевременную аналитическую информацию и установить эффективную систему обратной связи, но и поспособствует совершенствованию оперативно-служебной деятельности всей системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросу о необходимости разработки гибкой социально ориентированной системы измерения эффективности деятельности полиции на региональном уровне, включающей в себя ряд важных показателей работы сотрудников полиции на местах. С точки зрения автора, в качестве важных критериев измерения эффективности деятельности полиции выступают участие сотрудников полиции в решении важных социально-правовых проблем населения, оперативное и мобильное обеспечение безопасности личности и населения, своевременное оказание помощи гражданам, оказавшимся в сложной ситуации.

Ключевые слова: общественное мнение, мониторинг, управление, система обратной связи, органы внутренних дел

Для цитирования: Янбухтин Р. М. Общественное мнение в системе обратной связи органов внутренних дел на региональном уровне (теоретико-методологический аспект) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 83–91.

Original article

Rail M. Yanbukhtin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, yanbuhit@mail.ru

**PUBLIC OPINION IN THE FEEDBACK SYSTEM
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AT THE REGIONAL LEVEL
(THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT)**

Abstract. The article discusses the theoretical and methodological issues of sociological support for managerial activities in the territorial internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which allows not only to obtain the necessary analytical information and establish an effective feedback system, but also to contribute to the improvement of operational and service activities of the entire system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Special attention is paid to the need to develop a flexible, socially oriented system for measuring the effectiveness of police activities at the regional level, which includes a number of important indicators of the work of police officers in the field. From the author's perspective, the participation of police officers in solving important social and legal issues of the population, prompt and mobile provision of personal and public security, and timely assistance to citizens in difficult situations are considered as important criteria for measuring police activities.

Keywords: public opinion, monitoring, management, feedback system, internal affairs bodies

For citation: Yanbukhtin R. M. Public opinion in the feedback system of internal affairs bodies (theoretical and methodological aspect) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 83–91. (In Russ.)

Введение

Изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел имеет важное научное и практическое значение для рационального управления системой правоохранительных органов и эффективного выполнения задач по обеспечению общественного порядка и противодействия преступности. Институт общественного мнения выполняет ряд важных функций в управленческой и административно-служебной деятельности органов внутренних дел, поскольку учет мнений населения по актуальным вопросам, касающимся правоохранительной сферы, позволяет принять или скорректировать управленческие решения, способствующие повышению качества деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), полицейских служб и подразделений, укреплению законности и служебной дисциплины, а также повышению ответственности сотрудников полиции. Оценка деятельности органов внутренних дел общественностью позволяет определить недостатки в сфере организации обеспечения охраны общественного порядка и противодействия преступности.

Развитие системы МВД России приводит к необходимости совершенствования многих сторон деятельности органов внутренних дел, включая обновление организации и изучение общественного мнения о работе полиции. В соответствии с основополагающими принципами функционирования полиции, провозглашенными в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹, систематически и организованно проводится изучение мнения населения².

Опрос граждан о работе полиции выступает не только в качестве одного из крите-

риев официальной аналитической информации, необходимой для системы управления органов внутренних дел, позволяющей установить эффективную систему обратной связи, но и предстает одним из основных средств совершенствования оперативно-служебной деятельности всей системы МВД России. При этом важное значение имеет изучение общественного мнения о деятельности подразделений полиции территориальных органов МВД России. Ведь в процессе проведения исследований общественного мнения мониторингового типа становится возможным в большей степени не только получить актуальную социологическую информацию о процессах, которые происходят в деятельности правоохранительного органа на региональном уровне, в частности, выступающей основой вневедомственной оценки его деятельности, но и проводить социологические исследования с учетом региональных особенностей, включая выявление факторов, обуславливающих формирование мнения граждан в регионах, поиск эффективных методик и инструментария изучения массового сознания, определение имеющихся проблем разного характера, установление перспективных форм и методов взаимодействия всех субъектов, заинтересованных в решении вопросов правоохранительной направленности.

Обращение к литературе, посвященной данной проблематике, позволяет констатировать, что имеется немало дискуссионных вопросов, связанных с исследованием общественного мнения в качестве важного института гражданского общества, с совершенствованием организации и методики проведения мониторинга общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне, а также с определением

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вопросы оценки деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России : приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

эффективных методов и средств его изучения в условиях информационного общества [1–11]. Несмотря на многоаспектность научных работ остаются открытыми вопросы теоретико-методологического и практического характера, к числу которых следует отнести особенности опроса населения о деятельности полиции на региональном уровне, определение основных параметров системы оценки и измерения эффективности деятельности территориальных органов МВД России, применение результатов социологических исследований в деятельности подразделений полиции на местах. В частности, исследователи определяют целый комплекс проблем в области изучения мнения граждан о деятельности полиции Российской Федерации: обеспечение репрезентативности выборки, валидности и надежности социологических данных; репрезентация латентных установок респондентов [1, с. 135]. В соответствии с указанными проблемами в литературе определяются и меры, направленные на повышение объективности и достоверности результатов социологических опросов, заключающихся в поиске наиболее современных методик и инструментария изучения общественного мнения, создание единой базы данных [1, с. 138].

Другие ученые на основе имеющейся практики проведения комплексных исследований в области изучения мнения населения о деятельности полиции определяют следующие перспективные направления: взаимодействие с Федеральной службой охраны Российской Федерации по вопросам использования дополнительной социологической информации о социально-экономических, общественно-политических и межконфессиональных отношениях на региональном уровне; расширение перечня форм использования «контактных» и «бесконтактных» методов сбора социологической информации в качестве дополнительного инструментария проблемно ориентированного исследования в области обеспечения общественной и личной безопасности, правоохранительной практики территориальных

органов МВД России с учетом результатов мониторинга региональных средств массовой информации (далее – СМИ), социальных сетей, телеграм-каналов и блогосферы по правоохранительной тематике; привлечение преподавателей и студентов социологических специальностей высших учебных заведений, обучающихся и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, волонтерских общественных организаций для сбора социологической информации в рамках проведения региональных исследований при содействии общественных советов при территориальных органах МВД России [10, с. 47].

Исследователи, выделяя проблему использования результатов изучения общественного мнения о деятельности полиции, определяют ряд факторов: недостаточность отражения результатов мониторинга мнения населения в СМИ, отсутствие широкого обсуждения содержания этих опросов [8]. Следует отметить, что решение этих и других вопросов связано не только с управленческим процессом в деятельности правоохранительного органа, но и с самим социологическим изучением, то есть отдельного внимания требуют вопросы методологического и теоретического характера.

Рассмотрение теоретико-методологических основ социологического анализа общественного мнения о деятельности полиции в контексте системы обратной связи органов внутренних дел в современных условиях представляется практически значимым и перспективным.

Целью представленного исследования является рассмотрение ряда теоретико-методологических аспектов изучения мнения населения в системе обратной связи органов внутренних дел на региональном уровне. В этой связи требуется вновь затронуть вопросы методики мониторинга функционирования полиции, применения новых подходов, технологических средств, приемов изучения общественного мнения и т. д. Большое значение имеют выбор критериев и субъектов оценивания и то, насколько полно

учитываются результаты социологического опроса.

Методы

При разработке методологии исследования были использованы диалектический, исторический, структурно-функциональный, системный и специальные социологические методы (опрос, контент-анализ документов, метод экспертных оценок).

Результаты

В рамках рассмотрения нашего вопроса для примера приведем результаты исследований мнения населения о деятельности полиции в Республике Башкортостан, полученные автором как членом рабочей группы по организации и проведению опроса населения о деятельности полиции в МВД по Республике Башкортостан (далее – МВД по РБ) (приказ МВД по РБ от 24 июля 2017 г. № 654 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности МВД по Республике Башкортостан»).

В соответствии с приказом МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции»¹, а также в целях реализации положений ст. 9 Федерального закона «О полиции» рабочая группа в 2024 г. проводила опрос населения о деятельности полиции МВД по РБ в виде анкетирования в онлайн-режиме. В этих целях использовался официальный сайт МВД по РБ (<http://02.мвд.рф>). Объем совокупности опроса-анкетирования составил 284 единицы и включал следующую категорию граждан: возраст от 18 до 24 лет – 13 %, от 25 до 54 лет – 79 %, от 55 лет и старше – 8 %; пол мужской – 31 %, пол женский – 69 %.

Руководствуясь тем, что в условиях информационного общества и цифровизации многих сфер общественной жизни изменяется структура преступности, связанная с увеличением доли интернет-преступности, телефонного мошенничества и другого рода правонарушений в области киберпространства, в анкету были включены вопросы, це-

лю которых являлось получение информации о состоянии криминогенной ситуации в области киберпреступности.

Благодаря проведенному исследованию была получена первичная социологическая информация, содержащая сведения о криминогенной ситуации, связанной с преступными действиями, осуществляемыми с использованием цифровых устройств или сетей. В ходе опроса населению были заданы вопросы, требующие зарегистрировать те или иные факты и события, которые произошли с ними лично. Например, на вопрос «За последний год подвергались ли Вы лично телефонному или интернет-мошенничеству?» 48 % опрошенных граждан ответили утвердительно. При ответе же на вопрос «Обращались ли Вы по этому поводу в органы внутренних дел (полицию)?» 9 % респондентов указали, что обращались, а 91 % – не обращались в полицию.

В число потенциально эффективных форм противодействия преступлениям в области киберпространства входят СМИ, теле- и радиокommunikации, сеть Интернет. Подтверждением тому служат результаты интернет-опроса населения об источниках осведомленности граждан о телефонном или интернет-мошенничестве. Большая часть представлений о телефонном или интернет-мошенничестве складывается у населения либо на основе личного опыта, либо из бесед с друзьями, знакомыми, в семье, от руководителя (более 50 %). Также значительное число граждан в качестве основных источников информации отмечают материалы СМИ (25 %), публикации в Интернете (23 %).

Судя по результатам опроса, только незначительной части граждан присуща установка на обращение в полицию в случае покушения на мошенничество. На вопрос «В случае поступления Вам подозрительного звонка (сообщения) с незнакомого номера Вы...» 49 % опрошенных ответили, что «не возьмут трубку (не будут реагировать

¹ Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции : приказ МВД России от 1 дек. 2016 г. № 777. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на сообщение)», 16 % – «примут решение после общения со звонившим (автором сообщения)», 32 % – «ничего не будут принимать, так как не поддались обману». При этом только 3 % респондентов готовы сообщить в полицию о покушении на мошенничество.

Таким образом, полученная в результате изучения общественного мнения о деятельности полиции в Республике Башкортостан первичная социологическая информация позволяет констатировать, что одной из ключевых проблем на современном этапе деятельности полиции МВД по РБ является активное противодействие преступным действиям в области киберпространства.

Выявление проблемы киберпреступности в рамках проведения мониторинга общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне позволяет ставить вопрос о необходимости организации и проведения специальных социологических исследований с учетом региональных особенностей, включая определение содержания преступной деятельности в области киберпространства, факторов и условий его проявления. Последнее дает возможность вести речь о способах и средствах проведения эффективной политики в области противодействия и профилактики киберпреступности в Российской Федерации.

В настоящее время государственным органам необходимо уделять пристальное внимание устранению условий и причин проявления преступной деятельности в области киберпространства на федеральном и региональном уровнях. Важное значение в системе противодействия киберпреступности в современном российском обществе имеет именно профилактическая деятельность, главной целью которой является повышение уровня правовой культуры населения.

В этой связи, затрагивая вопрос о формировании и развитии эффективной модели противодействия киберпреступности, полагаем, что необходимо четко определить исходные методологические и теоретические аспекты профилактики преступной деятельности в области киберпространства.

Во-первых, проблему построения эффективной системы профилактики в России следует рассматривать в контексте современных тенденций. В условиях новых вызовов и угроз для неуклонного развития российского государства, связанных с меняющимся мировым порядком и переоценкой существующих систем ценностей, актуализируются проблемы организации и правового регулирования взаимодействия общественных институтов с органами исполнительной власти, включая органы правопорядка, в целях сохранения, укрепления, сплочения и безопасности нации.

На многочисленных примерах патриотизма, воинского долга, самоуважения, самоорганизации, создания народного ополчения и других форм активной поддержки гражданами добровольцев и армии, позиции государства на фоне специальной военной операции обозначилась проблема нового видения гражданского общества, его социокультурных оснований, традиций, верований для эффективного применения неиспользованного потенциала во всех сферах общественной жизни, включая правоохранительную.

С обозначением проблемы нового видения гражданского общества, основывающегося на социокультурных механизмах самоорганизации, нравственности, исторических традициях, верованиях, понимании усиления его роли и потенциальных возможностей в развитии и обеспечении безопасности российского государства, вновь приобретают актуальность вопросы совершенствования правового и организационного обеспечения взаимодействия государственных структур с институтами гражданского общества, включая проведение профилактической работы в области киберпространства, реализацию различных программ, мероприятий, направленных на предупреждение киберпреступности.

Во-вторых, следует учитывать сложность такого социально-психологического феномена, как экстремизм, его различные видоизменения, а также деятельность спецслужб, идеологов, при совершенствовании

практики профилактики и противодействия экстремизму со стороны государственных, правоохранительных органов.

Считаем важным поставить вопрос о разработке ценностно ориентированной модели системы профилактики в российском обществе с учетом современных тенденций и перспектив. Такая постановка вопроса о построении подобной модели профилактики, базирующейся на традиционных российских ценностях, главной целью которой выступает развитие личности с определенными социально-культурными характеристиками, отвечает Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

В соответствии с тенденциями развития гражданского общества и российского законодательства необходимо выстраивать такую многоуровневую модель системы профилактики киберпреступности, где главным элементом выступает проведение профилактической деятельности, направленной на формирование правовой культуры граждан. При этом важно в качестве субъектов профилактической деятельности рассматривать как государственные структуры, так и институты гражданского общества, СМИ, конструктивное и партнерское взаимодействие которых во всех сферах общественной жизни позволяет укрепить единство и сплоченность российского многонационального народа, утвердить ценности добра, справедливости, прав и свобод человека и гражданина, создать условия для развития всей социальной системы, экономических, социально-политических, национальных, духовных и культурных отношений.

Итак, проведение социологических исследований в регионах позволяет системе управления территориального органа получить информацию по ряду вопросов,

включая киберпреступность, телефонное мошенничество, что способствует повышению качества управленческого процесса не только на федеральном, но и на региональном уровне. Кроме того, изучение мнения граждан о деятельности полиции на региональном уровне потенциально служит в качестве основания проведения дальнейшего социологического исследования по выявленным актуальным проблемам в области правоохранительной деятельности с учетом региональных особенностей. В свою очередь, социологический анализ преступной деятельности в области киберпространства позволяет определить перспективные направления, формы и методы проведения эффективной политики в области противодействия и профилактики киберпреступности в Российской Федерации.

Анализ результатов опроса мнения населения о деятельности полиции на примере Республики Башкортостан также вновь подводит к необходимости поиска новых показателей оценки и измерения эффективности деятельности правоохранительного органа, позволяющих получать своевременную социально значимую информацию. В этом контексте требуется активная разработка и внедрение таких методик опросов населения и критериев оценки деятельности полиции, применение которых позволит усовершенствовать систему функционирования обратной связи управления территориальных органов внутренних дел на региональном уровне. Полагаем, что развитие механизма обратной связи в управленческой деятельности органов внутренних дел является важной платформой установления модели доверительных и партнерских отношений между полицией и общественностью. Целесообразно поднять вопрос о необходимости разработки гибкой социально ориентированной системы измерения эффективности деятельности полиции на региональном уровне, включающей в себя ряд важных показателей работы сотрудни-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ков полиции на местах. На наш взгляд, при разработке такой системы в качестве важных показателей функционирования института полиции следует рассматривать участие сотрудников полиции в решении важных социально-правовых проблем населения (незаконная деятельность риелторов, киберпреступность, телефонное мошенничество, семейно-бытовые конфликты и др.), оперативное и мобильное обеспечение безопасности личности и населения, своевременное оказание помощи гражданам, оказавшимся в сложной ситуации.

Заключение

Исходя из положения о том, что социологическое обеспечение управленческой деятельности в органах внутренних дел является одним из основных условий и факторов качественной деятельности полиции и установления устойчивой системы обратной связи, следует сделать основной вывод о том, что мониторинг общественного мнения о деятельности полиции в территориальных органах МВД России следует рассматривать в качестве такого изучения мнения граждан, которое позволяет не только получать первичную социологическую информацию по актуальным проблемам, например из области криминогенной ситуации, связанной с киберпреступностью, но и ставить вопрос

о целесообразности организации и проведения специальных социологических исследований с учетом региональной специфики, включая выявление содержания преступных действий с использованием цифровых технологий или сетей, а также причин и условий его проявления. Подобного рода исследование открывает новые возможности для укрепления системы взаимного конструктивного сотрудничества подразделений полиции с общественностью, эффективного использования социального потенциала доверительных и партнерских отношений подразделений полиции с общественными объединениями в решении задач правоохранительной направленности, особенно в части организации и проведения различных программ, мероприятий по профилактике киберпреступности, отвечающих законным интересам и ожиданиям местного населения. Глубокое и всестороннее изучение мнений, установок и ожиданий граждан является незаменимым инструментом в системе обратной связи управления территориальных органов внутренних дел МВД России, позволяющим принимать качественные управленческие решения, способствующие повышению эффективности функционирования деятельности органов внутренних дел на региональном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демидов Н. Н. Проблемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российском обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 133–139.
2. Невский С. А., Бормотова Т. М., Яковлев О. В., Черкасов Р. В. Общественная оценка деятельности российской полиции в социальных медиа (на примере Магаданской области) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2021. Т. 46, № 3. С. 434–442. <https://doi.org/10/52575/2712-746X-2021-46-3-434-442>.
3. Бормотова Т. М., Мазаев Ю. Н., Черкасов Р. В. Оценка деятельности российской полиции в социальных сетях и блогосфере в период пандемии // *Социальная политика и социология.* 2021. Т. 20, № 1 (138). С. 56–64. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-56-64>.
4. Бормотова Т. М., Мазаев Ю. Н., Яковлев О. В., Фролов В. Б. Основные методические приемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российских и зарубежных исследованиях // *Социальная политика и социология.* 2022. Т. 21, № 1 (142). С. 63–70. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2022-21-1-63-70>.
5. Каспаров А. Р., Савина С. В. Современные методы изучения общественного мнения о деятельности полиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 4 (269). С. 138–145.

6. Латов Ю. В., Ситковский А. Л., Костин С. Г. Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 194–206.

7. Невский С. А., Черкасов Р. В., Яковлев О. В. Изучение общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации (организация мониторинга и его результаты) // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 24–30.

8. Ситковский А. О. О состоянии и перспективах изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Профessional. 2011. № 6. С. 25–27.

9. Ситковский А. О., Латов Ю. В. Парадоксы оценки деятельности российской полиции в опросе общественного мнения // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 49–56.

10. Невский С. А., Черкасов Р. В., Яковлев О. В. Исследование общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации: результаты, проблемы организации и пути совершенствования // Научный портал МВД России. 2024. № 2 (66). С. 41–48.

11. Янбухтин Р. М. Общественное мнение о деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России (на примере Республики Башкортостан) // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4 (12). С. 95–98.

REFERENCES

1. Demidov N. N. Problems of studying public opinion about police activities in Russian society // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2024. Issue 4 (857). P. 133–139. (In Russ.)

2. Nevsky S. A., Bormotova T. M., Yakovlev O. V., Cherkasov R. V. Public assessment of the Russian police in social media (on the example of Magadan region) // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2021. Vol. 46, no. 3. P. 434–442. <https://doi.org/10/52575/2712-746X-2021-46-3-434-442>. (In Russ.)

3. Bormotova T. M., Mazaev Yu. N., Cherkasov R. V. Assessment of the activities of the Russian police in social networks and the blogosphere during a pandemic // Social policy and sociology. 2021. Vol. 20, no. 1 (138). P. 56–64. (In Russ.)

4. Bormotova T. M., Mazaev Yu. N., Yakovlev O. V., Frolov V. B. Basic methodological techniques for studying public opinion about police activities in Russian and foreign studies // Social policy and sociology. 2022. Vol. 21, no. 1 (142). P. 63–70. (In Russ.)

5. Kasparov A. R., Savina S. V. Contemporary methods of studying public opinion about the police activities // Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political science, Cultural Studies. 2020. Issue 4 (269). P. 138–145. (In Russ.)

6. Latov Yu. V., Sitkovskiy A. L., Kostin S. G. Comparison of public opinion research on police activities at the regional level: Federal Protection Service versus Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. No. 2 (58). P. 194–206. (In Russ.)

7. Nevskiy S. A., Cherkasov R. V., Yakovlev O. V. Study of public opinion on the activities of the police of the Russian Federation (organization of monitoring and its results) // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (62). P. 24–30. (In Russ.)

8. Sitkovsky A. O. On the state and prospects for studying public opinion on the activities of the internal affairs bodies // Professional. 2011. No. 6. P. 25–27. (In Russ.)

9. Sitkovsky A. O., Latov Yu. V. Paradoxes of the Russian police assessment in the public opinion poll // Sociological studies. 2021. No. 2. P. 49–56. <https://doi.org/10.31857/SO13216250010880-1>. (In Russ.)

10. Nevskiy S. A., Cherkasov R. V., Yakovlev O. V. The study of public opinion on the activities of the police of the Russian Federation: results, issues of organization and ways of improvement // Scientific portal of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2024. No. 2 (66). P. 41–48. (In Russ.)

11. Yanbukhtin R. M. Public opinion on the activities of the territorial internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 4 (12). P. 95–98. (In Russ.)

Информация об авторе:

Янбухтин Р. М. – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author:

Yanbukhtin R. M. – Candidate of Sociology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 26.09.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 1:32.019.5(470)(091)

Сергей Борисович Горбачев
*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, gorbachevsb@mail.ru*

О СТАНОВЛЕНИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу становления евразийской цивилизационной идентичности России, которое длилось на протяжении столетий. Процесс этот не был линейным, неоднократно возникали серьезные сомнения, что более наглядно проявлялось в ситуациях цивилизационного выбора. В конце XX в. Россия пережила (и в некоторых отношениях этот процесс продолжается) новый период неуверенности в собственной цивилизационной идентичности. Однако сейчас в российском обществе усиливается тенденция возврата к своей евразийской идентичности, в основе которой – проявления общинного духа, признание значения ответственности (а не только прав), справедливость как один из высших этических принципов.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, идентичность, евразийство, общество, элита

Для цитирования: Горбачев С. Б. О становлении евразийской цивилизационной идентичности России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 92–97.

Original article

Sergey B. Gorbachev
*Ufa University of Science and Technology, Ufa,
Russia, gorbachevsb@mail.ru*

ON THE FORMATION OF THE EURASIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of the Eurasian civilizational identity of Russia, which has lasted for centuries. This process was not linear, serious doubts repeatedly arose in it, which was most clearly manifested in situations of civilizational choice. At the end of the 20th century, Russia experienced (and in some respects this process continues) a new period of uncertainty in its own civilizational identity. However, now in Russian society there is a growing tendency to return to its Eurasian identity, which is based on manifestations of the communal spirit, recognition of the importance of responsibility (and not just rights), justice as one of the highest ethical principles.

Keywords: Russia, civilization, identity, Eurasianism, society, elite

For citation: Gorbachev S. B. On the formation of the Eurasian civilizational identity of Russia // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 92–97. (In Russ.)

Введение

Цивилизационная идентичность, на наш взгляд, не есть нечто застывшее и неизменное. Как и сама цивилизация, ее идентичность эволюционирует. Если обратиться к аналогии с личностью человека, то процесс социализации длится всю его жизнь. Так и с цивилизацией – при сохранении некоего архетипического ядра развитие цивилизации (большого соборного субъекта, если следовать термино-

логии Л. П. Карсавина [1, с. 176]), приводит к тому, что ее идентичность претерпевает определенные изменения.

В данном случае речь пойдет о становлении евразийской цивилизационной идентичности России, которое длится на протяжении столетий. Процесс этот не был линейным, неоднократно возникали серьезные сомнения в цивилизационной идентичности, что более наглядно проявлялось в ситуациях цивилиза-

© Горбачев С. Б., 2025

ционного выбора, которые будут проанализированы в данном исследовании.

Методы

Основу методологии исследования составляет цивилизационный подход, утверждающий идею культурного многообразия мира [2; 3]. Также данное исследование основывается на социокультурном [4; 5; 6] и историческом подходах, поскольку процесс становления цивилизационной идентичности анализируется в социокультурном плане, в исторической динамике.

Результаты

Согласно теории суперэтносов Л. Н. Гумилева, российская (евразийская) цивилизация зарождалась в начале XIII в. в результате меридионального пассионарного толчка [7, с. 133]. Однако это не означает полного отрицания Древней Руси, ее истории. Одной из важнейших черт цивилизационной идентичности, а в ту эпоху и вообще определяющей, является религиозная идентичность, вера. Религия формирующейся тогда российской цивилизации была унаследована от Древней Руси, и первый цивилизационный выбор был сделан еще в X в., с крещением Руси.

Наиболее известная версия выбора веры изложена Н. М. Карамзиным. Князь Владимир, согласно этой версии, выбирал между православием, католичеством, исламом и иудаизмом [8, с. 36]. Несмотря на ее явную анекдотичность (иудаизм выбрать невозможно в принципе, поскольку это генотеистическая религия), она пользуется определенной популярностью до сих пор.

В отечественном философском дискурсе мысль о принятии православия как о цивилизационном выборе прозвучала в споре западников и славянофилов в XIX в. Собственно, сам спор с этого вопроса и начался. Западники, в первую очередь П. Я. Чаадаев, утверждали, что выбор был неверен: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии... Сколько ярких лучей озаряло уже тогда Европу, на вид окутанную мраком! ... Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам; эти новые силы, которыми она обогати-

ла человеческий ум; эти нравы, которые, вследствие подчинения безоружной власти, сделались столь же мягкими, как раньше были грубы, – все это нас совершенно миновало» [9, с. 38–39]. По их мнению, выбирать нужно было католичество и тогда с самого начала Россия шла бы по «главному историческому пути», наслаждаясь всеми благами цивилизации: развитой и богатой экономикой, безопасностью, справедливо и разумно устроенной политической и правовой системой, гуманизмом, «естественными» правами человека, процветающим искусством, образованием и наукой.

Можно на это справедливо ответить (что в свое время и делали славянофилы), что вера по сути своей иррациональна и идеальна, а значит, и выбор веры не может определяться логическими и материалистическими причинами – он обусловлен эмоционально и мистически. Если же некий субъект выбирает веру, руководствуясь соображениями материального порядка, вряд ли его можно вообще считать верующим.

Хотя даже если встать на позицию самих западников и рассуждать с материалистической точки зрения, то и тогда принятие православия от Византии было совершенно логично. Выбор католичества в конце X в. не означал бы приобщения к развитой и высокоорганизованной цивилизации, поскольку в то время Западная Европа таковой не являлась. В эпоху раннего Средневековья этот регион по ряду критериев вернулся на стадию варварства. Там господствовала феодальная раздробленность, «кулачное право» Гогенштауфенов, поголовная неграмотность (причем зачастую даже в среде духовенства), весьма низкий уровень экономики и торговли, отсутствие элементарных бытовых удобств и антисанитария. А вот Византия, напротив, в эпоху Македонской династии являла собой образец как политического могущества, так и культурного и экономического развития. Древняя Русь, обратившись к Византии, в XI–XII вв. опережала Западную Европу и по уровню экономики, и по уровню культурного развития, и по бытовому комфорту.

Следующий важнейший цивилизационный выбор был сделан в XIII в. во время княжения Александра Невского, который, по сути, преопределил евразийскую судьбу России.

Именно при Александре Невском, при его деятельном участии Русь (Владими́ро-Суздальская земля) выбрала евразийский путь развития. Многие из его современников (включая брата Андрея) и потомков (тех же западников) считали, что и этот выбор был неверен – следовало выбирать Европу, а не Орду. А что произошло бы, выбери Александр не Орду, а Европу в то время? Западники утверждают, что в таком случае Русь в союзе с католической Европой, объявившей очередной крестовый поход (на этот раз против Орды), нанесла бы поражение монголам и Россия далее развивалась бы как «нормальное» европейское королевство, наслаждаясь всеми благами цивилизации.

Вопрос о том, каковы были эти «блага» в XIII в., весьма спорный. На наш взгляд, особого прогресса в этом отношении по сравнению с X в. не наблюдалось. Главное в том, что утопичность подобных мечтаний доказала сама история. Князь Михаил Черниговский повел себя в то время в полном соответствии с рекомендациями западников. В 1242 г. он обратился за помощью к венгерскому королю Беле IV, в 1245 г. отправил посольство на Лионский собор, предлагая германскому императору и папе римскому военный союз против монголов. Обещаний было много, однако никакой реальной помощи он не получил и в итоге был казнен в Орде. Дело в том, что Европа была не в состоянии и даже не собиралась воевать с Монгольской империей – самой мощной в XIII в. военной силой в мире, воочию познакомившись с ней в 1241–1242 гг. в ходе Великого западного похода и потерпев сокрушительные поражения в битвах при Легнице и на реке Шайо. Кстати, Европу в то время спасла монгольская военная демократия. Умер великий хан, и все военные действия должны были прекратиться, а воины – вернуться в Каракорум, чтобы на курултае выбрать нового хана. Но после курултая западный поход так и не возобновился, вероятнее всего потому, что мон-

голы воочию убедились, что в плане добычи Европа не была особо привлекательной, а вмещающий ландшафт их не устраивал.

Помощи от Европы ждать было бесполезно еще и потому, что, напротив, в это время продолжался крестовый поход на Восточную Европу (в том числе на Русь), объявленный папой Целестином III в 1193 г. Александр Невский и его преемники отражали не просто нашествие немцев, датчан или шведов, они отражали крестовый поход, в котором вначале участвовало все европейское рыцарство.

Из двух зол было выбрано меньшее. Орда требовала дань, но не посягала на земли и души – вмещающий лесной ландшафт (аналогичный европейскому) кочевников не прельщал, а до принятия ислама Орда была весьма веротерпимой (более того, на протяжении полувека существовала высокая вероятность обращения самой Орды в православие, там была создана Сарская епископия, многие монголы, в том числе представители знати, принимали православие), то есть требования смены самоидентификации со стороны Орды не было. Европейские же крестоносцы претендовали и на земли, и на души, активно осваивая пространство и навязывая католичество – требуя «стать другим», а на языке того времени «отдать душу». Выбор был основан и на знании прошлого: тогда всем на Руси была известна судьба славянских племенных союзов ободритов и лютичей, чьи земли (территория нынешней Восточной Германии) были захвачены германцами в XII в., а население быстро ассимилировано, то есть лишено самоидентификации и стало считать себя германцами (следы принадлежности к славянству остались разве что в фамилиях, например фон Бюлов и т. п.).

Со времен Петра I Россия вновь оказалась в ситуации цивилизационного выбора – стать частью Запада или сохраниться как самобытная цивилизация. Значительная часть элиты и позже сформировавшейся интеллигенции вестернизировалась и стала идентифицировать себя как часть Запада. Стала ли она при этом в действительности частью

Запада – отдельный вопрос. Ведь многие эмигранты первой волны, уверенные в своей западной идентичности, приехав в Европу после революции 1917 г., столкнулись с тем, что их зачатую воспринимают как чужаков, людей «второго сорта» [10, с. 497].

Один из основателей современной цивилизационной теории Н. Я. Данилевский выделяет три способа воздействия одной цивилизации на другую: «пересадка», «удобрение» и «прививка» [11, с. 102]. Применение им столь «садоводческой» терминологии в данном случае вполне простительно – во-первых, Н. Я. Данилевский по образованию был биологом, во-вторых, данные термины верно описывают суть воздействия.

«Пересадка» в данном случае – это колонизация, чаще всего насильственная. Цивилизация, на которую оказывается такое воздействие («оппонент»), перестает существовать, люди лишаются своей идентичности или уничтожаются физически. Так, по первому пути пошли конкистадоры, уничтожившие цивилизации ацтеков и инков, но не стремившиеся целенаправленно к полному физическому истреблению местного населения (в некоторых странах Южной Америки индейцы и сейчас составляют большинство населения). По второму пути пошли англосаксы при освоении территории Северной Америки. Большая часть местного населения была уничтожена физически, целыми этническими группами, достаточно вспомнить участь ирокезов, мохоков, делаваров, тускарора и т. д.

«Удобрение» – наиболее оптимально для «оппонента». «Принимающая» цивилизация сохраняет всю свою самобытность, самоидентификацию и берет на вооружение лишь цивилизационно нейтральные компоненты – естественные, точные науки, технологии и т. п. (китайский путь).

«Прививка» – тот путь, по которому явно пошла Россия после реформ Петра I. Цивилизация, на которую осуществляется такое воздействие, становится средством реализации чужих целей. Если обратиться к аналогии с садоводством, из «дичка» привитый культурный побег вытягивает

все соки. Россия в XVIII в. во многих отношениях стала именно «привитой цивилизацией», средством реализации западных целей.

Так, нередко российская армия, особенно в том же XVIII в., воевала скорее за интересы других европейских стран, чем за собственные. Известный героический переход Суворова через Альпы – яркий эпизод военной кампании против республиканской Франции, в которой Россия оказывала помощь Австрии, но следования собственным национальным интересам в этих действиях не прослеживается.

Мздоимство и казнокрадство существовали в России и до XVIII в., но они были ограничены объективными обстоятельствами – невозможностью вывоза финансовых средств за рубеж. Петр I, «прорубив окно в Европу», открыв Россию в экономическом плане, вывел коррупцию на качественно новый уровень. Отток финансовых средств из страны приобрел колоссальные масштабы. Например, по утверждению И. Л. Солоневича, только один из фаворитов Петра I Александр Меншиков вывел в европейские банки около 5 млн рублей, что сопоставимо с годовым бюджетом всей России того времени [12, с. 544]. Таким образом, благополучие Запада строилось во многом и за счет финансовых средств из России.

В конце XX в. Россия пережила (и в некоторых отношениях этот процесс продолжается) новый период неуверенности в собственной цивилизационной идентичности.

Большая часть элиты и интеллигенции ощутила себя частью западной цивилизации, поверив в ее мифологию [13]. В их среде доминирующей стала точка зрения, что Россия – не более, чем «отсталая часть Запада», которой требуется проводить «догоняющую модернизацию». По сути же, речь шла о вестернизации. Утверждалось, что без помощи Запада (кредитов, технологий, развития торговли и т. п.) выжить невозможно, а потому нужно во всем его копировать и следовать всем его указаниям (стать средством реализации его целей). В 1990-е гг. Россия шла по пути превращения в сырьевой придаток За-

пада. Значительная часть элиты и интеллигенции полагала, что это вполне приемлемая цена за возможность личного обогащения (за счет соучастия в эксплуатации собственной страны) и возможность ощутить себя частью Запада. Речь шла даже не о том, чтобы стать частью Запада в действительности, поскольку сейчас уже очевидно, что он сам никогда так Россию и россиян не позиционировал (достаточно вспомнить политику «двойных стандартов», например, в отношении наших спортсменов), а именно ощутить. В действительности приобретения вестернизированной части российского общества носят характер либо виртуальный (ощущение – факт сознания, не всегда соответствующий реальности), либо ненадежный, ибо благосостояние вестернизированной элиты полностью основывается на гарантиях Запада (хотя бы потому, что финансовые средства размещаются в структурах, им контролируемых). И Запад в любой момент может забрать приобретения материального плана у любого представителя вестернизированной элиты: наглядный пример – незавидная судьба бывшего премьер-министра Украины П. Лазаренко, получившего на Западе реальный тюремный срок и потерявшего почти все свое состояние.

Заключение

Лозунг евразийства можно сформулировать так: «Познай самого себя и будь самим собой» [14]. Но это и определение свободы. Свобода – это быть и оставаться самим собой. Элементарный здравый смысл говорит, что если отказаться от собственной идентичности, перестать быть собой, то никакие блага (а приобретение и сохранение этих благ, как было показано выше, еще и находится под большим вопросом) не являются компенсацией этой утраты, поскольку пользоваться ими будет уже другой субъект с иной самоидентификацией (если сильно упрощать, вы становитесь миллионером, но с условием, что в вашем теле будет существовать другая личность) [15, с. 26].

И уже с начала XXI в. в российском обществе, в том числе среди элиты и интеллигенции, в значительной мере осознавших вышеупомянутые «ловушки вестернизации», усиливается тенденция возврата к собственной евразийской цивилизационной идентичности, в основе которой – проявление общинного духа во всех сферах, признание значения ответственности (а не только прав), справедливость как один из высших этических принципов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М. : Наука, 1993. С. 174–216.
2. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск : Попурри, 1999. 720 с.
3. Тойнби А. Д. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 731 с.
4. Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 130–136.
5. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М. : Институт философии РАН, 2000. 191 с.
6. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
7. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М. : Айрис-пресс, 2002. 320 с.
8. Карамзин Н. М. Об истории государства Российского / сост. А. И. Уткин. М. : Просвещение, 1990. 384 с.
9. Чаадаев П. Я. Философические письма: сб. М. : Директ-Медиа, 2016. 829 с.
10. Горбачев С. Б. О некоторых мировоззренческих подходах к определению внешнеполитической стратегии России в отечественном философском дискурсе // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179). С. 496–497. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-4-179-496-497>.

11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М. : Эксмо, 2003. 640 с.
12. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : Эксмо, 2003. 608 с.
13. Горбачев С. Б. О некоторых аспектах современного западного мифотворчества // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 111–116.
14. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М. : Наука, 1993. С. 36–47.
15. Горбачев С. Б. Проблема соотношения идентичности и свободы в евразийстве // Современные социально-гуманитарные технологии, традиции и инновации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 7–8 нояб. 2024 г.) / отв. ред. Н. М. Лавренюк-Исаева. Уфа : УУНиТ, 2024. С. 25–27.

REFERENCES

1. Karsavin L. P. Fundamentals of politics // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow : Nauka, 1993. P. 174–216. (In Russ.)
2. Spengler O. The decline of Europe: essays on the morphology of the world history. Vol. 2. World-historical perspectives. Minsk : Popurri, 1999. 720 p. (In Russ.)
3. Тойнбе А. Д. Understanding the history. Moscow : Progress, 1991. 731 p. (In Russ.)
4. Kolesin I. D. Approaches to the study of sociocultural processes // Social investigations. 1999. No. 1. P. 130–136. (In Russ.)
5. Lapin N. I. The paths of Russia: sociocultural transformations. Moscow : Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2000. 191 p. (In Russ.)
6. Lapin N. I. Sociocultural approach and societal-functional structures // Social investigations. 2000. No. 7. P. 3–12. (In Russ.)
7. Gumilyov L. N. From Rus to Russia: essays on ethnic history. Moscow : Airis-press, 2002. 320 p. (In Russ.)
8. Karamzin N. M. On the history of the Russian state / comp. by A. I. Utkin. Moscow : Prosveshchenie, 1990. 384 p. (In Russ.)
9. Chaadaev P. Ya. Philosophical letters : collection. Moscow : Direct-Media, 2016. 829 p. (In Russ.)
10. Gorbachev S. B. On some worldview approaches to determining the foreign policy strategy of Russia in Russian philosophical discourse // Eurasian law journal. 2023. No. 4 (179). P. 496–497. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-4-179-496-497>. (In Russ.)
11. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germano-Roman one. Moscow : Eksmo, 2003. 640 p. (In Russ.)
12. Solonevich I. L. People's monarchy. Moscow : Eksmo, 2003. 608 p. (In Russ.)
13. Gorbachev S. B. About some aspects of modern western myth-making // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 111–116. (In Russ.)
14. Trubetskoy N. S. On true and false nationalism // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow : Nauka, 1993. P. 36–47. (In Russ.)
15. Gorbachev S. B. The problem of the relationship between identity and freedom in Eurasianism // Modern social and humanitarian technologies, traditions and innovations : collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference (Ufa, November 7–8, 2024) / ed. by N. M. Lavrenyuk-Isaeva. Ufa : Ufa University of Science and Technology, 2024. P. 25–27. (In Russ.)

Информация об авторе:

Горбачев С. Б. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the author:

Gorbachev S. B. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 26.09.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не мо-

гут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

Заявка

на опубликование научной статьи электронном в научном журнале
«Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.